

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет
имени Доржи Банзарова»

ЦЕЛОСТНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Сборник статей всероссийской научной конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения доктора философских наук,
профессора, заслуженного деятеля науки РФ и РБ
ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БАЛХАНОВА*

(Улан-Удэ, 17 октября 2025 г.)

Ответственный редактор
М. С. Алексеева, канд. социол. наук

Улан-Удэ
Издательство Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
2025

УДК 101
ББК 87.251
Ц 347

Утверждено редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета
Протокол № 3 от 14 ноября 2025 г.

Сборник размещен в системе РИНЦ на платформе научной электронной библиотеки eLibrary

Рецензенты

Л. Г. Сандакова, доктор философских наук, профессор
О. Ю. Рандалова, кандидат философских наук
доцент кафедры философии БГУ им. Д. Банзарова

Ц 347

Целостное мировоззрение: опыт исследования и интерпретации:

сборник статей всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ и РБ Валерия Александровича Балханова (Улан-Удэ, 17 октября 2025 г.) / ответственный редактор М. С. Алексеева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова, 2025. 144 с. ISBN 978-5-9793-2062-5

Статьи сборника отражают проблематику научных поисков Валерия Александровича Балханова, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки и образования России и Бурятии. Авторами представлены итоги разработки таких проблем, как подходы к пониманию целостного мировоззрения, тенденции построения современной картины мира; поиск методологического и аксиологического базиса формирования целостного мировоззрения; аспекты влияния религии и философии на человека, его идентичность в цифровом обществе. Представленные результаты исследований актуализируют новые тенденции образования и духовно-нравственного воспитания. Взаимосвязь формирования мировоззрения в процессе образования рассмотрена не только на примере российского общества, но Монголии и Китая.

Сборник позволит всем авторам, интересующимся проблемами образования и мировоззрения, продолжить поиски методологического базиса для целостного мировоззрения; преодолеть методологическую фрагментацию, дефицит философского осмысления в образовательном процессе.

The Holistic Worldview: An Experience of Research and Interpretation: a collection of articles from All-Russian scientific conference dedicated to the 80th Anniversary of the birth of Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Buryatia Valery Aleksandrovich Balkhanov (Ulan-Ude, october 17, 2025) / Editor-in-Chief M. S. Alekseeva. Ulan-Ude: Dorzhi Banzarov Buryat State University Publishing Department, 2025. 144 p. ISBN 978-5-9793-2062-5

The articles in this collection reflect the research interests of Valery Aleksandrovich Balkhanov, Doctor of Philosophy, Professor, and Honored Worker of Science and Education in Russia and Buryatia. The authors present the results of their research on topics such as approaches to understanding a holistic worldview, trends in the construction of a modern worldview, the search for a methodological and axiological basis for the formation of a holistic worldview, and the influence of religion and philosophy on individuals and their identity in a digital society. These findings highlight new trends in education and spiritual and moral upbringing. The interrelation of the processes of worldview formation in the educational process is considered not only on the example of Russian society, but also on the example of Mongolia and China.

The collection will allow all authors interested in the problems of education and worldview to continue their search for a methodological basis for a holistic worldview; to overcome methodological fragmentation and the lack of philosophical

УДК 101
ББК 87.251

ISBN 978-5-9793-2062-5

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2025

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

RESEARCH OF SOCIETY IN THE CONTEXT OF THE PARADIGM OF A HOLISTIC WORLDVIEW

УДК 140.8

DOI 10.18101/978-5-9793-2062-5-3-10

НООСФЕРНЫЕ КОНСТАНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОДЕЛИ ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

© *Жерносенко Ирина Александровна*

г. Барнаул, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования современной модели целостного мировоззрения. Автор анализирует генезис философских концепций XX — начала XXI в., осмысливающих логику формирования цивилизационных приоритетов и роль в них России, современные социально-политические вызовы и место человека в них. На основе проведенного анализа эксплицируются маркеры современного понимания концепта «целостное мировоззрение» и его оптимальные условия формирования на основе ноосферной модели, предложенной В. И. Вернадским и получившей продуктивное развитие на этапе смены тысячелетий. Заложенные В. И. Вернадским интегративные принципы теории ноосферогенеза, синтезирующие достижения естественно-научного знания с духовными накоплениями человечества, закреплённые, по определению П. И. Новгородцева, «властью святынь», на современном этапе приобретают качества синергичности, когда научно-технические достижения должны выстраиваться на духовно-экологических основах, тем самым обеспечивая устойчивость и сбалансированность развития цивилизации нового типа, способной преодолеть текущие вызовы истории.

Ключевые слова: ноосфера, ноосферогенез, культура, цивилизация, агиократия, приоритет духовного над материальным, русская идея.

NOOSPHERIC CONSTANTS IN THE FORMATION OF A MODERN MODEL OF A HOLISTIC WORLDVIEW

Zhernosenko Irina Alexandrovna

Barnaul, Russia

Abstract. This article examines the development of a modern model of a holistic worldview. The author analyzes the genesis of philosophical concepts of the 20th and early 21st centuries that conceptualize the logic of civilizational priorities and Russia's role in them, as well as contemporary sociopolitical challenges and the place of humans within them. Based on this analysis, the authors explicate the markers of a modern understanding of the concept of a "holistic worldview" and the optimal conditions for its formation based on the noospheric model proposed by V.I. Vernadsky, which has been productively developed during the turn of the millennium. The integrative principles of the theory of noospherogenesis established by V.I. Vernadsky, synthesizing the achievements of natural science with the spiritual accumulations of humanity, are enshrined, as defined by P.I. Novgorodtsev, «the power of the sacred». It is currently acquiring synergistic qualities, where scientific and technological achievements must be built on spiritual and ecological foundations, thereby ensuring the sustainability and balance of the development of a new type of civilization capable of overcoming current historical challenges.

Keywords: noosphere, noospherogenesis, culture, civilization, hagiocracy, priority of the spiritual over the material, Russian idea

В современном мире человечество сталкивается с серьёзными вызовами, обусловленными, с одной стороны, мощными прорывами в науке и технике, а с другой — тектоническими изменениями в области культуры и слома системы духовно-нравственных ценностей. Чтобы эффективно противостоять названным вызовам, необходимо выработать новую модель мировоззрения, где научные открытия не противостоят духовным исканиям, а дополняют их, создавая более глубокое понимание реальности, где научное знание философично и осияно духовностью. Только на таких основаниях возможно формирование «нового человека», обладающего критическим мышлением и устойчивой системой ценностей, способного к целостному восприятию действительности и гармоничному сосуществованию с миром и самим собой.

Кризис современной цивилизации неоднократно обсуждался выдающимися мыслителями прошлого столетия. Ещё в начале XX в. такие выдающиеся мыслители, как О. Шпенглер, Н. А. Бердяев,

утверждали, что современная технократическая цивилизация демонстрирует симптомы деградации духовной сферы, утрачивая важнейшие человеческие качества — духовность, красоту и гармонию. Как отмечал Н. А. Бердяев, технологические достижения и ориентация на материальные выгоды приводят к постепенному разрушению культурных основ общества, заменяя высшие гуманистические идеалы сугубо утилитарными целями. «Культура переходит в цивилизацию. Демократизация неизбежно ведёт к цивилизации. Высшие подьёмы культуры принадлежат прошлому, а не нашему буржуазно-демократическому веку, который более всего заинтересован уравнительным процессом... И сколько бы вы ни пробовали украшать себя культурой, слишком видно и ясно, что никаких ценностей культуры для вас не существует. Вам нужна цивилизация как орудие вашего земного царства, но культура вам не нужна» [1, с. 20].

Осознавая угрозу глобальной катастрофы, обусловленной стремлением человечества к неограниченной эксплуатации природных ресурсов и технологического прогресса, Н. А. Бердяев призывал к смене цивилизационных приоритетов. Вместо сосредоточенности на потреблении материальных благ и технических новшеств необходимо развивать творческий потенциал человеческого духа, осознанно участвовать в процессе создания новых направлений культурного и духовного роста. «Новое теургическое творчество, которое не следует искусственно упреждать, лежит в другой линии, в духовном плане... Машина клещами вырывает дух из власти у материи, разрушает старую скрепку духа и материи. В этом — метафизический смысл явления машины в мир» [1, с. 20–21].

Подобные идеи развивались другими представителями русской интеллектуальной традиции — сторонниками русского религиозного ренессанса, русского космизма, евразийства, акцентирующими внимание на взаимосвязанности судеб мира и ответственности каждого индивида перед будущими поколениями. Важнейшим достижением этого направления стала разработка теории ноосферы, впервые сформулированной В. И. Вернадским.

Выдающийся биогеохимик и философ рассматривал биосферу Земли как замкнутое энергетическое пространство, внутри которого развивается наука, становясь мощной геологической силой. По мнению учёного, наука способна преобразовывать биосферу в качественно новую стадию — ноосферу, характеризующуюся взаимо-

действием природы и человеческого интеллекта. Согласно В. И. Вернадскому, формирование ноосферы связано с тремя ключевыми факторами: освоением всей поверхности планеты, объединением человечества и признанием науки ведущей геологической силой. Эти предпосылки представляют собой естественный процесс, протекающий вне зависимости от воли отдельных личностей или государств. Тем не менее именно активное участие человечества является залогом успешного преобразования земной среды обитания. Концепция В. И. Вернадского развивает ключевую идею русского космизма: «Человек — это фактор космической эволюции».

Современные исследователи продолжают развивать теорию ноосферогенеза, исследуя механизмы самоорганизации и устойчивого развития общества. Например, Л. В. Лесков исследует механизмы поддержания стабильности, самоорганизации и устойчивого развития ноосферы, выявляя критерии оценки состояния ноосферных процессов [2, с. 59].

Другие учёные обращают внимание на влияние психической энергии коллективного сознания на природную среду и космическую активность, подтверждая гипотезу о влиянии человеческого разума на ход мировой истории и планетарные процессы, а концепция ноосферогенеза позволяет объяснить присутствие Высшего Разума во Вселенной, отрицая старые материалистические представления. Так, советский и российский астроном Г. М. Идлис, задолго до Р. Дикке и С. Хоккинга, предложил концепцию антропного принципа, утверждающего, что человеческий разум «...имеет исчерпывающий характер и с необходимостью заиклиивается на высшем — антропном — уровне, где наряду с типичными разумными индивидуумами обнаруживается... божественно всемогущий уникальный всеобъемлющий самообусловленный Высший Разум, который в отличие от обычных конечных элементов материи заведомо не может быть продуктом её естественной самоорганизации, а выступает в качестве необходимого всеобщего первоначала и предела...» [3, с. 47].

Таким образом, концепция ноосферы интегрирует разнообразные области знаний, объединяя естественные науки, философию, религию и искусство. Эта междисциплинарная модель позволяет выработать принципиально новый подход к пониманию законов мироздания и формированию гармоничного отношения человека к природе и обществу.

Для преодоления современного глобального кризиса необходим синтез подходов разных дисциплин — естественно-научных, философских, религиозных и художественных. Такой подход требует формирования целостного мировоззрения, интегрирующего разные формы познания и опыта.

Американский философ Кен Уилбер предложил концепцию «Великого Гнезда бытия» («Great Nest of Being»), рассматривая Вселенную как иерархию взаимопроникающих структурных единиц («холонов»), где каждая единица является одновременно целым и частью большего целого. Холоны образуют иерархические структуры, называемые холархиями, охватывающие разные уровни бытия — от материальных объектов до духовного опыта. Согласно К. Уилберу, существует пять ключевых уровней Великого Гнезда: материя, жизнь, ум, душа и Дух. Эти уровни соответствуют различным областям человеческого познания — физике, биологии, психологии, теологии и мистическим традициям. По мнению философа, эта модель объединяет различные подходы к изучению реальности и демонстрирует общую логику этапов восхождения человеческого сознания от материальных начал к духовности и единению с Высшим Бытием [4].

Идея К. Уилбера дополняется российскими авторами, такими как Н. Н. Моисеев и В. Е. Кемеров. Н. Н. Моисеев предлагает интеграцию гуманитарных и естественно-научных исследований для сохранения человечества перед лицом экологического кризиса. Он видит будущее в единстве многообразия, признавая разнообразие элементов и процессов, происходящих в системе [5]. В. Е. Кемеров разрабатывает концепцию социального мышления, утверждая, что личностные качества индивидов играют ключевую роль в построении гармоничного общества [6; 7]. Оба подхода способствуют созданию целостной картины мира, учитывающей индивидуальные особенности и социальные условия.

Переход к ноосферному мышлению требует кардинального переосмысления традиционных подходов к познанию реальности. Сегодня важно преодолеть узость специализаций и синтезировать различные направления исследований. Формирование целостного мировоззрения предполагает переориентацию общественного сознания на приоритет духовного начала, нравственных норм и уважения природного окружения; интеграцию научных открытий с этическими нормами, эстетическими представлениями и моральными устоя-

ми традиционного народного опыта. Так, алтайский философ М. Ю. Шишин, отталкиваясь от положения об исходной тождественности определения ноосферы и культуры как продуктов разумной деятельности человека, настаивает, что именно народная культура «обладает иерархией ценностей с чётким преобладанием духовных над материальными; синтезом в её мировоззренческих системах и артефактах всех трёх уровней ноосферы; целостностью и структурностью. Именно народная культура зримо демонстрирует неразрывную связь истинной культуры с фундаментальными принципами единого бытия и эволюции» [8, с. 209].

Ключевую роль в процессе ноосферогенеза играет возрождение духовности, поскольку только она способна предотвратить экологическую катастрофу и обеспечить устойчивое развитие цивилизации. Народная мудрость, сохранившая многовековые принципы гармонии и целостности мировосприятия, должна стать основой современных общественных институтов и образовательных программ.

Важно отметить, что региональная специфика имеет огромное значение в реализации идей ноосферного устройства. Каждая местность обладает своими особенностями, историческими корнями и культурными традициями, требующими особого подхода к созданию условий для здорового образа жизни и взаимодействия с природой. Полиэтнический и поликонфессиональный народ России с его «неизбывной тягой к Свету и почитанию святынь» [9, с. 152] испокон веков и по сей день не растерял свои святыни, не осквернил свои сакральные ландшафты, сохранив в себе тот «труднораскачиваемый духовный стержень, который обеспечивает России устойчивость в любых самых трагических и, казалось бы, безвыходных исторических коллизиях» [Там же]. Ещё в начале XX в. русский правовед, философ и друг В. И. Вернадского П. И. Новгородцев обосновал необходимость становления цивилизации нового типа — «агиократии» («власти святынь»): «Для создания новой России нужны новые духовные силы, нужны воспрянувшие к новому свету души» [10, с. 576].

Сегодня эти идеи развивают Р. Косолапов, утверждающий, что «русская идея сегодня — это единая ноосфера, это соединение святынь» [11, с. 66]; группа алтайских философов-евразийцев [12; 13]. Авторы коллективной монографии «Россия в средокрестии пространств и времён», анализируя логику исторических процессов, констатируют сегодняшнюю ситуацию как переход от техногенно-

потребительского цивилизационного уклада, сформированного западными странами, к новому духовно-экологическому (ноосферному) укладу. И, по мнению авторов, именно Россия призвана в этом процессе играть ключевую роль, что обусловлено её геополитическим положением, в котором пересекались «меридиональные и широтные евразийские цивилизационные коридоры»; её ресурсным, экологическим потенциалами; этнокультурным многообразием и устойчивыми духовными ценностями, такими как «соборность», «нестыжатость», «агиократия».

Подводя итог, следует подчеркнуть, что формирование целостного мировоззрения невозможно без учёта достижений российской интеллектуальной традиции, философской мысли и учения о ноосфере. Оно должно включать элементы рационального познания, эмоционального восприятия и нравственного выбора, обеспечивая тем самым устойчивость и процветание будущих поколений, открывая перспективы преодоления текущих вызовов современности и построения жизнеспособной и экологически сбалансированной цивилизации.

Литература

1. Бердяев Н. А. Кризис искусства. Москва: Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 28 с.
2. Лесков Л. В. Космическое будущее человечества. Москва: ИТАР-ТАСС — Ассоциация «Экологии непознанного», 1996. 160 с.
3. Идлис Г. М. От антропного космологического принципа к единому всеобщему разумному первоначалу на высшем уровне естественной самоорганизации материи // Алтай — Космос — Микрокосм: материалы международной конференции. Барнаул: Ак-Кем, 1993. С. 45–49.
4. Уилбер К. Интегральная психология: Сознание, Дух, Психология, Терапия / перевод с англ., под редакцией А. Киселева. Москва: Изд-во АСТ, 2004. 412 с.
5. Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. Москва: Молодая гвардия, 1990. 351 с.
6. Моисеев Н. Н. Современный антропогенез, цивилизационные разломы. Эколого-политологический анализ // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 3–30.

7. Кемеров В. Социальное время и социальное пространство // Философия. Мир живой мысли. URL: <http://philosophica.ru/kemerov/26.htm> (дата обращения: 24.11.2016).

8. Кемеров В. Е. Социальный хронотоп как проблема интеграции современного обществознания / Российская академия наук, Уральское отделение. Институт философии и права. 2006–2017. URL: <http://ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2007/7.pdf> (дата обращения: 07.12.2016).

9. Шишин М. Ю. Ноосфера, культура, культурный ландшафт. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 234 с.

10. Жерносенко И. А. Метафизика Алтая: от сакрального ландшафта к ноосферной цивилизации: [моногр.] / Алт. гос. ин-т культуры. Барнаул: Изд-во АГИК, 2019. 307 с.

11. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Москва: Пресса, 1991. 640 с.

12. Косолапов Р. Истина из России. Тверь: Северная Корона, 2004. 66 с.

13. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. 240 с.

14. Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода): монография / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, И. В. Фотиева [и др.]; под редакцией А. В. Иванова, И. В. Фотиевой. Барнаул: Новый формат, 2025. 303 с.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФЕНОМЕНУ ЦЕЛОСТНОСТИ

© *Иванкина Любовь Ивановна*

© *Аникина Екатерина Алексеевна*

г. Томск, Россия

Аннотация. Интерес исследователей к полноте бытия и природы человека, целостности и отчужденности его от сущности традиционен и по-прежнему актуален. Статья посвящена обоснованию модели исследования природы целостности на основе применения диалектического подхода и роли духовности в реализации потенциала целостности. Динамика становления целостности с диалектической позиции рассматривается в единстве и борьбе закрепляемых разнонаправленных в морально-этическом аспекте качеств в структуре индивидуальности как синергетический баланс взаимодополняющих друг друга качеств. Предложена модель исследования целостности — «мозаика», позволяющая рассматривать целостность в единстве принимаемого и отвергаемого индивидом в своем самоопределении. Обосновано, что роль катализатора в самодвижении и балансировании принадлежит духовности как сложному процессу обретения смысла собственного существования, распознавания в себе очевидного и самооценного. Применение диалектического подхода к пониманию феномена целостности позволяет выявить способы взаимодействия противоположных личностных качеств, синтеза с целью приведения личностной системы к новому уровню саморазвития.

Ключевые слова: целостность, феномен целостности, диалектический подход, личность, духовность, самость, сущность человека.

A DIALECTICAL APPROACH TO THE PHENOMENON OF INTEGRITY

Ivankina Lyubov Ivanovna

Anikina Ekaterina Alekseevna

Tomsk, Russia

Abstract. The interest of researchers in completeness of human existence, integrity of nature and alienation from its essence is traditional and still relevant. The article is devoted to the justification of the research model of the nature of integrity, based on the use of a dialectical approach, and the role of spirituality in realizing the potential for integrity. The dynamics of the formation of integri-

ty from a dialectical perspective is considered in the unity and struggle of qualities that are fixed in a multi-directional moral and ethical aspect within the structure of individuality, as a synergistic balance of mutually complementary qualities. A model of integrity research is proposed — a «mosaic» which makes it possible to consider integrity in the unity of what is accepted and rejected by an individual in their self-determination. It has been proven that spirituality plays a crucial role in self-motivation and balance, as it is a complex process that helps individuals gain a deeper understanding of their own existence and recognize the valuable aspects of themselves. The application of a dialectical approach to understanding the concept of integrity allows us to identify ways in which opposing personal qualities can interact and synthesize in order to take the individual's system to the next level of self-growth.

Keywords: integrity, the phenomenon of integrity, a dialectical approach, personality, spirituality, self-awareness, human essence.

Понятие целостности является объектом исследования во многих отраслях науки и знаний (физико-математических, социально-экономических, философских, психологических, гуманитарных, социальных и др.) [1–3]. В понимании природы целостности доминирует системно-интегративный подход, рассматривающий ее как единство выстроенных определенным образом относительно друг друга упорядоченных, взаимосвязанных частей, а также как сохранение единства, гармонии и связности внутри системы или объекта. Исследуя целостность через мировоззрение личности и ноосферность бытия, В. А. Балханов определил ее как единый мировой процесс, единое целое — «человеческое сознание, его дух и бытие, мир в целом» [4, с. 65].

Исходным положением в обосновании места и роли целостности в идее сущности человека является понимание сущности как открытой возможности в становлении человеком, индивидуальный путь восхождения к которой предстает в разных ипостасях, раскрывающих уровни человеческой реальности — как универсальное (родовое), индивидуальное (единично-уникальное), личностное (целостное) бытие человека. Вслед за П. С. Гуревичем, утверждавшим, что человек находится в постоянном поиске своей сущности и «по определению не может быть целостным» [5, с. 170], мы полагаем, что внутренняя целостность личности является динамическим балансом, находящимся в подвижном, неравновесном состоянии, для понимания природы которой следует применить динамическую парадигму. Реализовать подход к целостности как подвижному дина-

мическому состоянию совокупности личностных качеств в единстве и борьбе их позитивного и негативного ракурсов, а также как потенциалу для гармонизации и балансирования качеств в их стремлении к выравниванию внутреннего напряжения и разрешению внутриличностного конфликта позволяет диалектический метод.

Целостность рассматривается нами как феномен (с греч. — «являющееся»), под которым понимается индивидуальное психическое переживание себя самодостаточным человеком, постигаемое и осознаваемое в чувственном опыте. Путь к собственной целостной сущности не нуждается в следовании определенному алгоритму правил и последовательностей, началом самоорганизации являются переживания, беспокойство ума — рефлексия. Для человека стать целостным, по Сократу, означало познать себя, суметь разглядеть истину и соответствовать ей своим поведением, находясь при этом в постоянном выявлении и преодолении противоречий в собственных мыслях, действиях, представлениях и т.п.

Особенность человека как системы, делающей его потенциально ресурсным и актуально незавершенным, заключается в способности рефлексировать самого себя, помогая «Я» искать самообоснование своей внутренней сущности. Формирование переживания целостности является следствием духовных процессов, разворачивающихся в пространстве борьбы мотивов, противоречий, осознанного выбора действий для намеренного развития желаемых качеств, навыков, волевых усилий. Состояние баланса целостности обусловлено сопряженностью процессов возрастания и сохранения. Под «возрастанием» понимаются перспективы, возможности становления, порождающие неопределенность и необходимость постоянного выбора, «сохранение» означает очевидность, полагание пределов, границ длящегося, его осмысление.

Человек рождается с потенциалом стать целостным и в принципе стать человеком, но, будучи микрокосмом, он может обрести его только саморазвиваясь, самосовершенствуясь, практикуя практики заботы о теле, душе, духе. Устойчивость самодвижению к себе иному, более совершенному придает духовный процесс. Человек не теряет себя в мире, а наполняет его своей идеальной сущностью, делает его похожим на себя, приобретая способность отвлекаться от происходящего, самоуглубляться, оформлять в рефлексивном мышлении представления о вещах и явлениях, необходимых для действий и материализации внутреннего мира в предметном мире. Если выразить это в схеме рефлексивного пространства, то внутрен-

ний мир человека представлен рефлексивными уровнями, которые по мере самоуглубления человека становятся все более нерасчлененными. Поверхностный человек, не имеющий цельности внутреннего мира, не осознающий своих мотивов, не испытывает интереса к себе, объясняет поступки исключительно внешними обстоятельствами. Духовно развитый человек обнаруживает внутри себя бесконечность.

Внутри себя человек обнаруживает то, к чему готов сам, что готов принять. Целостность, как и смысл, вводится усилиями индивидуального действия — разума, эмоций, воли. Субъектность становящегося «Я» обуславливает процессы формирования умений самоисследования, побуждая к рефлексивной деятельности, формированию аксиологического мышления. Понять свою самость означает усмотреть идеальную, самооценную и осмысленную необходимость бытия, переживаемую как духовная реальность. Способность к осознанию себя является одной из интенций духовной жизни, порождающей новое качество самого индивида. Индивидуализация душевной жизни есть инверсия индивидуального духа, и любая душевная способность проходит испытание на подлинность, истинность и неотторжимость в структуре внутреннего «Я» человека. Внутреннее единство качеств обеспечивается на основе их взаимосвязанности, взаимозависимости, комплементарности, концентрирующейся вокруг ценностных ориентиров. Первоначальный толчок к пробуждению духовных сил поступает извне как вызов.

Целостность как свойство, синтез единства многого, несводимо к его частям. Одно из первых философских размышлений о целостности принадлежит Аристотелю и гласит о том, что сумма больше своих частей. Примером такой динамической целостности является организм. Борьба противоположностей, имеющая множественность разных форм и способов проявления (внутренний конфликт, психологическая защита, сопротивление и др.), реализует потенциал движения человека к себе лучшему. Преодоление экзистенциальной дихотомии формирует целостность как динамическое состояние, «которая не просто обеспечивает и сохраняет себя, но развивает и достраивает себя до нового уровня целостности (Л. И. Анцыферова)» [1, с. 398]. В переживании целостности через ощущение индивидом собственной глубины, бесконечности, непостижимости, чувства веры в себя, внутренней опоры, осознания способности находить в себе новые силы и способы постижения собственной глубины снимается внутреннее напряжение.

Диалектический метод в исследовании феномена целостности применен в модели мозаики, позволяющей рассматривать целостность ситуативно, в моменте, как узор, набросок балансирующих личностных качеств при непротиворечивой полноте фрагментов сочетания разного, вплоть до противоположного как комплементарного. Возможность перемещения элементов в пространстве модели мозаики позволяет принимать их переструктурирование во множестве разных сочетаний в контексте намерений (идеал, цель, мечта, установка и пр.) человека как норму, реализующую потребность становиться другим, когда поиск самообоснования внутренней сущности происходит при наличии данных элементов — качеств личности, в новом ракурсе интерпретации рефлексивного опыта самого себя. И данный процесс не может быть окончательным. Обретение целостности — постоянный, осознанный процесс, помогающий человеку обретать устойчивость в неустойчивом мире.

Диалектический подход, позволяющий исследовать феномен целостности через взаимодействие качеств личности, рассматривая внутренние противоречия как способ трансформирования целостности, ориентированный на поиск в себе иного, более совершенного и лично значимого, наилучшим образом отражает динамическую природу целостности.

Литература

1. Костромина С. Н., Гришина Н. В. Целостность как фундаментальная категория в описании природы личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, вып. 3. С. 394–413.
2. Макаревич В. Н. Целостность личности как философская проблема // Молодой ученый. 2020. № 18(308). С. 542–545. URL: <https://moluch.ru/archive/308/69434/>.
3. Сомкин А. А. Современное понимание целостной личности как социально-духовного феномена, ее структура и интегративное качество. *Biocosmology–neo–aristotelism*. 2012; 2; 1&2: 101–121. URL: <https://biocosmology.org/wp-content/uploads/2020/08/9-3.pdf>.
4. Балханов В. А., Елгина Л. С. Мировоззренческие и концептуальные основы фундаментализации образования. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000. 86 с.
5. Гуревич П. С. Проблема целостности человека. Москва: ИНФРА-М, 2004. 178 с.

ИДЕИ ЕСТЕСТВЕННОЙ ДИАЛЕКТИКИ Ф. ЭНГЕЛЬСА

© *Бай Ян*

г. Чита, Россия

Аннотация. Взгляд Энгельса на природу, основанный на естественной диалектике в качестве методического ядра, обусловил систему диалектических материалистических теорий природы. Путем философского обобщения достижений естественных наук XIX в., в частности трёх основных открытий: закона сохранения энергии, клеточной теории и теории биологической эволюции, он глубоко раскрыл диалектическую картину всеобщих связей и вечного развития природы. Энгельс подчеркнул, что построение научного диалектического материалистического взгляда на природу должно быть осуществлено на прочной основе математики и естественных наук, и эта точка зрения воплощает в себе отличительные особенности его взгляда на природу. В «Диалектике природы» он систематически исследует диалектические процессы движения — от эволюции небесных тел до происхождения жизни, от неорганических до органических, разъясняя органическую целостность взаимосвязанных и трансформируемых друг в друга областей природы. Этот взгляд на природу, основанный на развитии естественных наук, не только обеспечивает прочную естественную основу для марксистской философии, но и обеспечивает важное методологическое руководство для правильного решения современных экологических и экологических проблем посредством научной интерпретации диалектических отношений между человеком и природой.

Ключевые слова: естественная диалектика, диалектический материализм, естественные науки, всеобщие связи, вечное развитие.

ENGELS' THOUGHT ON DIALECTICS OF NATURE

Bai Yang

Chita, Russia

Abstract. Engels' view of nature takes dialectics of nature as its methodological core and constructs a systematic dialectical materialist theory of nature. He profoundly revealed the dialectical landscape of universal connections and eternal development in nature through philosophical generalizations of natural science achievements in the 19th century, particularly the law of conservation of

energy, cellular theory, and biological evolution theory. Engels emphasized that the establishment of a scientific dialectical materialist view of nature must be based on a solid foundation of mathematics and natural sciences, which reflects the distinct scientific characteristics of his view of nature. In "Dialectics of Nature," he systematically examined the dialectical process from celestial evolution to the origin of life, and from the inorganic realm to the organic realm, elucidating the organic wholeness of the interconnection and transformation of various fields in nature. This natural view based on the development of natural sciences not only provides a solid natural foundation for Marxist philosophy, but also provides important methodological guidance for correctly handling contemporary ecological and environmental issues through scientific interpretation of the dialectical relationship between humans and nature.

Keywords: Dialectics of Nature, Dialectical Materialism, Natural Science, Universal Connection, Eternal Development

Ф. Энгельс систематизировал диалектическое единство природы на онтологическом уровне, указав, что природа является органическим целым с универсальной связью. Основываясь на результатах естественных наук того времени, он глубоко раскрыл объективный факт, что человек является продуктом долгой эволюции природы, и выдвинул важное утверждение о том, что «жизнь является результатом всей природы». Особенно примечательно то, что Энгельс творчески выдвинул научное утверждение о том, что «труд создал самого человека», подчеркнув решающую роль трудовой практики в процессе дифференциации человека от природы. Эта точка зрения не только установила диалектическое положение человека в природе, но и прояснила первоначальную связь между человеком и природой с точки зрения генерации, обеспечила научную основу исторического материализма для понимания отношений между человеком и природой.

Энгельс в «Диалектике природы» и «АнтиДюринге» систематизировал онтологическое единство человека и природы. «Мы вместе с нашей плотью, кровью и умом принадлежим к природе и существуем в ней», — говорит он, — утверждение, которое на уровне теории бытия раскрывает фундаментальную зависимость человеческой жизни от природы. Философским изучением вопроса о первичности и происхождении природы Энгельс определил материалистическое утверждение о том, что «человек сам является продуктом природы», подчеркнув, что человек всегда есть существо, которое развивается вместе с природой в определённых условиях природной

среды. Основываясь на этом диалектическом понимании, Энгельс особенно предостерегает человечество от того, чтобы в своей практической деятельности по преобразованию природы оно всегда придерживалось основополагающего принципа органического единства человека и природы, что любая попытка разорвать или выйти за рамки этой существенной связи приводила к серьёзным экологическим последствиям. Эта идея не только является теоретическим краеугольным камнем марксистского взгляда на природу, но и обеспечивает важную философскую основу для современной концепции устойчивого развития.

Энгельс, используя научную методологию материалистической диалектики, глубоко проанализировал три основные характеристики природных систем: во-первых, целостность — природа представляет собой единое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов; во-вторых, внутренняя органичность — динамичное, диалектическое взаимодействие между составными частями природы; в-третьих, объективная закономерность — изменения в движении природы следуют объективным законам, не зависящим от воли человека. В частности, он подчеркнул, что построение концепции природы должно основываться на философских размышлениях об естественных науках. Систематически изучая последние достижения в различных областях естественных наук, Энгельс вскрыл всеобщие связи и диалектическое развитие отношений между различными природными явлениями, тем самым сформировав научное понимание сложных законов движения природы. Это философское обобщение, основанное на естественных науках и выходящее за рамки конкретных наук, не только обеспечивает методологическое руководство для понимания природы, но и устанавливает эпистемологическую основу диалектического материалистического взгляда на природу, подчёркивая научное и революционное единство, характерное для марксистского взгляда на природу.

Опять же Энгельс исходя из производственного труда, самого основного практического вида человеческой деятельности, глубоко раскрыл внутренний механизм диалектического единства человека и природы. «Труд и природа вместе являются источником всякого богатства», — замечает он блестяще, и это утверждение содержит два слоя диалектических отношений: с одной стороны, природа обеспечивает незаменимую материальную основу человеческого труда; с другой стороны, труд как существенная сила человека пре-

вращает природный материал в общественное богатство. Этот процесс преобразования материи является практической основой взаимодействия человека и природы. Энгельс называет этот процесс «первым повышением», историческим скачком в развитии человека из животного мира посредством трудовой практики. Суть этого подъёма заключается в том, что труд не только изменяет отношения между человеком и природой, но и на более глубоком уровне осуществляет «образование природы для человека». То есть благодаря непрерывной производственной практике природа свободы постепенно превращается в природу человека, а потенциал природы реализуется человеческим трудом. Эта идея не только поддерживает объективную реальность природы, но и подчеркивает динамичное творчество человеческой практики, реализует диалектическое единство истории природы и истории человечества на материалистической основе и обеспечивает научную практическую основу для понимания отношений между человеком и природой.

Полностью подтверждая субъективную инициативу человечества по преобразованию природы посредством трудовой практики, Энгельс с его острой исторической проницательностью вскрыл глубокие противоречия в отношениях между человеком и природой в капиталистической системе. С одной стороны, он высоко оценил революционное значение трудовой практики, которая вывела человечество из природы, и отметил, что именно благодаря производственной деятельности человечество добилось понимания и применения законов природы. С другой стороны, критически изучая капиталистический способ производства, Энгельс обнаруживает, что эта система ведёт не только к отчуждению труда, но и к полному отчуждению отношений между человеком и природой.

Он отметил, что для того чтобы действительно разрешить экологический кризис и добиться гармоничного симбиоза между человеком и природой, «необходимы еще и радикальные изменения в нашем существующем способе производства, а вместе с ним и во всем нашем современном общественном строе». Это утверждение имеет важное теоретическое и практическое значение: во-первых, оно показывает, что корень экологических проблем лежит в самой капиталистической системе; во-вторых, в нем отмечается, что основным способом преодоления экологического кризиса являются революционные изменения в социальной системе; наконец, она предвещает, что только в новых общественных формациях могут

быть действительно установлены диалектические отношения гармоничного симбиоза человека и природы. Эта идея Энгельса даёт важное теоретическое руководство для строительства современной экологической цивилизации.

Наконец, благодаря глубокому анализу законов материальных преобразований Энгельс предвидел глубокое влияние человеческой деятельности на природные экосистемы. Он блестяще отмечает, что материальные преобразования между человеком и природой происходят благодаря уникальному производительному труду, и этот процесс коренным образом изменяет естественную экосистему: с одной стороны, природа преобразуется в соответствии с целями и потребностями человека; с другой стороны, такие изменения оказывают прямое или косвенное воздействие на экосистемы. Энгельс особо подчеркивал двойственность этого материального преобразования: оно одновременно является основой прогресса человеческой цивилизации и может нарушить экологический баланс. Он предупреждает: «Мы не должны чрезмерно опьяняться победой нашего человечества над природой. За каждую такую победу природа мстит нам». Это предвидимое утверждение раскрывает диалектический характер человеческой деятельности по преобразованию природы: практика труда, одновременно повышая жизнеспособность человека, должна уважать законы природы. Только на основе понимания и применения законов природы человечество может достичь гармоничного сосуществования с природой. Эти идеи Энгельса обеспечивают важную философскую основу для современной теории устойчивого развития.

Энгельс глубоко раскрывает диалектические отношения динамического равновесия между человеческим обществом и природной средой. Он отметил, что люди постоянно регулируют материальный обмен с природой посредством производственно-технической практики, но эта практическая деятельность должна контролироваться в пределах порога устойчивости природных систем. Когда деятельность человека по преобразованию природы выходит за рамки способности экосистемы к самовосстановлению, это вызывает экологическое возмездие после «каждой победы» — краткосрочные, казалось бы, успешные преобразования часто приводят к долгосрочным экологическим последствиям. Исходя из этого понимания Энгельс выдвинул революционную теорию «второго подъёма»: только путем уничтожения капиталистической системы и создания комму-

нистического общества можно коренным образом разрешить экологический кризис. В этой новой социальной формации, во-первых, человечество положит конец состоянию животных, борющихся за выживание; во-вторых, осуществить переход от слепого завоевания природы к сознательному регулированию материальных преобразований; в-третьих, действительно стать «сознательным и истинным хозяином природы». Эта идея не только раскрывает институциональные корни экологического кризиса, но и указывает реальный путь к гармоничному сосуществованию человека и природы посредством социальных изменений и отражает высокую степень единства исторической диалектики и революционной практики марксистского взгляда на природу.

Литература

- 1.陈瑜.恩格斯生态思想的生成逻辑、核心要义与价值意蕴——基于《自然辩证法》的多维审视[J].常州工学院学报. 2024(04): 2–5. =Чэнь Юй. Логика генерации, основной смысл и значение экологической мысли Энгельса — многомерный обзор, основанный на «естественной диалектике» [J]. Журнал Чанчжоуского политехнического института. 2024 (04): 2–5 (Кит. яз. авт. перевод).
- 2.史一晴.恩格斯自然辩证法思想及其哲学价值[J].作家天地. 2024 (23): 2–3. =Ши Ицзюнь. Идеи естественной диалектики Энгельса и их философские ценности [J]. 2024 (23): 2–3. (Кит. яз. авт. перевод).
- 3.朱可心.恩格斯《自然辩证法》中的生态思想研究[J].长春理工大学. 2024 (06): 32–34. =Чжу Кэсинь. Исследование экологической мысли в "Диалектике природы" Энгельса [J]. Чанчуньский политехнический университет. 2024 (06): 32–34. (Кит. яз. авт. перевод).
- 4.孙小琼.恩格斯《自然辩证法》生态思想及其当代价值研究[J].江西科技师范大学. 2024 (05): 52–55. =Сунь Сяоцзюнь. Энгельс «Естественная диалектика» Экологическая мысль и её современные ценности исследования [J]. Цзянсийский научно-технический педагогический университет. 2024 (05): 52–55. (Кит. яз. авт. перевод).

УСЛОВНОЕ КАК ЯВЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ

© *Хомич Наталья Викторовна*

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается понятие *условное* в контексте аристотелевских размышлений о сущем и гипотетическом. Исследование является частью построения целостной концепции условности как социально-философской категории. Отсылки к объяснению *условного* прослеживаются в размышлениях Аристотеля о четырех причинах существования и изменения вещей, в теории подражания и в учении о категорических и гипотетических типах суждений. В статье также приводятся доводы в пользу метафизических характеристик *условного* и объясняется семантика социальной и художественной условности под углом аристотелевской идеи об относительности явлений и созидательной природы подражания. Значимым в исследовании становится заключение о возможности типологизации понятия *условность* в ее философском осмыслении и ее функции в построении возможных миров.

Ключевые слова: условное, условность, Аристотель, подражание, явление, сущее.

CONDITIONAL AS A PHENOMENON THROUGH THE PRISM OF ARISTOTLE'S PHILOSOPHY

Khomich Natalia Viktorovna

Irkutsk, Russia

Abstract. the article examines the concept of *conditional* in the context of Aristotle's reflections about the existing and the hypothetical. The study is part of building a holistic concept of *conditionality* as a socio-philosophical category. References to the explanation of the *conditional* can be found in Aristotle's reflections about four causes of the existence and change of things in his theory of imitation and in his teachings about categorical and hypothetical types of judgments. The article also provides arguments about metaphysical characteristics of the conditional and explains the semantics of social and artistic conventionality from the perspective of Aristotle's idea about the relativity of phenomena and the creative nature of imitation. The study concludes with a significant

observation about the possibility of typifying the conventionality concept in its philosophical interpretation and its role in constructing possible worlds.

Keywords: conditional, conventionality, Aristotle, imitation, phenomenon, existence.

Условность как явление рассматривается в философском знании еще с периода античности, однако говорить об *условности* как таковой в ее терминологическом и категориальном понимании довольно сложно вплоть до начала XX в., и связывалась она непосредственно с ее способностью преобразовывать окружающий мир с помощью системы образов. Трансформацию понятия *условность* можно проследить под углом рассмотрения ее потенциала отражать сущее посредством репрезентации его в языке и искусстве. Условность возникает на границе схожести и несхожести, сущности и видимости, чувства и разума, субъективного и объективного, выражая сущность вещей и их чувственное восприятие человеком. Методологической предпосылкой изучения условности в ее философском осмыслении становится понимание *условного* в классической, неклассической и постнеклассической философии.

В античной мысли *условным* являются формы бытия, события, качества, в которых проявляется сущность объекта, причем сущность и *условность* как явление неразрывно связаны. Античное мировоззрение отличалось своей цельностью и стремлением к познанию абсолюта. Чтобы понять сущее и восходить к общим началам, необходимо было изучить все возможные условные явления, данные человеку опытом, поскольку «всякое качество должно было характеризоваться не как изолированное и в своей изолированности абсолютное, а как качество относительное» [3, с. 39].

Изучение самого понятия *условность* целесообразно начинать с анализа трудов Аристотеля, поскольку именно в его представлении о структуре бытия возникают первые обоснованные идеи об абсолюте и относительности. Говорить об *условности* как абстрактной единице у Аристотеля еще рано, мы можем обозначить лишь виды ее проявления в поведении человека, поэтому в рассмотрении ее в контексте аристотелевских воззрений было бы целесообразно оперировать понятием *условное*, подразумевая именно характеристику связанных с *условностью* явлений.

Первые представления об *условном* можно найти в работе Аристотеля «Метафизика» — в размышлениях о четырех причинах, где

безусловным является только материя, из которой сделана вещь, а форма, причина и цель, по сути своей, условны. Условное невозможно без материального, оно актуализируется только при наличии формальной выраженности и непосредственной нужности человеку. «Для Аристотеля же материя — это основание явлений и их изменений, а также то, из чего создаётся субстанция» [7, с. 95]. Здесь можно говорить уже о том, что Аристотель разделяет понятия первичной реальности, то есть субстанциональной, и вторичной — отношения, количество, качество объектов. В «Категориях» в рассуждениях о силлогизмах он определяет *условное* как нечто гипотетическое, то есть предполагаемое. «Под категорическим подразумевается неоспоримое доказательство, в то время как условное — это только предположение» [9, с. 411]. Причисление предполагаемого к одному из проявлений *условности* является важной предпосылкой для разработки ее общей концепции. Аристотелевское заключение о двух бытийных формах — действительно реального (актуального) и потенциально возможного — дает нам право заключить, что у всякого *условного* есть причина, формальная выраженность и претензия на то, чтобы рассматриваться как возможно актуальное и действительное.

Другую отсылку к *условному* мы находим в аристотелевской «Поэтике», где оно рассматривается как подражание, реализующееся через деятельность и поступки человека. «Люди тем ведь и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие...» [2, с. 648]. *Условное* хоть и граничит с вымыслом, но, согласно Аристотелю, «невозможное, но вероятное (*ei cota*) следует предпочитать возможному, но неубедительному (*aripthana*)» [2, с. 675]. Однако условная природа подражания рождается не на следовании подсознательным принципам, установкам, архетипам, независимым от чувственного восприятия и воли человека. Аристотель разделяет понятия *подражание* и *копирование*, где образ предстает перед нами в очищенном виде. Условное является неотъемлемым условием подражания, поскольку основано не только на максимальном сходстве «как было и есть», но и на том, «как говорится и кажется» и «как должно быть» [2, с. 676]. В этом заключении можно говорить о деятельной роли субъекта, о догадках Аристотеля о том, что условное далеко не всегда бессознательно. Исследователь художественной условности

В. Дмитриев свое исследование о ее проявлении в реализме начинается непосредственно с аристотелевских размышлений о подражании, как основном явлении в искусстве [6, с. 279]. Н. В. Брагинская, обращаясь к Аристотелю, определяет подражание как непосредственное условие для возникновения поэзии [5, с. 231, 235]. По словам О. В. Агафоновой, Аристотель, «признавая за искусством природу «подражания», вместе с тем показывает и активную, конструктивную роль автора, сочинителя, поэта» [1, с. 92]. Сам факт рассмотрения подражания в контексте общего обоснования самого феномена *условность* лежит в основе выделения основных механизмов ее функционирования и ее роли в конструировании возможных миров. В. Е. Хализев, ссылаясь на Аристотеля, рассматривает отношение жизнеподобия и условности как отношение фактического и возможного. Теория подражания также лежит в основе идеи Аристотеля о разной степени соответствия художественного образа реальным объектам. «Исследователь «Поэтики» А. С. Ахманов считает, что мимесис, или художественное подражание Аристотеля, «не есть просто воспроизведение существующего образа, а создание нового образа, выражающего общее» [4, с. 31–32]. Исследователь также говорит о том, что подражать можно реально существующему, возможному и необходимому.

Условное как предпосылка, как результат номинации и как подражание оказывается непосредственно связано с деятельностью субъекта, его потребностью к реализации определенного замысла и получению определенного продукта — от языковых имен и бытийных ситуаций до произведений искусства. Но если все *условное* тождественно вымышленному и зависит непосредственно от человека и определяется его мыслями и волей, то, согласно Аристотелю, оно должно обладать всеми характеристиками явления. «К классу вымышленных сущностей относятся те, что подпадают под десять категорий Аристотеля, исключая первую: сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, обладание, действие, страдание» [10, с. 80–81]. Выходит, что *условное*, являясь формой внешнего обнаружения сущего, то есть явлением, обладает метафизическими характеристиками и характеризует внутреннюю структуру и существующие или потенциально возможные отношения. В этом случае важным становится вопрос о наличии и способах выделения параметров *условного*, а также причинно-

следственных связей его проявления в поведении человека и творческой деятельности.

Одним из векторов исследования *условности* как метафизической категории становится также изучение связи ее проявления в бытийном мире с мотивами, эмоциями и идеями людей, взаимодействия ее природной и культурной составляющей; выявление универсальных принципов её функционирования; определение возможности сохранения уникальности условных проявлений в различных пространственно-временных континуумах.

Условное как предположение и *условное* как подражание у Аристотеля сводится в общее представление о разделении истинного и имеющего искусственную природу. Искусственная природа обязательно подразумевает деятельность человека и прямую зависимость совершенных им поступков от условных необходимостей, кроме того, содержательность этих поступков определяется обстоятельствами, диктующими их правильность или ошибочность. «Поступки оправдывают, говоря о реализации сущности, и осуждают, указывая на моральную условную необходимость, связанную с сомнительными обстоятельствами, например, с заблуждениями, предрассудками, ленью, безволием и пр.» [8, с. 158–174]. Отсюда можно рассматривать необходимость совершения определенных поступков как предпосылку для будущих возможных объяснений возникших ситуаций, что определяет природу этих ситуаций. Таким образом, настоящие условия лежат в основе будущих предполагаемых происшествий, что определяет ее восприятие как социальное явление. В контексте аристотелевской философии *условное* можно рассматривать как некий критерий различия сущности и явления, где характеристики явления всегда условны. Для нас важным является момент выделения двух видов *условности*: социальной, основанной непосредственно на социальных условностях, и художественной, созидающей.

Предположение и подражание, имеющие *условную* природу, в философии Аристотеля еще не заявляются напрямую как эстетически чувственные категории, поскольку имеют двойственные характеристики и скорее определяются подсознательными действиями людей. Но *условное* оказывается непосредственно связано с мимесисом и катарсисом, поскольку в аристотелевских рассуждениях мимесис обладает художественной функцией, а катарсис возможен только при чувственном переживании. Онтологический статус от-

носительного/условного является доминантным в философии Древней Греции и древнего мира. В основе *условного* лежит идея классического подражания и тождественности, однако уже зависящего от социально обусловленных решений человека и его потребности в эстетическом удовольствии.

Литература

1. Агафонова О. В. Реконструкция понимания Аристотелем искусства как «подражания» в контексте эпистемологического конструктивизма // Философия права. 2012. № 5(54). С. 90–94.
2. Аристотель. Поэтика // Сочинения: в 4 томах. Москва, 1984. Т. 4. С. 648.
3. Асмус В. Ф. Античная философия (история философии). 4-е изд. Москва: Высшая школа, 2009. 400 с.
4. Берестовская Д. С. Очерки философии искусства. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2013. 200 с.
5. Брагинская Н. В. «Некие две причины и притом естественные» (Arist. Poet. 1448b3–24) // Colloquia classica et indo-europeica 2. Классическая филология и индоевропейское языкознание: [материалы чтений памяти И. М. Тронского, 1998–1999] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Ин-т славяноведения. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. С. 227–248.
6. Дмитриев В. А. Реализм и художественная условность. Москва: Сов. писатель, 1974. 279 с.; Качмала А. В. Проблема структурирования бытия в философии Аристотеля // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4(258). С. 94–97.
7. Микиртумов И. Б. Праксис и критика поступка: рассуждение о роли условной необходимости у Аристотеля // Человек. 2024. Т. 35, № 6. С. 158–174.
8. Тоноян Л. Г. Предпосылки учения Аристотеля о гипотетических силлогизмах и развитие этого учения в античности // Аристотелевское наследие как конституирующий элемент европейской рациональности. 2017. С. 408–417.
9. Wisdom J. Interpretation and Analysis in Relation to Bentham's Theory of Definition. London, 1931. P. 80–81.

**КАРТИНА МИРА:
КОГНИТИВНЫЙ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

© *Соколов Сергей Макарович*

г. Улан-Удэ, Россия

© *Халиуллина Нурия Усмановна*

г. Уфа, Россия

Аннотация. Рассматриваются базовые определения концепта «картина мира», отражающие взаимоотношения человека с миром. Выделяется феномен «языковая картина мира». Это понятие, введённое в научный дискурс крупнейшим лингвистом XX в. Л. Вайсгербером, определило новые направления в изучении языка. Обращается внимание на положения современной гуманитарной науки о том, что значимость исследования языковой картины мира, имеющей сложную структуру, определяется её местом в системе мировоззрения человека и духовной культуре общества, тем, что в ней закреплена информация о внешнем и внутреннем мире, она вербализирует концептуальную картину мира человека. Каждый язык формирует свою картину, отражающую действительность, ценностные основы мировоззрения народа. В эпоху глобализации особую актуальность приобретает этот аспект исследования языковой картины мира.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, концепт, концептуальная картина мира, языковая концептуализация, мировоззрение.

WORLDVIEW: COGNITIVE AND AXIOLOGICAL ASPECT

Sokolov Sergei Makarovich

Ulan-Ude, Russia

Khaliullina Nuria Usmanovna

Ufa, Russia

Abstract. This article examines the basic definitions of the concept of «worldview», reflecting human interaction with the world. The phenomenon of the «linguistic worldview» is highlighted. This concept, introduced into scientific discourse by the leading 20th-century linguist L. Weisgerber, defined new directions in the study of language. It draws attention to the tenets of

modern humanities that the importance of studying the linguistic worldview, which has a complex structure, is determined by its place in the human worldview and the spiritual culture of society. It embodies information about the external and internal world and verbalizes a person's conceptual worldview. Each language creates its own picture, reflecting reality and the value foundations of a people's worldview. In the era of globalization, this aspect of linguistic worldview research is particularly relevant.

Keywords: worldview, linguistic worldview, concept, conceptual image of the world, linguistic conceptualization, world outlook.

Одним из фундаментальных понятий философии, отражающим взаимоотношения человека с миром, является понятие «картина мира». Как известно, в качестве термина он начал употребляться в рамках физики в конце XIX — начале XX в. В гуманитарную науку понятие «картина мира» было введено в 20-е гг. XX в. Л. Витгенштейном, идеи которого оказали влияние на развитие аналитической философии, философии языка. По его определению, картина мира является «совокупностью всех истинных мыслей». В работе «О достоверности» Витгенштейн писал: «...я обрёл свою картину мира не путем подтверждений ее правильности, и придерживаюсь этой картины я тоже не потому, что убедился в её корректности. Вовсе нет: это унаследованный опыт, отталкиваясь от которого я различаю истинное и ложное» [3, с. 335]. В 30-е гг. XX в. другой крупнейший мыслитель М. Хайдеггер обосновал положение о том, что «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [12, с. 46]. В «Философском словаре»: «Картина мира — целостный образ мира, имеющий исторически обусловленный характер; формируется в обществе в рамках исходных мировоззренческих установок. Являясь необходимым моментом жизнедеятельности индивида, картина мира обуславливает специфический способ восприятия мира» [11, с. 234].

Многоаспектность понятия КМ определяется прежде всего делением научной картины мира (НКМ), языковой картины мира (ЯКМ), концептуальной картины мира (ККМ). НКМ — форма систематизации научных знаний, универсальная, единая для всех часть научного мировоззрения. Введённое в гуманитарный дискурс крупнейшим лингвистом XX в. Л. Вайсгербером в программном труде «Родной язык и формирование духа» (1929 г.) понятие «языковая картина мира» (*Weltbild der Sprache*), рассматривается исследователями как развитие концепции основоположника философии

языка В. фон Гумбольдта. В научных исследованиях часто цитируются утверждения Гумбольдта о том, что язык является воплощением духа нации, народного духа, разные языки — это разные видения мира, «границы языка моей нации означают границы моего мировоззрения» [4, с. 123–134]. Получили признание положения Вайсгербера о том, что ЯКМ относится к специфическому сознанию языковой общности, передаётся другим поколениям через особенное понимание и видение мира, отражающееся в средствах языка, культурных концептах и философских категориях [2, с. 114–124].

Языковой картине мира посвящено множество исследований. Современные дефиниции ЯКМ включают указанные положения Вайсгербера. В качестве примера можно привести определения таких авторитетных российских исследователей, как Ю. Н. Караулов и В. А. Маслова. Караулов: «Языковая картина мира — это все понятийное содержание определённого языка, воспринимаемое в целом» [5, с. 246]. Маслова: «Языковая картина мира — это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с её духовными, культурными и национальными ценностями» [7, с. 185]. Академик Ю. Д. Апресян обращал внимание на то, что языковая картина мира — это «единая система взглядов, своего рода коллективная философия, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [1, с. 67].

Общепризнано, что национальные языки отражают определённый способ восприятия и организации мира. Каждый язык формирует свою картину, отражающую ценностные основы мировоззрения народа. ««Концептуальные картины мира у разных людей одинаковы», — считает Маслова, — ибо человеческое мышление едино. Национальные языковые картины мира — это просто иное их «расцветивание». Языковая картина мира отражает национальную картину мира и может быть выявлена в языковых единицах разных уровней» [8, с. 51]. В свое время Дж. Лакофф подчёркивал, что «концепты, которые управляют нашим мышлением, — не просто порождение ума. Они влияют на нашу повседневную деятельность, вплоть до самых тривиальных деталей. Наши концепты структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Тем самым наша концептуальная система играет центральную

роль в определении реалий повседневной жизни» [6, с. 213]. Основной ККМ является аксиологическая составляющая: исторически сложившаяся в обществе система духовно-нравственных, социальных и других ценностей. Например, к концептам, обладающим аксиологическим потенциалом в ККМ русского языка, Ю. С. Степанов относил: дом, мать, хлеб, вера, воля, слово, правда и истина, родная земля, душа, тоска и др. [10, 51 ил.]. В настоящее время расширяется круг исследований концептуализации основных составляющих ЯКМ на примере разных языков. Представляет интерес одно из последних таких исследований «Языковая картина мира в русской, китайской и англоязычной литературе: культурные концепты и их отражение в текстах».

Предметом анализа стали ключевые культурные концепты «судьба», «гармония» и «свобода». Авторы делают заключение: «Сравнительный анализ этих концептов демонстрирует фундаментальные различия в их интерпретации и репрезентации, обусловленные культурно-историческим контекстом. В русской литературе судьба отражает коллективный опыт и глубокую связь с духовностью, в китайской — гармония выражает стремление к упорядоченности и синергии, а в англоязычной свободе придаётся значение как высшей личной ценности. Эти различия проявляются на уровне лексики, синтаксиса и стилистики литературных текстов, что делает их важным объектом для изучения в рамках межкультурной коммуникации» [9, с. 271].

В последнее время актуальным стал лингвокультурологический аспект изучения ЯКМ и ККМ. Признано, что глобализация, возрастающая культурная унификация не только не ослабили, а наоборот, укрепили интерес к представлению о мире того или иного лингвокультурного сообщества, выделяющего его среди других. Особую значимость приобретают сопоставительные исследования в аспекте межкультурной коммуникации. Наше время для гуманитарной науки о языке можно определить названием указанной ранее статьи Хайдеггера — «Время языковой картины мира».

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Москва: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
2. Вайсгербер Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 114–124.

3. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы / перевод с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеевой. Москва: Гнозис, 1992. Ч. 1. С. 321–406.
4. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и влияния на духовное развитие человечества (1830–1835) // Избранные труды по языкознанию. Москва: Прогресс, 1984. С. 123–134.
5. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. Москва: Наука, 1976. 355 с.
6. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / перевод с англ.; под редакцией и предисловие А. Н. Баранова. Москва, 2004.
7. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: Флинта: Наука, 2007. 296 с.
8. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск: Тетра-С, 2004. 256 с.
9. Рожинцева В. Д., Рубцова Д. С., Моисеенко Д. Р. Языковая картина мира в русской, китайской и англоязычной литературе: культурные концепты и их отражение в текстах // Культура и цивилизация. 2024. Т. 14, № 9А. С. 269–276.
10. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва: Языки русской культуры, 1997, 824 с.: 51 ил.
11. Философский словарь / под редакцией И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Республика, 2001. 719 с.
12. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: статьи и выступления. Москва, 1993. С. 45–69.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЕГО КЛАССИФИКАЦИЯ

© *Чебунин Александр Васильевич*

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье представлен новый системный подход к классификации мировоззрения на основе базовых критериев мировоззренческого ядра. Выделены три формы — атеистическое, агностическое и теистическое мировоззрение, семь типов — иррациональное, мифологическое, обыденное, религиозное, научное, философское и интуитивное мировоззрение и четыре вида — теоцентрическое, космоцентрическое (природоцентрическое), социоцентрическое и антропоцентрическое мировоззрение. Данный первичный уровень классификации конкретизируют основные общие и отличительные признаки различных мировоззрений, а также их взаимосвязь, что способствует более полной и конкретной характеристике классификации мировоззрения.

Ключевые слова: мировоззрение, классификация, формы мировоззрения, типы мировоззрения, виды мировоззрения, уровни мировоззрения, критерий.

WORLDVIEW AND ITS CLASSIFICATION

Chebunin Alexander Vasilyevich

Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article presents a new systematic approach to the classification of worldviews based on the basic criteria of the worldview core. Three forms are distinguished — atheistic, agnostic and theistic worldview, seven types — irrational, mythological, everyday, religious, scientific, philosophical and intuitive worldview and four types — theocentric, cosmocentric (nature-centric), sociocentric and anthropocentric worldview. This primary level of classification specifies the main common and distinctive features of various worldviews, as well as their relationship, which contributes to a more complete and specific characterization of the classification of worldviews.

Keywords: Worldview, classification, forms of worldview, types of worldview, types of worldview, levels of worldview, criterion.

Современное общество характеризуется системным кризисом, относящимся не только к социально-экономическим проблемам, но и к духовной культуре в целом. Наблюдается снижение уровня духовной культуры и господство философии потребления. Такая ситуация плюрализма и многообразия ценностных установок, с одной стороны, обуславливает личную ответственность человека за свой выбор и образ жизни, с другой — помогает человеку обосновать деструктивный выбор, вследствие чего кризисные явления только усиливаются.

В результате теоретические и методологические проблемы изучения мировоззрения, а также его классификации представляют собой центральный вопрос духовной сферы, поскольку мировоззрение определяет восприятие окружающего мира, свое место в нем и отношение к нему. Оно формируется под влиянием разнообразных факторов, включая социальную среду и социальный статус, образование и исторический контекст, но особенно важен личный субъективный выбор своего образа жизни, который во многом и определяет особенности мировоззрения. Понимание структуры и механизмов функционирования мировоззрения, его классификации необходимо для осознания процессов, происходящих в обществе, а также для выработки стратегий его развития.

Мировоззрение представляет собой систему взглядов человека на мир и место в нем человека, включающую совокупность представлений, понятий, убеждений, ценностей и идеалов, которые определяют отношение к окружающей действительности и формируют основу жизнедеятельности.

Проблема четкого определения и классификации мировоззрения является одной из центральных в современной философской науке, поскольку отсутствует единое мнение относительно критериев и принципов типологизации. Эта проблема обостряется в условиях современного мультипарадигмального состояния гуманитарных наук, где сосуществуют различные концептуальные подходы.

К настоящему времени в гуманитарной науке существуют обширное концептуальное понимание и классификация мировоззрения по формам, видам и типам. Однако отсутствие единого подхода обуславливает то, что у различных исследователей структура и критерии классификации не совпадают, вследствие чего задача поиска и определения единой системы остается открытой.

Изучая существующие системы классификации, можно перечислить основные и выделить основания для поиска общих критериев. Среди форм мировоззрения выделяют индивидуальное мировоззрение как уникальное видение мира конкретного человека, формирующееся под влиянием личных качеств, опыта, воспитания и образования; групповое (классовое) мировоззрение как общие взгляды группы людей, связанных общими интересами, культурой или социальным положением, и общественное (национальное) мировоззрение как преобладающее мнение всего общества или нации [1]. Сюда же могут относить традиционное (консервативное) и современное (прогрессивное) мировоззрения, а также революционное и реакционное.

По уровням выделяют чувственное и рациональное, художественное и идеологическое мировоззрения. По формам, типам и видам выделяют теоцентрическое, космоцентрическое (природоцентрическое), социоцентрическое и антропоцентрическое мировоззрения. Также встречаются материалистическое и идеалистическое мировоззрения.

К формам, уровням, типам и видам мировоззрения относят:

1) мифологическое мировоззрение, основанное на эмоционально-образном и фантастическом отношении к миру, которое характеризуется антропоморфностью, синкретизмом и связью с магией;

2) религиозное мировоззрение, основанное на вере в сверхъестественные силы и их главенствующую роль в мире;

3) философское мировоззрение, характеризующееся логичностью, последовательностью, системностью и высокой степенью обобщения, которое основывается на разуме, логике и доказательности;

4) научное мировоззрение, представляющее собой теоретическое осмысление результатов научной деятельности и основанное на объективных знаниях и законах природы и общества.

Данная типология является наиболее распространенной и обобщенной, к тому же соотносящейся с историческим критерием, характеризующим генезис мировоззрения в целом. Сюда же могут относить и обыденное мировоззрение, основанное на жизненном опыте и знаниях, полученных в повседневной практике. Однако в контексте исторического критерия данный тип выпадает из общей схемы.

Помимо этого также существуют классификации мировоззрения на основе конкретного теоретического содержания, в частности ре-

лигиозных учений (буддийское, христианское и т.д.) или философских направлений [2].

Таким образом, разнообразие классификации мировоззрения обнажает проблему не только системного критерия, но и общую проблему определения понятия мировоззрения в целом. Если выделить четкую структуру мировоззрения, его ядро, первичные и вторичные аспекты, то можно вывести первичные и вторичные критерии и соответственно этому представить четкую систему классификации.

Анализируя множество определений мировоззрения, необходимо отметить, что мировоззрение — это сложное интегральное образование, система, однако эта система далеко не целостная в отличие от идеологии. Во-первых, мировоззрение нельзя отрывать от человека, оно существует только у человека в его сознании в отличие от религиозных и философских учений и концепций. Соответственно, оно существует на различных уровнях — чувственном, рациональном и даже интуитивном. Во-вторых, мировоззрение может меняться, развиваться или деградировать, что говорит о динамичности и пластичности мировоззрения. И, в-третьих, мировоззрение может содержать в себе противоположные элементы, актуализация которых определяется характером человека, его настроением и ситуацией.

На наш взгляд, наиболее адекватное определение мировоззрения — это совокупность или система представлений и понятий о мире, человеке и об их отношениях. Оно отражает как его чувственный и рациональный уровень (представления и понятия), так и базовую онтологическую основу (структура мира), а также антропологию и праксиологию, что в целом и представляет собой мировоззренческое ядро. Это и есть первичный признак мировоззрения, на основе которого уже можно выстраивать первичную классификацию.

Во-первых, опираясь на основной вопрос философии в онтологии [3], выделим формы мировоззрения в качестве атеистического, теистического и промежуточного агностического мировоззрения [4]. Формы мировоззрения отражают общее понимание структуры бытия и место в ней человека, совпадая тем самым с основными направлениями философии — материализмом и идеализмом с соответствующим мировоззрением. Вследствие этого данные формы мировоззрения выступают базовой, наиболее общей классификацией.

Во-вторых, уровни психики (чувственный, рациональный и интуитивный), являются критерием для характеристики генезиса ми-

ровоззрения. Поскольку существуют и смешанные уровни, выделим чувственный, чувственно-рациональный, рациональный и рационально-интуитивный — четыре уровня мировоззрения. Накладываясь на основные формы (атеистическую и теистическую), можно получить основные семь типов мировоззрения, частично совпадающих и расширяющих историческую классификацию: иррациональное, мифологическое, обыденное, религиозное, научное, философское и интуитивное [4]. Данная классификация, представленная в матрице, представляет собой основную типологию различных мировоззрений, которая не только показывает их схемы развития и взаимодействия, но и конкретизирует их общие и отличительные признаки.

Таблица 1

Типология мировоззрений на стыке уровней психики
и исторических типов мировоззрения

Уровни мировоззрения	Атеистическое	Теистическое
Чувственный	иррациональное (чувственное)	мифологическое
Чувственно- Рациональный	обыденное	религиозное
Рациональный	научное	философское
Рационально- Интуитивный	-	интуитивное

Данная матрица требует некоторых пояснений. Во-первых, в философской литературе иррациональное зачастую включает в себя помимо чувственного и интуитивное содержание. В данной схеме чувственное и интуитивное разводится по разным типам мировоззрения. Во-вторых, данная матрица отражает «чистые» типы мировоззрения, хотя фактически мировоззрение людей обладает эклектическим характером, соединяя в себе элементы из различных типов, где основной тип определяется по доминирующим элементам. В-третьих, понимание интуиции как непосредственное восприятие реальности, имеющей связь с ее трансцендентным (высшим духовным) уровнем, обуславливает только одну теистическую форму рационально-интуитивного уровня. В-четвертых, данная матрица прекрасно показывает этапы и циклическое направление развития общественного сознания через формы, типы мировоззрения и истори-

ческие эпохи: первобытность — мифологическое мировоззрение, античность — обыденное мировоззрение, Средние века — религиозное мировоззрение как идеология феодализма, Новое время — научное мировоззрение как идеология капитализма, Современность — кризис научного мировоззрения и начало перехода к философскому мировоззрению [5].

В целом эта схема отражает генетическую классификацию мировоззрения, показывая основные этапы развития, общие и отличительные признаки различных типов мировоззрения. Она является основной и первичной классификацией, включая в себя формы и типы мировоззрения.

Помимо этого на основе онтологического и аксиологического аспектов можно выделить классификацию видов мировоззрения. Это теоцентрическое, космоцентрическое (природоцентрическое), социоцентрическое и антропоцентрическое мировоззрения. Поскольку высший уровень развития бытия автоматически представляет собой высшую ценность, включающий низшие уровни и соответствующие им ценности, то данная высшая ценность становится центральным элементом мировоззрения. Данная онтологическая классификация также может быть представлена в матрице.

Таблица 2

Классификация типов мировоззрения на основе онтологического и аксиологического аспектов

Вид мировоззрения	Форма мировоззрения	Высший уровень реальности и высшая ценность
Теоцентрическое	теистическая	Бог (Высшие силы)
Космоцентрическое (природоцентрическое)	агностическая	Космос (природа)
Социоцентрическое	атеистическая	Общество
Антропоцентрическое	атеистическая	Человек

Вышеназванные две классификации, генетическая и онтологическая, являются первичными, отражая мировоззренческое ядро из онтологии, аксиологии, антропологии и праксиологии. Их условное различие на типы и виды не исключает вторичную классификацию по прочим типам и видам, например, виды религиозного мировоззрения (даосское, буддийское, христианское и т.д.), типы социocen-

трического мировоззрения (консервативное, марксистское, коммунистическое и т.д.).

Таким образом, генетическая и онтологическая матрицы представляют собой основную и первичную классификацию мировоззрения. Данные матрицы конкретизируют основные общие и отличительные признаки двух форм, семи типов и четырех видов мировоззрения, а также их взаимосвязь, что определяет системный подход к классификации исходя из мировоззренческого ядра. В соответствии с этой первичной классификацией можно выделять и вторичные классификации посредством вторичных мировоззренческих критериев.

Литература

1. Мировоззрение: понятие, структура, уровни, классификация
URL://https://www.work5.ru/spravochnik/filosofija/mirovozzrenie_ponjatie_struktura_urovni_i_klassifi

2. Лосский Н. О. Типы мировоззрений // Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / составитель А. П. Поляков. Москва: Республика, 1995. 400 с.

3. Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Москва: Политиздат, 1984. 384 с.

4. Чебунин А. В. Мировоззренческие основы материальных, социальных и духовных ценностей // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2018. № 3. С. 30–41.

5. Чебунин А. В. Обличение гуманизма. Улан-Удэ: НоваПринт, 2023. 208 с.

РОЛЬ СИМВОЛОВ В МИФОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ МИРА

© *Коломыц Дмитрий Михайлович*

© *Коломыц Ольга Григорьевна*

г. Казань, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об использовании символов в мифотворчестве. Это важный вопрос с точки зрения применения научной методологии (в частности, социально-экономической теории марксизма) для изучения роли символов в мифологии. Определению важности символов посвящено достаточное количество работ. Вполне вероятно, что создание понятий наряду с рисунком были первыми шагами познания. В символизме присутствует важная с точки зрения изучения мифотворчества мысль, что символы играют значимую роль в создании и закреплении картины мира.

Ключевые слова: методология, наука, символ, миф, мифология, мифотворчество, социалистическая культура, буржуазная культура.

THE ROLE OF SYMBOLS IN THE MYTHOLOGICAL PERCEPTION OF THE WORLD

Kolomyts Olga Grigorievna

Kolomyts Dmitry Mikhailovich

Kazan, Russia

Abstract. The article discusses the use of symbols in myth-making. This is an important issue from the perspective of applying scientific methodology (in particular, the socio-economic theory of Marxism) to study the role of symbols in mythology. A significant amount of literature has been dedicated to determining the importance of symbols. It is likely that the creation of concepts, along with the use of symbols, was the first step in the process of knowledge acquisition. In the context of myth-making, the idea that symbols play a crucial role in shaping and perpetuating the worldview is particularly significant.

Keywords: methodology, science, symbol, myth, mythology, myth-making, socialist culture, bourgeois culture. Elle of symbols in the mythological perception of the world.

Определению важности символов посвящено достаточное количество работ. Вполне вероятно, что создание понятий наряду с рисунком были первыми шагами познания. Наверное, были и другие пути, но наука пошла по именно по этому [5]. В символизме присутствует важная с точки зрения изучения мифотворчества мысль, что символы играют значимую роль в создании и закреплении картины мира.

Они могут «символически заменять» предметы, так что «символизм мифа представляет его важнейшую черту», [7, с. 10]. А. Белый считал символы частью методологии в виде «суммы методологических приёмов, приводящих нас к той или иной форме, той или иной школе» [2, с. 123]. С помощью символов можно по-разному представить мир, даже в самых общих представлениях красоты, природы, общества», — писал он [2, с. 123].

Символ можно определить как сложный знак, то есть сочетание двух и более знаков, как и смыслов, скрытых за одним знаком, возникающих в сознании в зависимости от типа культуры. Сознание нуждается в символах. Поэтому в культуре всегда было стремление сделать символы яркими и понятными, чтобы они вызывали живой отклик в сознании знающего человека. И здесь символ служит важной частью мифа, который живёт только как переживаемая действительность.

А. А. Потебня говорит о символическом восприятии мира, когда «целые области человеческой мысли, стоящие вне языка или выше его, — как замысел, план, идея художника или ремесленника, которые могут быть выражены только известным сочетанием форм, цветов, звуков» [8, с. 201]. Отсюда может происходить следующая мысль Потебни — о роли слова в происхождении нового мифа. Слово, рождающее новый образ, творящее новый мир, — вот его способность. Выстраивается следующая цепочка: сначала предметы мира воспроизводятся в сознании как образы, через слово обретающие общественный смысл, и чтобы сохраниться в памяти людей, смыслы скрываются в символы и переносятся мифом.

Р. Барт обращается к мифу как образу, который существует по своим законам, часто отличным от собственно предмета, создающего знак, где миф он воспринимает как замещающий знак [1, с. 236].

Юнг, видевший в символах устойчивую грань миропонимания, отражённую в архетипах, вводит миф как необходимую и также устойчивую часть культуры, понимаемой как духовная жизнь, для

которой всегда необходима “мифическая” доминанта, однако такую вещь нельзя просто изобрести и потом поверить в неё». Юнг продолжает рассуждение о причинах силы традиции: «любое обновление, не имеющее глубоких корней в духовной традиции, — эфемерно» [10, с. 354]. Это важнейшая часть культуры, определяющая её устойчивость. Юнг опирается на свои утверждения как на аксиому — это есть, но объяснить это уже нельзя.

В предисловии к книге Барта С. Зенкин пишет, что «множественность, бессистемность и бессюжетность» современной мифологии «делают невозможным их собственно художественное воплощение» [1, с. 16]. Но зато такие мифы дают богатый материал мифологическому символизму. Здесь нельзя однозначно подтвердить мнение Зенкина. Мы не знаем, насколько символичны были для современника архаические мифы. Отсюда мысль Барта о том, что революция порождает подлинность в отражении мира, а вот буржуазная мифология, не привязанная к жизни, порождает безответственность как цель буржуазного мифотворчества [1, с. 273, 279].

Примеряя буржуазное мифотворчество к жизни и Ж. Бодрийяр посчитал, что «рациональная коммуникация и массы несовместимы» [3, с. 8]. Для продвижения мифа в сознание массы требуется его символизация, потому что символическое восприятие свойственно именно упрощённому сознанию, когда «массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью», — пишет он [3, с. 8].

И Барт, и Бодрийяр видят, как в буржуазном обществе теряются все содержательные смыслы, заменяемые на пустые понятия, лишённые содержания идеологии» [3, с. 18]. То есть мифологии господствуют в духовной жизни.

В то же время мифотворчество не сохранило бы своей силы и не продолжило бы развиваться символически, если бы не помогало человеку. Дж. Кэмпбелл, посвятивший свои работы полезности мифа для человека как духовного существа, пишет, что нужно «возродить символы, чтобы связать бодрствующее сознание и «глубинные уровни духовной жизни» [6, с. 192]. Таким образом, важно решение также задачи полезности мифа для жизни и вреда, наносимого мифотворчеством науке.

Применение методологии в изучении мифов и их символического выражения показывает сложность данного вопроса. Сложность же заключается в том, что произошло вымывание научных подходов в угоду идеологическим.

Таково обсуждение вопроса о телесности в культуре. В своей работе «Семиотика» Г. Г. Почепцов обращается к телесному в советском искусстве [9, с. 309–310]. Он видит в этом обращение советской идеологии к низменному в человеке, как к действующему, но не думающему, как к упрощённой кальке отношения к человеку в целом и только как части государственной идеологии [8, с. 309–310].

Само по себе обращение к телу ничего ещё не значит. Важно содержание такого внимания. Достаточно вспомнить античную скульптуру или живопись эпохи Возрождения, эстетика которых держалась на показе красоты и выразительности человеческого тела. В обоих случаях тело наравне с лицом и сюжетом было одним из главнейших образов выражения человеческого духа. По отношению к советскому искусству это также совершенно несправедливо. Обращение к телу не в гедонистическом, а в созидательном виде в советское время имеет совершенно иную цель. Человек созидательный неотделим от труда. Труд же легче и проникновеннее олицетворяется телом. В буржуазной культуре тело — способ заработать, тело — капитал. Почепцов же видит в обращении к телу при социализме проявление тоталитарной идеологии. Однако современный показ тела, его постоянство и способы как раз и утверждают тело как источник буржуазной культуры. Таковы порнография, эротика, конкурсы красоты, мир моды. Везде тело выступает как модель для последующей продажи. Соответствие стандарту повышает цену данного тела, несоответствие — снижает вплоть до осмеяния.

Почепцов же осуждает показ в советском искусстве мускулистого тела рабочего и преклонение перед физическим трудом в пропаганде коммунистического строительства [9, с. 309–310]. Он поддерживает миф о порочном обращении к телу при социализме в ущерб умственному труду [8, с. 309–310]. Однако в буржуазном обществе XXI в. культ тела используется гораздо мощнее и изощрённее. СМИ и интернет буржуазного общества заполнены телесным, почти вся реклама имеет в виду тело.

Барт и Бодрийяр также уделяют большое внимание отношению к телу при капитализме. Они увидели, как тело превращается в товар, отчуждается от личности, распадается на символы, чтобы продаваться по частям в соответствии с запросами рынка.

Бодрийяр особое внимание уделяет телу как отчуждённой вещи. Один из подзаголовков своей книги он назвал «Тело — самый прекрасный объект потребления» [4, с. 89]. Бодрийяр делает вывод, что

создана «идеология тела» [4, с. 95]. Тело «буквально заменило собой душу в этой моральной и идеологической функции» [4, с. 89].

Рассматривая стриптиз как мифологическое явление, Барт пишет, что «с помощью целого ассортимента женских украшений — мехов, вееров, перчаток, плюмажей, ажурных чулок — живое тело всё время включается в разряд предметов роскоши, магически обрамляющих человека... и вся эта мишура «окончательно вытесняет женщину в мир минералов; камень (драгоценный) выступает здесь как неопровержимый образ бесполезной цельности» [1, с. 189–190].

Таким образом, на примере стриптиза Барт показывает, как тело используется в буржуазном обществе, а именно как оно лишается своей естественной телесности и становится символом дозволенной порочности. Бодрийяр объясняет это так, что «в капиталистическом обществе общий статус частной собственности применяется одинаково к телу, к социальной практике, связанной с ним, и к умственному представлению, которое об этом имеют», и тело получило статус нарциссизма, направленного на эксплуатацию, «чтобы заставить возникнуть из него видимые знаки счастья, здоровья, красоты, животности, торжествующей на рынке моды», «тело только самый прекрасный» из объектов фетишизма, «которыми психически обладают, манипулируют, которые потребляют» [4, с. 91].

На примере отношения к телу при капитализме Бодрийяр, в свою очередь, показывает, как потребности преобразуются в культ, превращаются в мифологию, что «удовольствия, которые его окутывают, — всё сегодня свидетельствует, что тело стало объектом спасения» [3, с. 90]. При этом «красота является столь абсолютным императивом только потому, что она представляет собой форму капитала» [4, с. 93].

Если присмотреться к причинам обращения к физическому труду, то она видится в ясности затраченных усилий тела, воли и разума. Идеологическая цель достигается гораздо быстрее, чем предаваться попыткам объяснить сущность труда через усилия интеллигенции. Человек обретает смысл жизни и деятельности, а далее действует на пределе человеческих возможностей, в порыве достигая цели. Тело здесь не есть стремление показать человека из низов — рабочего и крестьянина. Тело здесь попытка утвердить осмысленность жизни, соединение душевного порыва и усилий. Тело здесь есть проявление творческого начала, его пробуждение. Социалистическое искусство 20–30-х гг. XX в. уловило ту же революционность

тела, какую мы видим в искусстве эллинской античности и Возрождения. Тот же самый посыл о подлинности красоты только при соединении тела и духа. Красивое тело есть начало, источник силы и способ достижения цели. Тело не отвергает творчество. Здесь явно виден обратный посыл: творчество показывается через тело. Во всех выдающихся произведениях этого времени мы видим душевный порыв. Взять хотя бы те самые скульптурные композиции советских парков культуры: горнист, девушка с веслом и т. п. Достаточно очевидно в них проявляется именно душевная устремлённость. По Почепцову, в советском искусстве в женщине отсутствовала собственно женщина: от скифской бабы к женщине с веслом и Родине-матери [9, с. 309–310]. Опять поверхностный подход. Скифская баба вообще не женщина, девушка с веслом — это именно девушка, а Родина-мать — символ страны, ведущей войну. Родина как материнский символ земли, и Отечество как отцовский — это глубокие мифологические символы, восходящие к началам языка. В целом скифская баба, девушка с веслом и Родина-мать разнотиповые образы. Те есть они не сравнимы.

Гуманитарные науки полностью вовлечены в мировоззренческое противостояние, присутствующее в российском обществе начала XXI в. Приведённые примеры показывают, что мифотворчество широко распространено в гуманитарных науках. Более того, оно стало неотъемлемой частью исследований. Распространение подхода, сочетающего в себе соединение произвольных фактов с произвольными объяснениями, превращает философию и историю в вид литературы. Для объективного изучения необходимо преодолевать идеологическую загрязнённость, выражаемую в предвзятости и односторонности интерпретаций исторических явлений и объяснений событий. К тому же проявляется недостаточная образованность в вопросах истории и философии, приводящая к научному и идеологическому упрощенчеству.

Таким образом, символы играют в мифотворчестве важную роль. Они же продолжают выполнять важную роль в культуре, по сути продвигая в неё мифологию. В ходе исторического развития культура передавалась с помощью символизации мира.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. Академический проект. Москва, 2014. 311 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. Москва: Республика, 1994. 528 с.
3. Бодрийяр Ж. Матрица Апокалипсиса. Последний закат Европы. Москва: Алгоритм, 2015. URL: <https://www.litmir.me/bd/?b=253335> (дата обращения 12.02.2018)
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры 153 с. URL: http://bookscafe.net/book/bodriyyar_zhan-obschestvo_potrebleniya-151022.html (дата обращения: 12.02.2018).
5. Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Генетический код современного искусства // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность: материалы международной научной конференции (23–25 мая 2006 г.). Казань: Изд-во КГУ им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. С. 203–208.
6. Кэмпбелл Дж. Путь к блаженству: мифология и трансформация личности. Москва: Открытый мир, 2006. 320 с.
7. Мифы народов мира // Советская Энциклопедия. 1980. Т. 1. 654 с.; Т. 2. 712 с.
8. Потебня А. А. Мысль и язык. Москва: Лабиринт, 1999. 300 с.
9. Почепцов Г. Г. Семиотика. Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. 432 с.
10. Юнг К. Г. *Misterium coniunctionis* (Таинство воссоединения). Минск: Харвест, 2003. 576 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА В ЦЕЛОСТНОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕКСТА

© *Имixelова Светлана Степановна*

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Статья посвящена методологическому значению коммуникативной парадигмы в современном гуманитарном знании на примере целостного подхода к пониманию текста. Понятие коммуникативной парадигмы рассматривается в русле языковой модели, в равной мере используемой философией и филологией. Материалом для исследования послужила работа Н. С. Автономовой «Познание и перевод: опыты философии языка», в которой философский дискурс перевода с одного языка на другой позволил выявить общегуманитарную методологию коммуникации автора и читателя в тексте. Утверждается, что предложенное понятие перевода языка одной культуры на язык другой культуры может помочь в процедуре целостного анализа текста. Делается вывод о том, что коммуникация автора и читателя, метафорически уподобленная соотношению «оригинал и перевод», открывает возможность нового угла зрения на текст.

Ключевые слова: коммуникация, текст, перевод, автор, читатель, воспринимающее сознание, метафоризация.

COMMUNICATIVE PARADIGM IN A HOLISTIC APPROACH TO THE STUDY OF TEXT

Imikhelova Svetlana Stepanovna

Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article examines the methodological significance of the communicative paradigm in modern humanities, using a holistic approach to understanding text as an example. The concept of communicative paradigm is examined within the context of a linguistic model equally used by philosophy and philology. The study draws on N.S. Avtonomova's work «Cognition and Translation: Essays in the Philosophy of Language» in which the philosophical discourse of translation from one language to another allowed for the identification of a general humanities methodology for author-reader communication in texts. It is claimed that the proposed concept of translating the language of one culture into the language of another can aid in the holistic analysis of texts. Furthermore, author-reader communication, metaphorically

likened to the relationship between original and translation, opens the possibility of discovering a new perspective on the text.

Keywords: communication, text, translation, author, reader, perceiving consciousness, metaphorization.

Смена мировоззренческих и познавательных ориентиров при переходе от классической философии к современной привела к так называемому *лингвистическому повороту* в гуманитарном знании. Со второй половины XX в. тесно связанная со спецификой гуманитарного знания парадигма названа коммуникативной, взятой в совокупности таких значений, как общение, понимание, диалог. А коммуникация (от лат. «communication» – сообщение, передача, беседа) не может существовать, как отмечала Н. С. Автономова, «без “схождения” к языковой проблематике в тех сферах гуманитарного знания, где прежде использовались различные познавательные средства». Известный философ писала: «Особенностью развития гуманитарного знания во второй половине XX в. стало применение языковой модели: объект исследования уподоблялся особому рода языку, а средства его постижения — средствам исследования языка» [2].

Лингвистика, филология в целом, занимается текстами, и в своей статье «Философия и филология» Н. С. Автономова замечала, что отношения между философским учением о способах и методах познания и филологической наукой о понимании культуры через тексты строятся вокруг такого общего, фундаментального для европейской культуры «стыка» — «слова» и «понятия», и отмечала, что тексты — «главный способ закрепления философского знания, главная форма существования понятий — кирпичиков философского знания» [4, с. 634]. И в связи с этим задавалась вопросом о методологическом и мировоззренческом смысле этого «схождения», о том, «в какой мере такое обращение к языку определяется внутренними потребностями познания предмета, или, быть может, каким-то новым витком превращений в самом исследовательском сознании» [2].

Сегодня общим местом в исследованиях философов и культурологов стало подчёркивание методологического значения триады язык — человек — коммуникация (или филологического триединства язык — текст — человек), как писали многие исследователи — философы, культурологи. Ю. Хабермас в книге «Теория коммуникативного действия» писал о повышенном философском понимании

проблем языковой коммуникации в социуме, подчеркивая методологический аспект этих проблем: «Коммуникативная парадигма как объект методологического анализа имеет целью не воспроизведение реальности, а создание новых подходов к ней, выявление и поиск новых ценностей и новых культурных смыслов как ориентиров для развития человека и общества» [7, с. 254].

Изучение текста лингвистами и литературоведами — это изучение культуры в целом. Ю. М. Лотман ввёл понятие «языки культуры» (или коды культуры), подчёркивая многофакторность и полисемантичность культуры, наличие разных её языков. В работах по типологии культуры, представляющих гуманитарную рефлексию на этапе неклассического познания, учёный-культуролог указывал на изучение, освоение этих «языков» с помощью не естественного языка лингвистики, а структуры воспринимающего сознания индивида [6, с. 419]. А это есть коммуникативный подход к текстам, к пониманию общения, диалога между создающим текст и воспринимающим его индивидом. Предметом филологии являются не только язык и текст, но и *homo loquens* — человек говорящий / читающий / пишущий, т.е. принимающий участие в речевой коммуникации [8]. Говоря об анализе текста с позиции воспринимающего сознания и *homo loquens*, Ю. М. Лотман называл «правила» понимания текстов как текстов сложноорганизованной культуры.

Обратимся к методологической стратегии в изучении всех видов и категорий текста, опираясь на положения книги «Понимание и перевод: опыты философии языка» Н. С. Автономовой. Работу филолога по изучению и анализу текста, согласно автору книги, можно уподобить работе переводчика, который переводит текст с одного языка на другой язык, «с культуры на культуру». Описание понимания текста — это есть «момент перевода, переноса наших идей, конструкций, выражений». Такой тезис учёного выступает для характеристики изменившегося взгляда на мир с его исторически сложившейся, определённой системой представлений и понятий, для определения момента перехода в другой мир жизни с его особым «горизонтом» (Э. Гуссерль).

Такой символический переход можно представить глазами и кистью бельгийского художника Р. Магритта на картине, которая так и называется — «Перенос» (1966) и на которой можно рассмотреть метафорический разрыв и переход от былой сращенности предмета и слова к совершенно другой познавательной парадигме. На левой

половине картины человек видит земную реальность объективно, в отрыве от себя самого, на правой — изображён сложный момент: занавес закрывает реальность и перед нами уже субъект, который превращается в объект познания и самопознания. То есть повернуть человека лицом к самому себе есть задача гуманитарного знания [9, с. 8–9]. К такой интерпретации картины, данной М. Эпштейном в книге «Знак пробела», следует добавить отражённую в картине существенную разницу между позицией монологизма как твёрдого всеведения, всезнания (лица человека мы не видим) и ситуацией «переноса» субъекта в иную ситуацию — ориентации на себя как Другого (в терминах В. Дильтея, Х.-Г. Гадамера), которая требует от него диалогического понимания мира и самого себя, а значит, усилий памяти, интеллекта, воображения (вот почему вместо чёткого изображения дан только контур). В подобном «переносе» можно увидеть смену парадигмы в восприятии и понимании филологом любого текста. Именно в таком аспекте даёт С. С. Аверинцев определение филологии как гуманитарной науки, как «службы понимания», отличающейся от «точного» естественно-научного знания: «...это «искусство понимать сказанное и написанное... Строгость и особая “точность” филологии состоят в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания» [1, с. 545]. Так лингвистический переворот становится антропологическим в гуманитарном знании, прежде всего в филологии, ведь в ней, по мнению С. С. Аверинцева, происходит ориентация «на реальность целостного текста и тем самым как бы на человеческую мерку» [1, с. 544].

Целостный анализ текста в филологическом образовании — это всегда рецепция воспринимающего сознания читателя, приводящая к пониманию «языка» Другого, создателя текста, автора. Сложность этой позиции многоаспектна, антиномична для литературоведа и преподавателя-словесника в объяснении и понимании текста. (Дихотомию этих терминов объяснял П. Рикер как задачу «больше объяснять, чтобы лучше понимать»). Литературовед может быть уподоблен переводчику с родного языка на другой язык, с языка своей культуры на язык оригинала. Сложность в том, что он должен двигаться или в сторону автора-писателя, или в сторону читателя-адресата. Н. С. Автономова приводит это положение Ф. Шлейермахера из его знаменитой работы о методах перевода, соглашаясь с мнением филолога и переводчика М. Л. Гаспарова: «Если в художе-

ственном произведении переводчика больше интересует этическая сторона, то стилистические красоты отойдут на задний план, если же переводчик постарается полностью овладеть музыкальной стороной, в пренебрежении окажется логический элемент» [2]. Эта антиномия оригинал — перевод представляет известную трудность, а вот ее необходимо преодолевать в целостном анализе художественного текста (в старых терминах это означает обнаружить единство формы и содержания).

Сложность «переноса» в понимании текста (вспомним картину Р. Магритта) заключается в сознательном выборе и акцентировании одного из двух аспектов произведения — автора или читателя. В школьном и вузовском образовании эту антиномию можно разрешить согласно различным этапам анализа: ознакомительному, который, как правило, приближает к возможностям, опыту и вкусам читателя, и последующему, в процессе которого, как правило, больше ориентируются на позицию автора (подлинника, оригинала) и стремятся точнее её передать. К тому же преподаватель проходит соответственно оба этапа в последовательности: сначала читает, объясняет язык авторского «послания» (оригинала) как литературовед «для себя», а уже потом читает «для других» как педагог.

При «переводе», т.е. понимании и интерпретации текста, филолог может столкнуться и сталкивается с другой антиномией — столкновением научного и идеологического контекстов в понимании художественного текста в виде вопросов: как идеологическая современность оказывает воздействие на сознание читателя в восприятии как классического, так и современных текстов, способна ли она исказить акт воспринимающего сознания. Здесь «перенос» как представленная возможность адекватного выхода к авторскому «я» приобретает важность в связи с метафоричностью в научном познании, мышлении. Сущность процесса метафоризации заключается «в переработке материала различных видов деятельности — интеллектуальной, эмоциональной, перцептивной — в языковые значения, а затем и в схемы межъязыкового и межкультурного переноса и перевода» [3, с. 603]. На примере картины Р. Магритта можно увидеть метафорический перенос сложной мысли-идеи автора (в аспекте целостного анализа текста) с помощью близких и понятных образов, и на основе ассоциативных связей у читателя — учителя и учащегося. Так, оба могут увидеть, «прочитать» в живописном «тексте» перенос взгляда и опыта наивного читателя на бо-

лее сложный уровень понимания такого абстрактного явления, поскольку оно смыкается с известным, привычным образом или понятием [5]. То есть метафорический «перенос» в этом случае помогает вербализации, словесной характеристике нового знания.

Таким образом, именно понимание, коммуникация способны лечь в основу процедуры, посредством которой текст «подтягивает», «втягивает», приближает читателя к автору. Методологическая стратегия коммуникативного подхода, описанная Н. С. Автономовой в рамках философской рефлексии перевода, не просто полезна, но и необходима в филологическом образовании, в описании, объяснении, понимании любых видов и категорий текста.

Литература

1. Аверинцев С. С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 544–545.
2. Автономова Н. С. Перевод как рефлексивный ресурс. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevod-kak-refleksivnyy-resurs-ponimaniya> (дата обращения: 02.10.2025).
3. Автономова Н. С. Познание и перевод: опыты философии языка. 2-е изд., испр. и доп. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 736 с.
4. Автономова Н. С. Философия и филология // Наука глазами гуманитария / ответственный редактор В. А. Лекторский. Москва: Прогресс-Традиция, 2005. 688 с.
5. Имашева О. А. Метафора и ее интерпретация в научном дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 6(42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-i-eyo-interpretatsiya-v-nauchnom-diskurse> (дата обращения: 04.10.2025).
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследование. Заметки. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001. 704 с.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество. 2003. № 1–2. С. 254–263.
8. Чувакин А. А. Курс основ филологии: к проблеме модернизации высшего филологического образования // Риторика и модернизация образования. Москва, 2004. С. 259–263.
9. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.

АКТУАЛИЗАЦИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

© *Чэгдурова Эржена Дондобовна*

г. Улан-Удэ, Россия

© *Мухидинов Магомед Госенгаджиевич*

г. Махачкала, Россия

Аннотация. В статье поднимаются фундаментальные вопросы о сущности человека, его месте и роли в мире, радикально изменяющемся под воздействием технологий. Авторами обращается внимание на двойственность положения человека в цифровом социуме: подчеркивается его уязвимость и предсказуемость как части глобальной реальности и в то же время он остается творцом, наделяющим смыслом цифровую реальность. Перед человеком раскрываются огромные возможности для расширения собственных возможностей, но одновременно он утрачивает важнейшие качества, отвечающие за его человечность. Ради сохранения человека как представителя *Homo sapiens* необходимо усиливать философскую базу образования, что обеспечивает нравственное осмысление человеком границ дозволенного, критическое мышление, рефлекссию и т.п. Необходимы совместные усилия государственных и общественных институтов для решения проблем в сфере образования, развития технологий, создания новых смыслов искусством, для формирования привычек «цифровой гигиены».

Ключевые слова: цифровая трансформация общества, цифровой социум, человек, философия, критическое мышление, смысл жизни, образование.

RELEVANCE OF ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY

Chagdurova Erzhena Dondobovna

Ulan-Ude, Russia

Mukhidinov Magomed Gosengadzhievich

Makhachkala, Russia

Abstract. The article raises fundamental questions about the essence of man, his place and role in a world that is radically changing under the influence of

technology. The authors draw attention to the duality of man's position in the digital society: they emphasize his vulnerability and predictability as part of the global reality, while also recognizing him as a creator who gives meaning to the digital world. Man has immense opportunities to expand his capabilities, but at the same time, he is losing essential qualities that define his humanity.

In order to preserve the human being as a representative of *Homo sapiens*, it is necessary to strengthen the philosophical basis of education, which ensures that the human being understands the boundaries of what is permissible, critical thinking, reflection, etc. It is necessary to work together with governmental and public institutions to solve problems in the field of education, technology development, and the creation of new meanings through art, in order to form habits of "digital hygiene".

Keywords: digital transformation of society, digital society, human being, philosophy, critical thinking, meaning of life, education.

Цифровая трансформация, с которой столкнулось современное общество, не просто изменяет образ жизни человека, но и самым серьезным образом влияет на традиционные представления о личности, идентичности, свободе и смысле жизни.

Сам статус человека в цифровом социуме становится двойственным и многогранным, он превращается в производителя беспрерывного потока данных, на основе которых строятся алгоритмы, управляющие его потреблением, поведением, зачастую и мыслями. В таком аспекте человек становится предсказуемым объектом, контролируемым и манипулируемым как часть глобальной цифровой экосистемы.

С другой стороны, он продолжает выполнять роль творца технологий, являясь не просто их основным пользователем, но тем, кто наделяет их смысловой нагрузкой; использует цифровые инструменты для расширения своих возможностей — в образовании, коммуникации, творчестве, науке, в быту.

Как субъект, во всем и всегда ищущий смысл, человек в условиях автоматизации рутинных задач и потенциального замещения некоторых видов человеческого труда актуализирует вопрос о смысле собственного существования, о своей уникальной роли, которая не может быть сведена к функциям, выполняемым машинами. Этот смысл он находит в области философского осмысления разнообразных проблем бытия, творчества, эмпатии, глубоких человеческих отношений. Как существо, трансформирующееся в цифровом социуме, человек — это не просто статичная единица, а динамическая

субстанция, постоянно адаптирующаяся к новым условиям, меняющая свои когнитивные паттерны, способы взаимодействия. В данной ситуации он вынужден формировать собственное «цифровое Я». И здесь очень важен вопрос о том, насколько глубоко эта трансформация затрагивает саму его идентичность как личности и ценности традиционного формата.

Бесспорно, цифровые технологии не только обеспечивают невиданные возможности для расширения человеческих способностей (когнитивных, физических), но также ставят вопрос об утрате определенных качеств традиционной ценностной модели. К ним мы относим аутентичность личности, ее автономию, способность к критическому мышлению, нравственные ценности, эмпатию, способность к глубоким отношениям, к вниманию, концентрации и свободе выбора.

Противопоставить цифровой трансформации традиционных ценностей и измерений личности человека можно не столько простое «блокирование» процесса, сколько активное развитие и культивирование специфически человеческих качеств и компетенций.

В первую очередь необходимо развивать:

- философское и этическое осмысление бытия, так как только через постоянный диалог о границах дозволенного, о ценностях, смысле человеческого существования, о том, что значит быть человеком в эпоху искусственного интеллекта, происходит осознание реальности возникающих проблем;

- критическое мышление и медиаграмотность, способность анализировать информацию, распознавать манипуляции, отделять факты от мнений, понимать механизмы работы алгоритмов и их влияние на мировоззрение человека;

- творчество и креативность, так как именно через поддержку и развитие всех форм человеческого творчества, которое по своей природе уникально и трудновоспроизводимо машинами, мы способны сохранять собственную идентичность;

- автономию и свободу воли через осознанное отстаивание права на выбор, на конфиденциальность, на «цифровой детокс», на невовлеченность;

- самопознание и рефлекссию через формирование способности к интроспекции, к пониманию своих потребностей, ценностей, мотивов, что помогает поддерживать целостность личности в условиях информационной перегрузки и попыток внешнего форматирования;

– эмоциональный интеллект, так как через целенаправленное развитие способности понимать и переживать эмоции других людей возможна установка глубокого, не опосредованного технологиями межличностного общения, что позволит противостоять ее дегуманизации;

– ощущение реальности и телесности через возвращение к осознанию ценности физического мира, природы, прямого человеческого контакта, телесных ощущений и опыта в противовес тотальной виртуализации.

Реализация обозначенных целей для сохранения человечности требует комплексных и многоуровневых усилий во многих сферах деятельности социума, что невозможно без целенаправленной государственной политики и контроля.

Так, в сфере образования необходимо усиление роли гуманитарных наук (философия, этика, история, литература, искусство) для формирования широкого кругозора, этического сознания, способности к рефлексии и критическому мышлению. Необходимо обучение цифровой этике, безопасности, медиаграмотности с раннего возраста и целенаправленное развитие «мягких навыков» эмпатии, коллаборации, креативности, критического мышления и адаптивности.

В технологическом развитии необходима приоритетная разработка технологий, направленных на удовлетворение потребностей общества в целом, на увеличение его здоровья, благосостояния. При этом технологии должны отвечать требованиям экологической, биомедицинской, информационной этики, а не быть нацеленными только на эффективность и прибыль. Необходимо создание и соблюдение международных и национальных стандартов для разработки и использования искусственного интеллекта, защиты данных, предотвращения дискриминации и манипуляций. В то же время необходимо повышение прозрачности работы алгоритмов, чтобы люди могли понимать, как принимаются решения, влияющие на их жизнь.

В общественной и культурной жизни необходимо создание и поощрение пространств и форматов для непосредственного человеческого общения, развития общин, волонтерства. В этом плане нуждается в поддержке подлинное искусство, которое исследует человеческий опыт, вызывает эмоции, провоцирует размышления о будущем и настоящем человека, а не массовое, нацеленное лишь на

развлечение и деградацию публики. Искусство способно инициировать и поддержать широкий общественный диалог о будущем человека, ценностях, смысле жизни в условиях цифровой эры.

На уровне личной ответственности каждому современному человеку необходима выработка привычек «цифровой гигиены», то есть умение отключаться, критически оценивать информацию. Необходимо находить время для самопознания, развития внутренних ресурсов, творческих хобби, физической активности. Сознательное инвестирование в качественные, а не количественные, межличностные связи дарит человеку чувство глубокой удовлетворенности жизнью, наполняет ее смыслом.

В рамках решения перечисленных проблем государственные институты играют критически важную, хотя и различную по своей природе роль, начиная с разработки и внедрения законодательных актов, регулирующих использование цифровых технологий, защиту персональных данных, этику ИИ, предотвращение цифрового неравенства и дискриминации; поддержки образовательных программ, направленных на развитие критического мышления, этических ценностей (регулирующая функция); финансирования и поддержки фундаментальных и прикладных исследований в области цифровой этики, философии технологий, а также в проекты, направленные на развитие человеческого потенциала; защиты цифровых прав граждан (право на забвение, право на цифровую автономию) и защиты от цифровых угроз. Без государственной поддержки невозможно формирование глобальных этических стандартов и механизмов регулирования цифровых технологий, что приобретает особую актуальность в современных условиях.

Искусство в осмыслении вызовов цифровой эпохи играет особую роль, так как способно в художественных образах осуществлять исследование новых форм идентичности, страхов и надежд человека, создавать новые нарративы и символы, помогающие человеку адаптироваться к изменяющейся реальности, находить новые смыслы и формы выражения. Таким образом культура, выступающая гарантом сохранения традиционных ценностей, моральных норм, которые служат надежной опорой в быстроизменяющемся мире, способна выступать генератором новых смыслов через критический дискурс.

В условиях цифровых трансформаций устойчивым ориентиром для человека могут стать моральные рамки мировых религий, кото-

рые могут служить ориентиром в определении добра и зла, допустимого и недопустимого в использовании технологий. Давая ответы на глубинные вопросы о смысле жизни, смерти, предназначении человека, религия оказывает поддержку человеку в условиях экзистенциальных кризисов, спровоцированных излишним давлением на него информационных технологий. Многие религиозные традиции содержат предостережения против чрезмерной технологической гордыни и попыток человека взять на себя роль Творца, что актуально в эпоху генетической инженерии и сильного ИИ. Прежде всего религия акцентирует внимание на внутренней, духовной жизни человека, что может служить противовесом внешней ориентированности и материализму цифрового мира.

Таким образом, только совместные, скоординированные усилия различных государственных и негосударственных институтов, общества в целом необходимы для того, чтобы цифровая трансформация стала не угрозой, а возможностью для нового этапа развития человечности, сохраняющей свою уникальность и ценность.

Литература

1. Мухидинов М. Г. Социальные трансформации личности в цифровом обществе // Системная трансформация — основа устойчивого инновационного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2025. С. 157–159.
2. Магомизаев Х. А., Мухидинов М. Г., Чагдурова Э. Д. Трансформация традиционных ценностей социума // Межэтнические отношения и процессы в современном мире: сборник статей всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля науки России и Бурятии Владимира Иосифовича Затеева. Улан-Удэ, 2024. С. 122–126.
3. Чагдурова Э. Д. Проблемы кибербезопасности в современной Бурятии // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2023. С. 235–239.

КРИЗИС ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

© Ван Хунминь

г. Чита, Россия

Аннотация. Человеческая субъективность составляет фундаментальную сущность человеческого бытия, служа определяющей характеристикой, которая отличает человечество от всех других форм существования. С наступлением цифровой эпохи человеческая субъективность сталкивается с серьезными вызовами. Навигация между двойными требованиями извлечения выгод из прогресса цифровых технологий и смягчения рисков отчуждения субъективности представляет собой определяющую эпоху загадку.

Ключевые слова: человеческая субъективность, цифровая эпоха, цифровизация, отчуждение, кризис субъективности, алгоритмическая этика, технологическая критика.

THE CRISIS OF HUMAN SUBJECTIVITY IN THE DIGITAL AGE

Wang Hongmin

Chita, Russia

Abstract. Human subjectivity constitutes the fundamental essence of personhood, a defining characteristic that distinguishes humanity from all other forms of existence. With the advent of the digital age, this subjectivity faces serious challenges. The need to meet the dual demands—benefiting from the progress of digital technologies while simultaneously mitigating the risks of subjective alienation represents a defining problem of our era.

Keywords: human subjectivity, digital age, digitalization, alienation, subjectivity crisis, algorithmic ethics, technology critique.

В области философии мыслители давно занимаются темой человеческой субъективности, развивая множество представительных точек зрения. Например, утверждение Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую» способствовало развитию субъективистской философии; утверждение Канта о том, что «человек законодательствует для природы», коренным образом изменило отношения меж-

ду субъектом и объектом, утвердив человеческую деятельность и осуществив эпистемологический сдвиг в сторону человеческой субъективности. Только с появлением концепции «абсолютного духа» Гегеля был преодолен недостаток теории Канта — разделение субъекта и объекта, вызванное различием между «вещью самой по себе» и феноменальным миром. Гегель полностью реализовал человеческую субъективность через процесс объединения субъекта и объекта. По мнению Маркса, человеческая субъективность предполагает полное проявление человечности через субъективную, активную практику, подчёркивая уникальные характеристики человечества по отношению ко всем другим формам существования и реализуя свободное и всестороннее развитие человечества в процессе практики [3].

В 1995 г. американский футурист Николас Негропonte провозгласил вступление человечества в эру «цифровой жизни». С технологической точки зрения «цифровизация» означает представление всех информационных объектов в компьютерах — включая числа, операции, символы, звуки, цвета, графику и изображения — с использованием «битов» [5] или процесс преобразования объектов, изображений, звуков, текстов или сигналов в файлы цифрового формата [4]. С точки зрения человеческого существования цифровизация означает образ жизни и отношение, характеризующиеся постоянным взаимодействием с компьютерами [6]. Соответственно, «цифровая эпоха» может быть понята как эпоха, в которой цифровые технологии составляют основу или способ существования, то есть эпоха, в которой сеть выживания, построенная с помощью цифровых технологий, стала фундаментальным условием существования и фоном для человечества [1]. Эта эпоха характеризуется такими особенностями, как взаимное проникновение и взаимодействие виртуального и физического миров, полицентричность и однополярность, принцип человекоцентричности и стратификация. Таким образом, в данной статье «цифровизация» определяется как процесс преобразования естественной информации и репрезентативной информации (всех символов, изображений, текстов, языков и т. д.) в цифровые сигналы, представленные 0 и 1, с помощью компьютерных технологий, а также как обширное влияние, которое это оказывает на производство и образ жизни.

С философской точки зрения субъективность человека проистекает из конечной заботы человечества о своём объективном суще-

ствовании. Проявляясь в отношениях между человеком и природой, человеком и обществом, а также между самими людьми, она составляет фундаментальную характеристику человечества, установленную в объективирующих отношениях между субъектом и объектом. Однако субъективность человека не является фиксированной величиной. В частности, с быстрым прогрессом цифровизации этот символический атрибут, наделяющий человечество его сущностным блеском, в настоящее время сталкивается с кризисом распада.

Этот кризис проявляется в основном в двух аспектах: во-первых, в ограничении свободы воли человека, когда его решения и действия все в большей степени подчиняются внешнему контролю; во-вторых, в качественной трансформации человеческого восприятия. В цифровую эпоху люди все больше погружаются в свои цифровые идентичности, поддаваясь «цифровому фетишизму». Символические субъекты бесконечно размножаются, пытаясь доминировать над реальными субъектами, тем самым ограничивая свободу воли подлинного «я». На первый взгляд, люди в цифровую эпоху, кажется, обладают контролем над своей волей — свободой передвижения, выбора и слова. Однако по сути эта свобода иллюзорна: это относительная свобода, предоставленная теми, кто манипулирует из-за кулис, где правила игры полностью диктуются разработчиками цифровых технологий и заинтересованными сторонами. В эту эпоху цифровой субъект постепенно поглощает реальный субъект, в результате чего люди теряют чувство собственной значимости и становятся отчуждёнными существами. Рассмотрим эпоху повсеместных онлайн-покупок: большие данные широко собирают следы покупок людей, объединяют их с привычками потребления и с помощью алгоритмов рекомендаций предлагают продукты, которые нужны людям или кажутся им актуальными. Кажется, что это приносит удобство в повседневную жизнь, экономя время, затрачиваемое на принятие решений. Однако более глубокий анализ показывает, что люди превратились из активных потребителей в пассивных получателей, испытывая отчуждение потребительского субъекта, при этом их свобода выбора подавляется. Более того, сталкиваясь с огромным объёмом цифровой информации, люди, похоже, теряют способность принимать решения и делать выбор, все больше погружаясь в фрагментированную информацию. Независимо от необходимости или достоверности такая информация поглощается без разбора. Одновременно с этим, по мере того как алгоритмы реко-

мендаций становятся все более совершенными, информация, с которой сталкиваются люди, становится все более адаптированной к их предпочтениям, замыкая их в «информационном пузыре». Это приводит к доступу только частичной информации, что ведёт к гомогенизации, фрагментации и одностороннему развитию субъекта [2].

Развитие цифровой эры стало катализатором качественного сдвига в восприятии человека, перехода от непосредственного взаимодействия с физическим миром к ориентации на данные. Исторически люди приобретали знания через сенсорное взаимодействие с природой и понимание мира. Однако с развитием цифровых технологий этот процесс претерпел изменения. Технологии моделируют человеческие эмоции, символизируют, формализуют и алгоритмизируют внешние проявления чувств, таких как радость, гнев, печаль и удовольствие. Это позволяет машинам реагировать на внешние стимулы и генерировать соответствующие «эмоции», тем самым создавая машиноориентированную систему восприятия, независимую от человеческого тела. Этот технологический сдвиг в восприятии постепенно отделил человеческое восприятие от физического тела, заменив его данными. Зависимость людей от данных и алгоритмов растёт с каждым днём. По мере того как человеческое восприятие переходит от физического мира к цифровым данным, общая основа восприятия фрагментируется, социальные отношения становятся более сложными, а глубина и богатство аутентичного восприятия уменьшаются. По мере того как люди все больше привыкают передавать информацию через цифровые интерфейсы, им становится все труднее испытывать подлинный эмоциональный резонанс, присущий личному общению. Наступление цифровой эры в определённой степени превратило людей из активных участников природного мира в пассивных наблюдателей в сценариях, основанных на данных, что привело к кризису коммуникации. Суть этого кризиса взаимодействия проистекает из кризиса человеческой сущности. Как заметил Маркс, «человеческая сущность не является абстрактной сущностью, присущей индивиду; в своей реальности она является суммой всех социальных отношений» [7]. Цифровая эпоха породила новые социальные отношения. Хотя переход человеческого восприятия к данным повысил общую социальную подвижность, он одновременно подорвал традиционные социальные среды, сделав межличностные взаимодействия сложными и хрупкими. В отсутствие подлинного межличностного взаимодействия и прямого

восприятия реального мира человеческие эмоции постепенно становятся однообразными и притупленными. Со временем этот однообразный эмоциональный опыт может снизить чувствительность к подлинным чувствам, заперев человечество в ловушке виртуальных сенсорных переживаний.

Цифровая технология, как «материализованная сила знания», обладает двойственными свойствами: с одной стороны, появление технологий воплощает антропологические характеристики их социально-исторических условий; с другой стороны, при ненадлежащем использовании капиталом они порождают отчуждающие свойства. Таким образом, кризис человеческой субъективности в значительной степени проистекает из нерационального применения цифровых технологий самим человечеством. На протяжении всего цифрового прогресса мы должны диалектически понимать присущие технологиям мета-свойства, которые бросают вызов человеческому интеллекту, стремясь предотвратить риск отчуждения человека, возникающего в результате технологического отчуждения.

Литература

1. Цзоу Хунцзюнь. Кризис субъективности в цифровую эпоху и ответы образования // Исследования и эксперименты в области образования. 2024. № 1. С. 15–27.
2. Мяо Цин, Цао Хунцзюнь. Этические дилеммы и меры противодействия для развития субъективности в цифровом интеллектуальном обществе // Теоретический бюллетень. 2023. № 9. С. 81–87.
3. Чжао Лун. Кризис субъективности и меры противодействия: как люди могут позиционировать себя в эпоху искусственного интеллекта // Теоретический справочник. 2023. № 5. С. 88–95.
4. Ван Гою, Мэй Хун. Создание этического порядка для цифрового мира // Бюллетень Китайской академии наук. 2021. № 11(36). С. 1278–1287.
5. Цай Шушань. О цифровизации // Социальные науки в Китае. 2001. № 4. С. 33–42, 203–204.
6. Негропonte Николас. Быть цифровым / перевод Николаса Негропonte. Хайнань, 1997. 335 с.
7. Маркс и Энгельс. Собрание сочинений. Пекин: Народное издательство, 2009. 501 с.

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© *Васёнкин Алексей Вадимович*

г. Иркутск, Россия

Аннотация. Развитие информационных технологий в современных условиях детерминируется не только научно-техническим прогрессом, но и совокупностью социально-философских принципов, задающих их направление и внедрение. Ключевыми из них являются принципы ответственности, безопасности, предосторожности, экологичности, утверждающие, что блага цифровой эпохи должны приводить к гармоничности. Не менее важен принцип конфиденциальности и сохранности личных данных, ставящий во главу угла неприкосновенность индивидуального бытия, а не способ обогащения на продаже данных. Социально-философский подход требует критического осмысления роли информационных технологий в процессе трансформации коммуникативной сферы, человеческой природы и самой социальной реальности. Современное технологическое развитие давно перестало быть сугубо инженерной задачей, превращаясь в пространство диалога между обществом, властью и технологическими агентами относительно проекта будущего, где информационные технологии должны быть поставлены на службу устойчивого развития.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная цивилизация, социально-философские принципы, этика информационных технологий, ответственность, предосторожность, конфиденциальность, блогерство.

SOCIAL-PHILOSOPHICAL AND ETHICAL PRINCIPLES OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

Vasenkin Alexey Vadimovich

Irkutsk, Russia

Abstract. The development of information technologies in modern conditions is determined not only by scientific and technological progress, but also by a set of socio-philosophical principles that set the direction and implementation of these technologies. The key principles are responsibility, safety, precaution, and sustainability, which state that the benefits of the digital age should lead to harmony. Additionally, the principle of privacy and personal data protection is equally important, as it prioritizes the integrity of individual lives rather than the pursuit of wealth through

data sales. A socio-philosophical approach requires a critical understanding of the role of information technologies in the process of transforming the communicative sphere, human nature, and social reality itself. Modern technological development has long ceased to be a purely engineering task, becoming a space for dialogue between society, the government, and technological agents regarding the future project, where information technology should be put at the service of sustainable development.

Keywords: information technologies, information civilization, socio-philosophical principles, information technology ethics, responsibility, caution, confidentiality, blogging.

Информационные технологии прочно вошли во все сферы жизни общества, став его технологическим фундаментом. Современная реальность целиком состоит из информационных потоков, что позволяет говорить о возникновении нового типа человека. Как отмечал испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет, говоря об индустриальной эпохе, современный человек лишён выбора между жизнью в естественной среде и существованием в искусственно созданной, «сверхприродной» реальности. Он неразрывно связан с последней, подобно тому как первобытный человек был неотделим от природы [2, с. 223]. По аналогии можно утверждать, что современный вид *Homo Sapiens* трансформировался в *Homo Informaticus* — социобиологический тип человека, чьё существование немыслимо без информации и цифровой среды.

Зарождение социально-философского осмысления информационных технологий относится ко второй половине XX в. Его пионерами стали основоположник кибернетики Норберт Винер [6] и специалист в области искусственного интеллекта Йозеф Вайценбам [5]. Именно они одними из первых указали на комплекс «нетехнических» проблем, порождаемых вычислительной техникой, и привлекли к ним внимание научного сообщества. По своей масштабности и значимости эти проблемы были сопоставимы с вызовами атомной эпохи. Центральное место среди них, как и в случае с ядерными технологиями, занял вопрос об ответственности разработчиков. Впоследствии данная проблематика расширилась до глобального уровня. Также здесь идёт речь о *принципе безопасности* информационных технологий, включая и соответствующий *принцип предосторожности*.

В политической сфере информационные технологии стали инструментом мощного воздействия на общественное сознание, что способствует становлению управляемого типа политической систе-

мы. Поскольку современные политические взгляды формируются под влиянием многочисленных информационных ресурсов и видеоплатформ, это создаёт пространство для выражения индивидуальных позиций. Информационные технологии не только предоставляют гражданам гибкие механизмы участия в политике и возможности влияния на неё, но и одновременно делают их объектом манипулятивного воздействия через те же информационные каналы [1, с. 7]. В этом контексте одним из социально-философских принципов развития информационных технологий должен стать *принцип свободной воли, свободы выбора*.

Проблема неприкосновенности частной жизни, конфиденциальности личных данных при использовании информационных технологий создаёт ещё один пласт вопросов, относимых к социальной философии и этике. Цифровое наблюдение за человеком в общественных местах должно по большому счету обеспечивать охрану и безопасность, противодействуя случайным или преднамеренным угрозам, таким как преступные действия или террористические акты. Но в то же время оно угрожает независимости, анонимности, автономии личности и доверию, которые составляют основу демократического общества. Новые технологии, позволяющие отслеживать местонахождение отдельных людей с помощью GPS, — это добровольно-принудительная практика. Информационные технологии без желания пользователя отслеживают его местонахождение, навязывают определённые товары и алгоритмы поведения, считывают данные об его активности и передают по запросу.

Ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации [3] устанавливает уголовную ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни. Объективная сторона состава преступления, предусмотренного частью 1 данной статьи, заключается в совершении одного из следующих действий: незаконное собирание сведений о частной жизни лица без его согласия; незаконное распространение таких сведений без согласия лица; распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Особую актуальность данная норма приобретает в условиях цифровой эпохи, характеризующейся лавинообразным распространением информации, и применяется в первую очередь к защите цифровых данных. Однако, как показывает мировая практика, подобные нарушения носят системный характер. Яркой иллюстрацией этого является де-

тельность бывшего сотрудника АНБ США Эдварда Сноудена, который раскрыл информацию о масштабных программах тотальной слежки, реализуемых американскими спецслужбами.

Критерием прогресса общества в информационном поле является качество взаимодействия человека с технологиями с точки зрения соблюдения норм, основанных на гуманистических идеалах. Информационные технологии дают возможность современному человеку преобразовать себя и свои отношения с окружающим миром. Это подразумевает возможность самовыражения каждого в рамках глобальной сети при сохранении исторических, культурных и географических особенностей. Переходя к вопросу о самовыражении, нельзя не упомянуть блогерство как одно из социально значимых проявлений в современном обществе.

Поведение блогера при создании видеоматериалов может быть основано на следующих принципах, которые отражают моральные и профессиональные обязательства перед аудиторией и обществом [4]:

- честность и непредвзятость: блогеры обязаны обрабатывать и публиковать информацию честно, избегая предвзятости и манипуляций;
- отказ от плагиата: блогеры должны уважать интеллектуальную собственность, избегая копирования чужих материалов без указания авторства;
- указание источников: блогеру следует всегда указывать источники информации, чтобы аудитория могла оценить их достоверность и контекст;
- проверка информации: блогер обязан убедиться, что публикуемые материалы (тексты, цитаты, фотографии и т.д.) не искажают факты, не упрощают информацию чрезмерно и не вырывают события из контекста;
- отказ от дезинформации: блогер не должен распространять заведомо ложную информацию, а в случае публикации спорных данных обязан четко обозначить их статус;
- разграничение фактов и интерпретаций: блогер должен четко отделять факты от пропаганды и домыслов, не допуская искажения реальности;
- минимизация вреда: блогер обязан стремиться к тому, чтобы его публикации не причиняли вреда отдельным лицам или группам;
- уважение к участникам событий: блогер должен относиться к источникам информации и участникам описываемых событий с уважением и эмпатией;

– деликатность в использовании личных данных: при использовании информации или фотографий людей, пострадавших в результате описываемых событий, блогер должен проявлять тактичность и осторожность;

– защита частной жизни: обычные люди имеют больше прав на конфиденциальность, чем публичные лица, и блогер должен уважать это право;

– осторожность в оценках: блогеру следует воздерживаться от осуждения потенциальных преступников до вынесения судебного решения, а также избегать идентификации жертв преступлений без их согласия;

– прозрачность целей: блогер должен четко обозначать цели своего блога и быть открытым для диалога с аудиторией относительно контента и своего поведения;

– раскрытие конфликтов интересов: блогер обязан информировать аудиторию о возможных конфликтах интересов, своей принадлежности к организациям, деятельности и личных мотивах.

Однако на практике блогосфера демонстрирует крайне низкую приверженность данным этическим принципам, зачастую полностью или частично игнорируя их. Многие блогеры, движимые исключительно коммерческими интересами и стремлением к обогащению, не осведомлены о существовании этической стороны своей деятельности. В данном контексте информационные технологии превращаются в инструмент для реализации деструктивных моделей поведения, что усиливает их потенциальный негативный эффект. Здесь может идти речь о таком социально-философском принципе, как *экологичность*, которая означает психологическую безвредность информационных технологий.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что информационные технологии представляют собой не просто инструментарий, а принципиально новую среду обитания человека — цифровую сферу, которая стала неотъемлемой частью социального и культурного пространства. Их применение носит ценностно-нагруженный характер и должно регулироваться в соответствии с принципами устойчивого развития. Это обуславливает необходимость системного учёта социально-философских и этических аспектов при разработке, внедрении и использовании цифровых технологий.

Литература

1. Капурро Р. Информационная этика // Информационное общество. 2010. № 5. С. 6–15.
2. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о современной технике. Избранные труды. Москва: Весь мир, 1997. 700 с.
3. УК РФ Статья 137. Нарушение неприкосновенности частной жизни. URL: https://www.consultant.ru/document/consdoc_LAW_10699/4234a27af714cc608ea71b7bae9400f3613c8f60/ (дата обращения: 19.10.2025).
4. Этический кодекс блогера. URL: <https://varlamov.ru/600305.html> (дата обращения: 19.10.2025).
5. Weizenbaum J. Computer power and human reason: from judgment to calculation. San Francisco: W. H. Freeman, 1976. 300 p.
6. Wiener N. Cybernetics or, Control and communication in the animal and the machine. New York, M.I.T. Press, 1961. 212 p.

ПАРАДОКС АУТЕНТИЧНОСТИ: АНАЛИЗ ПРОТИВОРЕЧИВОЙ ЦЕННОСТИ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

© *Калашникова Ксения Николаевна*

г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается аутентичность как ценность и феномен современного городского развития. Показано, что стремление к подлинности, возникающее на фоне «кризиса аутентичности», одновременно стимулирует сохранение уникальных городских пространств и способствует их коммерциализации и джентрификации. Анализируются три подхода к аутентичности — объективная, перформативная и субъективная. Раскрывается её многогранная природа. Особое внимание уделено противоречию между восприятием аутентичности как ценности и её использованием в маркетинге и градостроительной политике. Демонстрируется, как поиск «настоящего» приводит к вытеснению исходных городских сообществ и утрате той самой подлинности, которую стремились сохранить. Автор приходит к выводу, что аутентичность становится одновременно целью и инструментом урбанистических трансформаций, порождая сложный социальный и культурный парадокс.

Ключевые слова: аутентичность, объективность, субъективность, практики, городское пространство, ценность, идентичность.

THE PARADOX OF AUTHENTICITY: AN ANALYSIS OF THE CONTRADICTORY VALUE OF URBAN SPACE

Kalashnikova Kseniia Nikolaevna

Novosibirsk, Russia

Abstract. The article examines authenticity as a value and a phenomenon of contemporary urban development. It shows that the desire for authenticity, emerging against the backdrop of an "authenticity crisis," simultaneously encourages the preservation of unique urban spaces and drives their commercialization and gentrification. Three approaches to authenticity — objective, performative, and subjective — are analyzed, revealing its multifaceted nature. Particular attention is paid to the contradiction between perceiving authenticity as an intrinsic value and its instrumental use in marketing and urban planning. The article demonstrates how the pursuit of the

"authentic" leads to the displacement of original urban communities and the loss of the very authenticity that was intended to be preserved. The author concludes that authenticity has become both a goal and a tool of urban transformation, giving rise to a complex social and cultural paradox.

Keywords: authenticity, objectivity, subjectivity, practices, urban space, value, identity.

Сегодня термин «аутентичность» приобретает всё большую популярность как в научной среде, так и в повседневной речи. Поиск в системе Google выдаёт около 300 миллионов результатов по запросу «authenticity» и почти 2 миллиона — по запросу «аутентичность». «Аутентичный» было выбрано словом в 2023 г. порталом Merriam-Webster [1]. В статье, сопровождающей эту новость, подчёркивается многозначность термина: он одновременно отсылает к соответствию истине, верности себе и оригинальности. При этом подчёркивается позитивная коннотация слова — аутентичность воспринимается как ценность.

Такой рост интереса может быть связан с «кризисом аутентичности». В психологии это явление описывается как потеря своей идентичности, как противоречие между тем, кем человек себя считает, и тем, кого ему приходится изображать в повседневности [2]. В контексте городского развития этот кризис проявляется как противоречие между стандартизированным, корпоративным городом и стремлением к «городской деревне» — более живому и подлинному пространству [3, с. 320]. Эта потребность в «настоящем» стимулирует интерес к другим культурам и становится катализатором туризма как способа вырваться из упорядоченной и искусственной рутины и оказаться в окружении «реальной» жизни [4]. Стремление людей к аутентичности — вне времени, но меняются подходы к её пониманию, «место ее локализации и мера участия субъекта» [5, с. 71].

Исследователи аутентичности выделяют несколько ключевых подходов к её пониманию, которые соответствуют разным типам аутентичности:

1. Объективная («музейная») аутентичность — определяется подлинностью самих материальных артефактов. Её установка требует экспертной оценки, документальных источников и атрибуции. Согласно В. Беньямину, такие объекты обладают особой «аурой» — качеством, которое позволяет ощущать непосредственную связь с прошлым, чувство уникальности и исторической преемственности [6].

2. Перформативная аутентичность — акцентирует внимание на действиях и взаимодействиях. Аутентичность здесь не заложена ни в самих объектах, ни в сознании индивида, а возникает в процессе практик, телесного опыта и включения человека в пространство. Это динамическое производство подлинности через активное участие, где аутентичность конструируется в отношениях между людьми и окружающей средой [7].

3. Субъективная (экзистенциальная) аутентичность — связана с внутренним переживанием индивида. Опыт или пространство признаются аутентичными, если человек сам ощущает их как искренние, значимые и соответствующие его «настоящему Я». В этом понимании аутентичность — это экзистенциальное состояние, возникающее в процессе личностного поиска и самореализации [8].

Такая множественность трактовок неизбежно приводит к противоречиям. В философии существует традиция трактовки аутентичности с объективистской позиции, истинная природа человека рассматривается как нечто данное, а социальные нормы и общественные предписания — как факторы, искажающие это подлинное бытие [9].

Коммерция традиционно воспринимается как сфера искусственности, противопоставляемая природе и подлинности. Л. Триллинг, например, утверждал, что «деньги — причина неаутентичного в человеческом бытии» [9, р. 124]. Аналогичную позицию занимает Д. МакКаннелл, разделяя туристический опыт на «подлинный» и «постановочный», при этом проводя границу по признаку коммерциализации — всё, что продаётся, считается неаутентичным [10].

В маркетинге же аутентичность становится мощным инструментом продвижения. Она формирует потребление, основанное на соответствии продукта представлениям человека о самом себе [11]. Это уже не просто покупка товара — это акт идентификации. Парадоксально, но и маркетологи Дж. Гилмор и Дж. Пайн, посвятившие книгу использованию аутентичности, признают: все компании — искусственные структуры, а бизнес по своей природе связан с деньгами, машинами и, следовательно, с неаутентичным. Однако при этом они продвигают альтернативный взгляд — релятивистский. Вместо того чтобы искать аутентичность в объектах, они переносят её на субъективный опыт человека. По их мнению, не существует «неаутентичного опыта» — если человек переживает его искренне, он становится аутентичным. Такой подход согласуется с более ши-

рокой тенденцией современной культуры — сдвигом к субъективизму и релятивизму: вещи ценны не сами по себе, а потому что люди считают их таковыми. Как отмечает Ч. Тейлор, это может привести к своеобразному безумию — к потере объективных ориентиров [12]. Одним из наиболее ярких и разрушительных парадоксов аутентичности, таким образом, является её непреодолимая склонность к коммодификации.

В социологии города значительный вклад в понимание аутентичности вносит работа Шэрон Зукин «Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств» [3], в данной работе идея коммодификации аутентичности получила развитие. Здесь аутентичность трактуется двояко: с одной стороны, как историческая подлинность, связанная с потреблением старинных, «креативных» и локальных городских пространств; ресурс власти, который принадлежит творческому классу, экспертному сообществу и способствует повышению стоимости недвижимости и коммерческого успеха пространства в целом. С другой — как право на проживание, на возможность «усвоить» пространство, «пустить корни» в нём, а не просто его потреблять.

Центральный парадокс аутентичности в городском пространстве заключается в её двойственной природе: она является одновременно и ценностью, которую стремятся сохранить, и инструментом, которым пользуются для её же уничтожения. Именно столкновение этих двух смыслов порождает острый конфликт в современных городах и возникает вопрос «Есть ли альтернатива джентрификации кроме бедности и упадка?». Для Нью-Йорка эта двойственная природа проявляется в трансформационных процессах: в мрачных рабочих районах начинает жить творческая интеллигенция, занимая заброшенные или дешёвые промышленные помещения и создавая там новые культурные и коммерческие пространства, ориентированные на вкусы нового среднего класса. Их деятельность, в свою очередь, привлекает инвестиции и новых жителей, что ведет к росту арендной платы, появлению дорогих сетевых заведений и вытеснению исходных сообществ — рабочего класса, иммигрантов и самих художников. Бизнес активно использует объективную аутентичность — историческую ценность зданий, и перформативную — колоритные сообщества и их практики как конкурентное преимущество и способ вызвать эмоции у потребителей.

Трансформации, порожденные парадоксальной природой аутентичности, были в фокусе исследований Новосибирска, проведенных автором данной статьи: джентрификации улицы Фабричной [13]; воспроизводства аутентичности Академгородка [14]; коммерческого ландшафта [15] и ресторанов в частности [16].

Литература

1. Merriam-Webster Word of the Year 2023 // Merriam-Webster. 2023. URL: <https://www.merriam-webster.com/wordplay/word-of-the-year-2023> (дата обращения: 24.08.2025).

2. Вагин Ю. Креативные и примитивные. Основы онтогенетической персонологии и психопатологии. Издательские решения. 2018. 441 с.

3. Зукин Ш. Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств / перевод с англ. А. Лазарева и Н. Эдельмана. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 360 с.

4. Хлевнюк Д. Подлинность новодела // Царицыно: аттракцион с историей / под редакцией Н. В. Самутиной, Б. Е. Степанова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. С. 86–113.

5. Сидорова Н. М. Философия и поэзия в поисках утраченной подлинности // Философия и общество. 2010. № 4. С. 68–75.

6. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. Москва: Медиум, 1996. 240 с.

7. Freitag F., Carlà-Uhink F., Clavé A. S. Key Concepts in Theme Park Studies: Understanding Tourism and Leisure Spaces. New York: Springer International Publishing, 2023. 361 p.

8. Wang N. Rethinking Authenticity in Tourism Experience. *Annals of Tourism Research*. 1999; 26; 2: 349–370.

9. Trilling L. Sincerity and Authenticity. Harvard University Press, 1972. 188 p.

10. MacCannell D. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Oakland, CA: University of California Press, 1999. 231 p.

11. Гилмор Д. Х., Пайн Д. Аутентичность: чего по-настоящему хотят потребители. Санкт-Петербург: Best Business Books, 2009. 347 с.

12. Taylor C. The Ethics of Authenticity. Harvard University Press, 2003. 143 p.

13. Калашникова К. Н. Аутентичность «промышленного острова»: случай улицы Фабричной в Новосибирске // Муниципалитет: экономика и управление. 2021. № 4(37). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/autentichnost-promyshlennogo-ostrova-sluchay-ulitsy-fabrichnoy-v-novosibirske> (дата обращения: 30.08.2025).

14. Калашникова К. Н. Воспроизводство аутентичности места (на примере новосибирского Академгородка) // ЭКО. 2022. № 12. С. 159–173.

15. Калашникова К. Н. Роль аутентичности в трансформации ритейла Новосибирска // Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов: монография / под редакцией И. А. Скалабан; Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2023. Гл. 5. С. 141–168.

16. Калашникова К. Н. Рестораны Новосибирска: потребительское восприятие заведений в контексте их пространственных различий // ЭКО. 2024. № 5. С. 185–201.

ГРАЖДАНСКАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ ЖИТЕЛЯМИ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

© *Щеткина Ирина Анатольевна*

© *Лига Марина Борисовна*

© *Гомбоева Янжина Зориктоевна*

г. Чита, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на описание гражданской и региональной идентичности жителей Забайкальского края. На основе результатов эмпирического исследования проанализированы иерархия гражданской и региональной самоидентификации, эмоциональное восприятие жизни в регионе, а также ключевые нарративы, формирующие гордость за страну и Забайкальский край. Исследование выявило доминирование общероссийской идентичности (70,3%) при сильной эмоциональной связи с регионом (76% испытывают гордость или сопричастность). Установлено, что основу гордости за Россию составляют историческое наследие (83,5%) и государственная мощь (59,5%), в то время как текущие экономические достижения не являются значимым ресурсом для идентичности (8,2%). Делается вывод о формировании у жителей Забайкалья сложной, но в целом устойчивой гибридной идентичности, в которой общероссийский и региональный уровни взаимно дополняют друг друга.

Ключевые слова: гражданская идентичность, региональная идентичность, социологическое исследование, сопричастность, самоидентификация, Забайкальский край, Дальний Восток.

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 24-28-20444 по теме «Российская идентичность: сибирско-дальневосточный тип воспроизводства социальной устойчивости».

CIVIL AND REGIONAL IDENTITY: THE PERCEPTION OF THE RESIDENTS OF TRANSBAIKALIA

*Shchetkina Irina Anatolyevna, Liga Marina Borisovna
Gomboeva Yanzhina Zoriktoevna*

Chita, Russia

Abstract. The article presents the results of a sociological study aimed at describing the civil and regional identity of the residents of the Trans-Baikal Territory. Based on the results of an empirical study, the hierarchy of civic and regional self-identification, emotional perception of life in the region, as well as key narratives that form pride in the country and the Trans-Baikal Territory are analyzed. The study revealed the dominance of the all-Russian identity (70.3%) with a strong emotional connection with the region (76% feel pride or belonging). It was found that pride in Russia is based on historical heritage (83.5%) and state power (59.5%), while current economic achievements are not a significant resource for identity (8.2%). The conclusion is drawn about the formation of a complex but generally stable hybrid identity among the residents of Transbaikalia, in which the national and regional levels complement each other.

Keywords: civic identity, regional identity, sociological research, belonging, self-identification, Zabaikalsky Krai, Far East.

Забайкальский край, являясь стратегически важным приграничным регионом России, представляет значительный интерес для изучения процессов формирования идентичности. Сочетание статуса «сибирского» и «дальневосточного» региона, удалённость от федерального центра и специфическая социокультурная среда обуславливают сложный характер самоидентификации его жителей. В условиях усиления внимания государства к развитию регионов Дальнего Востока вопрос о том, как их население воспринимает свою связь со страной и своим краем, приобретает особую актуальность. Проведённое исследование направлено на выявление структуры, эмоциональной окраски и ключевых нарративов, составляющих основу гражданской и региональной идентичности жителей Забайкальского края.

В обстоятельствах постоянных качественных преобразований социальной действительности, субъектов исторического процесса, социальных институтов, выполняющих различные функции, возникают проблемы, требующие пристального внимания государствен-

ных структур и научного анализа учёных [1]. Одним из таких вопросов является взаимосвязь и взаимообусловленность гражданской и региональной идентичностей, формирующиеся под влиянием развития коммуникаций, трансформации мировоззренческих установок и восприятия мира, появления новых форм «вписывания» личности в социум через участие в различных формах жизнедеятельности [2].

Актуальность исследования гражданской и региональной идентичностей объективно обусловлена, по мнению В. А. Ядова, следующими факторами. Во-первых, анализ процессов становления гражданской и региональной идентичностей позволяет получить информацию о субъектах, их действиях. Во-вторых, идентичность детерминирует поведение как социальных кластеров в целом, так и отдельных индивидов, что открывает возможности для составления прогнозов их поведения в той или иной ситуации. В-третьих, идентичность является основой формирования и выработки ценностей, традиций, совокупности норм и правил поведения, в связи с чем именно гражданская и региональная идентичности становятся механизмом формирования гражданского общества [3]. Кроме того, важным продолжает оставаться вопрос и о социальных институтах, принимающих участие в формировании идентичности молодёжи [4].

Эмпирическую базу проведённого исследования составили данные социологического опроса взрослого населения Забайкальского края, проведённого в 2024 г. Объем выборочной совокупности составил 400 респондентов. Выборка квотная, репрезентативная по полу и возрасту (распределение по половозрастным группам соответствует демографической структуре региона). Для сбора данных использовался метод анкетирования.

Исследование выявило чёткую иерархию в самоидентификации жителей края. Абсолютное большинство респондентов (70,3%) идентифицирует себя в первую очередь как жителей России (русских, россиян), и лишь во вторую очередь — как забайкальцев, жителей Дальнего Востока и сибиряков. Это свидетельствует о высоком уровне интеграции в общероссийское гражданское пространство. Региональная идентичность является первичной для 22,2% опрошенных, что указывает на наличие значимой части населения с сильным чувством территориальной принадлежности.

Анализ эмоционального восприятия жизни в регионе показал, что доминирующими чувствами являются позитивные. Чувство связи с территорией и местным сообществом является основой по-

вседневной идентичности для 42,8% респондентов. Уверенность, гордость своей малой родиной, уважение достоинства региона отмечают 33,2% участников опроса. Таким образом, 76% респондентов демонстрируют позитивную связь с Забайкальским краем. Однако у 24% населения преобладают негативные оценки: 13,0% респондентов отмечают отчуждение и безразличие к региону; чувство обиды возникает у 11,0% опрошенных. Это указывает на существование пессимистически настроенной части забайкальцев, чьё самовосприятие строится на чувстве несправедливости и оторванности.

В основе регионального самовосприятия лежат два противоположных аспекта. Нарратив «героизма»: 63,0% респондентов согласны с тем, что сибиряки и дальневосточники «не раз своим мужеством и стойкостью спасали Россию». Это источник силы и самоуважения, позиционирующий регион как «опорный край России». Нарратив «недооцененности»: 27,0% считают отношение центра к региону критически недостаточным. Эта позиция отражает комплекс периферийности и ощущение экономической отсталости.

Эти выводы подтверждаются результатами оценки оснований для гордости как гражданина России. В этом контексте выявлена чётко выстроенная иерархия: чувство гордости вызывают такие атрибуты, как «история страны, подвиги предков» (83,5% респондентов), «мощь страны, сила армии» (59,5%), «достижения культуры» (44,5%), «научные и технические достижения» (35,0%), «спортивные достижения» (32,5%). Критически низкий показатель гордости за достижения в экономике, качество труда (8,2% респондентов) свидетельствует о глубоком разрыве между гордостью за историко-культурные достижения страны и невысокой оценкой текущей социально-экономической ситуации.

Проведённое исследование позволяет составить комплексный портрет идентичности жителя Забайкальского края: его характеризует сложная гибридная идентичность, основанная на доминировании общероссийской гражданской принадлежности, которая не отменяет сильной эмоциональной связи с регионом. Таким образом, в оценках участников исследования выявлено гармоничное соединение гражданской и региональной идентичности: житель Забайкалья — это «достойный россиянин и ответственный забайкалец».

Литература

1. Влияние буддийских институтов на формирование гражданской идентичности населения Забайкальского края / М. Б. Лига, И. А. Щеткина, Е. Ю. Захарова, М. И. Гомбоева // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 24–36.

2. Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. 2008. № 7. С. 214–228.

3. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России: социология, этнология. 1995. Т. 4, № 3–4. С. 158–181.

4. Титов В. В. К вопросу о конструировании национально-гражданской идентичности российской молодёжи в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 57. С. 257–264.

НАЦИОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМИ ПРОЦЕССАМИ В КНР

© Дводненко Диляра Надировна

г. Чита, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию многомерной природы современного китайского национализма и его влияния на этническую политику КНР. В работе обосновывается актуальность анализа националистических идей как ключевого фактора формирования национальной идентичности и политического курса современного Китая. Проанализированы три основные формы китайского национализма: прагматический национализм, используемый правящей элитой как инструмент политического контроля; «реваншистский» национализм, основанный на исторической памяти о притеснениях; культурно-экономический национализм, выраженный в концепции «мирного возвышения Китая». Исследована трансформация этнической политики КНР — от идей национального самоопределения к стратегии формирования единой китайской нации. Рассмотрены современные методы интеграции национальных меньшинств, включающие языковую политику, культурную пропаганду и образовательные программы. Установлено, что концепция построения «единой китайской нации» становится доминирующей в управлении этносоциальными процессами и направлена на укрепление государственности и предупреждение сепаратистских настроений.

Ключевые слова: китайский национализм, национальная идентичность, этносоциальные процессы, национальные меньшинства, интеграция, «единая китайская нация», коллективное сознание.

NATIONALISM IN THE CONTEXT OF MANAGING ETHNO-SOCIAL PROCESSES IN CHINA

Dvodnenko Dilyara Nadyrovna

Chita, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of the multidimensional nature of contemporary Chinese nationalism and its influence on the ethnic policy in the PRC. The article confirms the relevance of analyzing nationalist ideas as a key factor in formation national identity and the political course of modern China. Three main forms of Chinese nationalism are analyzed: pragmatic

nationalism, used by the ruling elite as an instrument of political control; «revanchist» nationalism, based on historical memory of repression; cultural-economic nationalism, expressed in the concept of «China's peaceful rise». The transformation of the PRC's ethnic policy from ideas of national self-determination to a strategy of forming a unified Chinese nation is examined. Contemporary methods of integrating national minorities are considered, including language policy, cultural propaganda, and educational programs. It is established that the concept of building a «unified Chinese nation» is becoming dominant in managing ethno-social processes and is aimed to strengthening statehood and preventing separatist tendencies.

Keywords: Chinese nationalism, national identity, ethnic-social processes, national minorities, integration, «unified Chinese nation», collective consciousness.

В настоящее время национализм продолжает оставаться одной из наиболее острых тем в социально-философском познании. Националистические идеи оказывают влияние на развитие современной государственности, во многом определяют формирование национальной идентичности, задают направление внутривнутриполитического и внешнеполитического курса государства.

В современном Китае идеи национализма разделяются и поддерживаются не только на уровне общества как такового, но и на уровне правящей элиты (Коммунистической партии Китая). В частности, правительством КНР идеи национализма неоднократно использовались как механизм утверждения своих позиций перед зарубежными партнёрами с целью воспрепятствовать каким-либо попыткам демократизации режима. Вместе с тем многие действия китайского правительства по обеспечению собственных интересов на международной арене оставались далеки от националистических идей и характеризовались высоким уровнем прагматизма [8].

Подобная двойственность китайского национализма свидетельствует о контроле над националистическими проявлениями, оказывающими влияние на правящую элиту и интеллигенцию. В связи с этим ряд исследователей, в том числе и Ж.-П. Кабестан в своём исследовании «Множество граней китайского национализма» предлагают концепцию «прагматического национализма» [2].

Также имеет место быть «реваншистский» национализм, идеи которого характеризуются некоторыми расистскими и ксенофобскими тенденциями [3]. Эти тенденции, как правило, основаны на традиционном восприятии невежественности западных стран («се-

верных варваров»)), снисходительно-неприязненным отношением к иностранцам, а также недоверии ко всему иностранному. Идеи «реваншистского» национализма основаны на потребности совершить возмездие за историческое притеснение китайской нации со стороны иностранных государств, поэтому к данному течению можно отнести дискуссии о территориальных притязаниях КНР к ряду государств (России, Японии, Индии и т.д.). Следует отметить, что проявления данного вида национализма в Китае носят стихийный характер, выражаются в дискуссиях определённых кругов населения и не характеризуются структурностью и последовательностью действий.

Также очевидным является существование культурно-экономической формы китайского национализма, основанной на древней истории китайской цивилизации и современной культурной и экономической специфике КНР. Данная форма не несет в себе открытого противостояния западной цивилизации, однако ставит целью вернуть Китаю должное положение в системе международных отношений путем внутренних модернизаций и открытости мировому сообществу. Данная форма китайского национализма носит наиболее конструктивный характер и находит свое выражение в концепции «мирного возвышения Китая» [2].

Таким образом, китайский национализм представляет собой не единую идеологию, а сложное многокомпонентное явление, сочетающее в себе прочный исторический контекст, механизм принятия политических решений и современные прагматические тенденции.

Политика правительства КНР, проводимая в отношении национальных меньшинств, традиционно является актуальным вопросом внутривнутриполитического курса страны, однако в последние годы наблюдается переход от идей национального самоопределения к интеграции малочисленных народностей в единую китайскую нацию.

5 марта 2021 г. во время 4-го заседания ВСНП 13-го созыва Си Цзиньпин подчеркнул, что «национальное единство является жизненно важным фактором для народа каждой национальности, проживающей на территории Китая» [10].

Основными методами формирования коллективного сознания в соответствии с руководящей линией партии являются историко-культурная пропаганда и образование, строительство учреждений общественной культуры, строительство символических для китай-

ской культуры зданий и сооружений с целью создания привлекательного для туристов облика и т.д.

Председатель КНР подчеркнул, что партийные кадры и чиновники, которые являются представителями национальных меньшинств, должны чётко осознавать содержание руководящей линии партии в вопросе о национальном единстве, а также обладать высоким уровнем самосознания [13].

Особое место в процессе формирования коллективного сознания отводится образованию, в частности изучению общегосударственного языка «путунхуа». Госсоветом КНР 2 декабря 2021 г. был опубликован руководящий документ «О всеобъемлющей работе по увеличению объемов использования современного языка и письменности», согласно которому процент граждан КНР, использующих путунхуа, к 2025 г. должен достигнуть 85% всего населения КНР. Кроме того, в соответствии с требованиями документа к 2035 г. должен быть отмечен значительный рост процента использования путунхуа среди населения мест компактного проживания национальных меньшинств и сельских поселений [14].

В сфере пропаганды и народного просвещения предлагается дальнейшее распространение таких концепций, как «три неделимых»²; «четыре общности»³, «разделять сообща четыре долга»⁴, «пять идентичностей»⁵, «пять взглядов»⁶, «семь моделей»⁷ [11; 12].

²Концепция подразумевает, что ханьцы не могут жить обособленно от этнических меньшинств, этнические меньшинства не могут жить обособленно от ханьцев и этнические меньшинства не могут жить обособленно друг от друга.

³ Термин, используемый в рамках политики укрепления сознания общности китайской нации, обозначающий совместное освоение территории Китая всеми национальными меньшинствами, равное участие этнических меньшинств в создании китайской истории и культуры, а также формировании великого китайского духа.

⁴Разделение горя и радости, чести и позора, жизни и смерти, разделение судьбы.

⁵Отождествление себя с Великой Родиной, китайской нацией, коммунистической партией и социализмом с китайской спецификой.

⁶ Формирование правильных взглядов на государство в целом, историю, нацию, культуру и религию.

⁷Выражать благодарность партии, внимать ее риторике, следовать идеям генерального секретаря Си Цзиньпина, формировать сильное чувство

Особое внимание предлагается уделить развитию исследований, посвящённых изучению теории единства китайской нации, в частности, составлению «Сборника исторических материалов об интеграции китайской нации». Более того, на 2023–2027 гг. запланирована реализация научно-исследовательского проекта построения китайской национальной общности; в рамках проекта будут организованы теоретические семинары и академические форумы.

Таким образом, в ходе изучения китайского национализма, в частности концепции «мирного возвышения», необходимо акцентировать внимание на рассмотрении националистических идей с точки зрения механизма объединения общества, укрепления авторитета правящей власти и достижения внешнеполитических целей в контексте современных глобальных процессов.

По итогам рассмотрения национализма как парадигмы управления социально-политическими процессами в КНР очевидным становится его разноплановый характер, затрагивающий практически все сферы жизни населения — от культурной и социальной до экономической и политической.

Вместе с тем, несмотря на очевидный рост экономических и социальных показателей, а также повышение общего уровня жизни населения, политика «построения единой китайской нации» вызывает критику мировой общественности. Основной причиной негативной оценки проводимых мероприятий является их нацеленность на неизбежный процесс ассимиляции национальных меньшинств КНР. Юридически признавая существование национальных автономий, власти Китая стремятся к слиянию культур и традиций национальных меньшинств и титульной нации хань. Предполагается, что реализация мероприятий, запланированных в данной сфере, будет способствовать совместному развитию и прогрессу всех национальностей Китая, так как, по мнению Коммунистической партии Китая, именно дальнейшая интеграция будет способство-

общности китайской нации, продвигать модернизацию в китайском стиле в районах компактного проживания национальных меньшинств, следовать по пути совместного обогащения населения приграничных территорий, поддерживать стабильность на государственных границах, возрождая приграничные районы, соединять приграничные районы с внутренними провинциями и внешним миром, развивать новые тенденции и правильные начинания.

вать укреплению государственности и повышению социальной стабильности.

Литература

1. Brady A-M. We are All Part of the Same Family: China's Ethnic Propaganda. *Journal of Current Chinese Affairs*. 2012; 4: 159–181.

2. Cabestan J-P. The many Facets of Chinese Nationalism. *China Perspectives*. 59/May-June 2005.

3. Hamsath R. The Operations of Contemporary Han Chinese Privilege. *China Information*. 2024; 38; 1: 3–23.

4. Булдакова В. Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 77–81.

5. Кучинская Т. Н. Архитектоника китайской модели социокультурного пространства // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2012. № 12. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18103656> (дата обращения: 02.09.2025).

6. Литвак Н. В., Помозова Н. Б. Европейская критика политики Китая в сфере прав человека: политические и идеологические аспекты // Вестник РУДН. Сер. Международные отношения. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-kritika-politiki-kitaya-v-sfere-prav-cheloveka-politicheskie-i-ideologicheskie-aspekty> (дата обращения: 14.09.2025).

7. Меркушина Я. С. Культурная идентичность современного китайского общества // Дискуссия. 2013. № 7 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-identichnost-sovremennogo-kitayskogo-obschestva> (дата обращения: 06.09.2025).

8. Морозова Н. Специфика «государства-нации» в китайской модели развития // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2018. № 2(12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-gosudarstva-natsii-v-kitayskoj-modeli-razvitiya> (дата обращения: 04.09.2025).

9. Ян Пинпин Специфика национального китайского бренда как инструмент культурной дипломатии: структура и функции // Коммуникология. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-natsionalnogo-kitayskogo-brenda-kak-instrument-kulturnoy-diplomatii-struktura-i-funktsii> (дата обращения: 24.09.2025).

10. 习近平总书记两下团组强调“民族团结”= Генеральный секретарь Си Цзиньпин утвердил принцип «единства национальностей». Цюши. 2021. URL: http://www.qstheory.cn/zhuanqu/2021-03/10/c_1127195333.htm (дата обращения: 02.09.2025).

11. 三个离不开”, 总书记对草原儿女深情嘱托 = «Три вещи, без которых не обойтись»: генеральный секретарь обратился с искренним назиданием к народу АРБМ // Гоццицзайсянь. 2021. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1693491862808968212&wfr=spider&from=pc> (дата обращения: 02.09.2025).

12. “四个共同” 铸牢中华民族共同体意识 = «Четыре общности»: формирование коллективного сознания единой китайской нации // Правительство АРБМ. 2024. URL: https://www.nmg.gov.cn/ztlz/gtts/mcjs/202403/t20240319_2482695.htm (дата обращения 28.09.2025).

13. 习近平在参加内蒙古代表团审议时强调完整准确全面贯彻新发展理念铸牢中华民族共同体意识= В ходе совещания с делегацией АРБМ Си Цзиньпин подчеркнул необходимость реализации концепции «укрепления сознания общности китайской нации» // Жэньминьжибао. 2021. URL: http://www.cidca.gov.cn/2021-03/06/c_1211110574.htm (дата обращения: 02.09.2025)

14. 中国推动普及普通话运动: 粤语面临存亡考验= Китай стимулирует продвижение путунхуа: кантонский диалект столкнулся с проверкой на существование // Радио Свободная Азия. 2021. URL: https://www.rfa.org/mandarin/yataibaodao/gangtai/ac-120220_21081726.html (дата обращения: 02.09.2025).

**«ФИЛОСОФИЯ ОТКРЫТОСТИ И ВЗАИМОВЫРУЧКИ»
КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КИТАЯ И УЧАСТИЯ В ПОСТРОЕНИИ
СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

© *Ли Ян*

г. Чита, Россия

Аннотация. Современная система глобального управления сталкивается с серьезными вызовами, которые требуют срочного поиска новых концепций и практических решений. Как вторая по величине экономика мира, модель развития Китая имеет глобальные последствия. В данной статье рассматривается, как прогрессивная стратегия Китая «высококачественного развития» выходит за рамки чисто экономических аспектов и вносит уникальный вклад в укрепление системы глобального управления, которая в настоящее время переживает не лучшие времена. В статье утверждается, что основные принципы высококачественного развития Китая, основанные на ориентированности на человека, инновационном росте, скоординированном развитии и открытом взаимовыгодном сотрудничестве, предлагают значительное интеллектуальное вдохновение и практические пути для укрепления глобального управления. Эти принципы дают понимание в четырех измерениях: цели управления, движущие силы управления, методологии управления и философия управления.

Ключевые слова: высококачественное развитие, глобальное управление, решения Китая, сообщество с общим будущим для человечества, устойчивое развитие, многосторонний подход, подход, ориентированный на человека, взаимная выгода и взаимовыгодное сотрудничество.

CHINA'S HIGH-QUALITY DEVELOPMENT:
ITS VALUE CONTRIBUTION TO THE CONSTRUCTION
OF THE GLOBAL GOVERNANCE SYSTEM

Li Yang

Chita, Russia

Abstract. The current global governance system faces severe challenges, urgently requiring new concepts and practical solutions. As the world's second-largest economy, China's development model carries global implications. This article explores how China's advancing strategy of “high-quality development” transcends purely economic dimensions to offer unique value contributions to

the troubled global governance system. The article argues that the core tenets of China's high-quality development — people-centered development, innovation-driven growth, coordinated development, and open win-win cooperation — offer crucial intellectual inspiration and practical pathways for enhancing global governance. These principles provide insights across four dimensions: governance objectives, governance drivers, governance methods, and governance philosophy.

Keywords: high-quality development, global governance, China's solutions, community with a shared future for mankind, sustainable development, multilateralism, people-centered approach, mutual benefit and win-win cooperation.

Современный мир переживает трансформацию, которая происходит раз в столетие, а система глобального управления сталкивается с серьёзными вызовами в виде дефицита управления, дефицита доверия, дефицита развития и дефицита мира [2, с. 87]. Усиливается тенденция к односторонним действиям и протекционизму, в то время как нетрадиционные угрозы безопасности, такие как изменение климата и кризисы в области общественного здравоохранения, продолжают распространяться. Традиционные механизмы глобального управления демонстрируют свои ограничения с точки зрения эффективности, инклюзивности и справедливости [4, с. 11]. На этом фоне стратегический переход Китая от высокоскоростного роста к высококачественному развитию представляет собой не только глубокую социально-экономическую трансформацию, но и благодаря своим масштабным эффектам и концептуальной ценности обязательно окажет далеко идущее влияние на реформу системы глобального управления.

Высококачественное развитие поддерживает основной принцип «прежде всего люди», предоставляя ценностный компас для переориентации целей глобального управления [5, с. 19]. Первоначальная цель глобального управления должна заключаться в повышении общего благосостояния человечества, однако на практике оно часто захватывается горсткой стран или групп интересов, что приводит к неравномерному распределению результатов управления. Китай позиционирует «стремление людей к лучшей жизни» как отправную точку и конечную цель, подчёркивая инклюзивное и совместное развитие [3, с. 14]. При проецировании на глобальную арену эта ценностная ориентация требует, чтобы в повестке дня управления приоритетными были неотложные потребности развивающихся

стран. Историческое искоренение абсолютной бедности в Китае в сочетании с обменом опытом и оказанием помощи через такие платформы, как инициатива «Пояс и путь» и сотрудничество Юг-Юг, даёт странам возможность искать пути развития, соответствующие их национальным условиям. Это демонстрирует международному сообществу, что эффективное глобальное управление должно вернуться к своей основной цели — служить человечеству, стремясь сократить разрыв в развитии между Северным и Южным полушариями.

Стратегия, ориентированная на инновации, придаёт новый импульс оживлению глобального управления. Научно-технические инновации являются ключевым инструментом для решения глобальных проблем. Китай поставил технологический прогресс в центр своей стратегии развития, перейдя от роли последователя к роли значимого участника в этой области. В сфере зелёных технологий китайские предприятия, занимающиеся фотоэлектричеством, ветроэнергетикой и электромобилями, достигли технологических прорывов, которые существенно снижают глобальные затраты на возобновляемые источники энергии. В цифровой сфере достижения Китая в области 5G и искусственного интеллекта предоставляют практические сценарии для глобального цифрового управления; в сфере общественного здравоохранения разработка вакцин и оказание помощи со стороны Китая демонстрируют глобальный общественный характер научных инноваций. Важно, что Китай выступает за открытую и инклюзивную экосистему инноваций, противостоит технологическим барьерам и продвигает совместно созданную и совместно используемую глобальную систему управления наукой и технологиями. Эта модель решения проблем посредством инноваций и обмена результатами через сотрудничество придает жизненную силу глобальному управлению.

Подход скоординированного развития предлагает идеи для преодоления фрагментированности управления. Одним из основных недостатков современного глобального управления является разрозненность различных сфер, что приводит к отсутствию комплексной координации. Высококачественное развитие Китая ставит во главу угла целостный и сбалансированный прогресс, уделяя особое внимание скоординированному развитию региональной, городской и сельской, материальной и духовной цивилизаций [7, с. 57]. Это системное мышление учит нас, что глобальные вызовы необходимо

рассматривать через призму комплексного подхода, признавая неразрывную взаимосвязь различных проблем. Китайская концепция «сообщества с общим будущим для всего человечества» олицетворяет это системное мышление, утверждая, что судьбы всех наций неразрывно связаны. На практическом уровне инициатива «Пояс и путь» синергетически продвигает координацию политики, инфраструктурную связность, беспрепятственную торговлю, финансовую интеграцию и связи между людьми, стремясь к всесторонней выгоде. Эта методология комплексного рассмотрения предлагает ценные идеи для построения совместной и эффективной системы глобального управления.

Философия «открытости и взаимовыручки» служит ориентиром для пересмотра основ глобального сотрудничества в области управления. Столкнувшись с антиглобалистскими настроениями и практикой «разъединения и отстранения», Китай неуклонно следует открытой стратегии взаимной выгоды и взаимовыгодных результатов [1, с. 71]. Опираясь на концепцию гармонии, Китай выступает за глобальное управление, основанное на «консультациях, сотрудничестве и совместной выгоде», утверждая, что глобальные правила должны формулироваться совместно всеми странами, вопросы должны обсуждаться совместно всеми странами, а результаты должны распределяться совместно всеми странами [8, с. 25]. Эта философия взаимной выгоды представляет собой решительное неприятие игр с нулевой суммой и дает моральную силу для возрождения многостороннего подхода.

Заключение

Высококачественное развитие Китая предлагает китайскую мудрость для реформирования системы глобального управления в нескольких измерениях. Оно принимает подход, ориентированный на человека, в качестве своей ценностной основы, развитие, основанное на инновациях, в качестве своего основного двигателя, скоординированное развитие в качестве своего фундаментального метода, а открытость и взаимную выгоду в качестве своей основной позиции. Китай не стремится заменить другие модели своей собственной, но демонстрирует на примере успешной практики, что, поддерживая подлинный многосторонний подход и стремясь к инклюзивному росту и устойчивому развитию, человечество способно совместно построить более мирное, справедливое и процветающее сообщество с общим будущим.

Литература

1. Василевская В. Э. Новая архитектура развития Китая: от переориентации экспортного производства до реализации инициативы «один пояс, один путь» // Основные тенденции экономического развития Республики Беларусь: материалы V Научно-практического круглого стола преподавателей, аспирантов и студентов (Минск, 17 апреля 2023 г.). Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 2023. С. 69–74.
2. Морозов Ю. В. Глобальные позиции Китая и перспективы их развития в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25, № 25. С. 80–95.
3. Цю Хуафэй. Исследование теории и практики Си Цзиньпина по продвижению и лидерству в реформе системы глобального управления // Вестник Шэньсийского педагогического университета (Философия и общественные науки). 2021. Т. 50, № 1. С. 5–16.
4. У Чжэнчэн. Мировое значение пути китайской модернизации // Исследования международных проблем. 2022. № 3. С. 1–15.
5. Юй Цзян. Три глобальные инициативы и реформа системы глобального управления // Исследования по вопросам безопасности и морским делам в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2024. № 2. С. 1–17.
6. Ян Вэньшуай. Три основных вклада китайской практики управления в мировое развитие // Теоретическое строительство. 2022. Т. 38, № 2. С. 18–26.
7. Чжан Янь. Влияние китайской модернизации на систему и структуру глобального управления // Теоретическое видение. 2025. № 7. С. 54–60.
8. Цзоу Синь, Ян Сюэнь. Исследование содержания китайской мудрости в продвижении реформы системы глобального управления в новую эпоху // Вестник партийной школы специального района Сямынь. 2020. № 1. С. 25–29.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КОНФУЦИАНСТВА КАК РЕЛИГИИ В КИТАЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© *Бальчинова Алена Юрьевна*

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Есть ли в Китае религия? Этот важный вопрос, на который мы должны ответить при исследовании китайской религии. Обобщая и анализируя утверждение о том, что «в Китае нет религии» и «конфуцианство — не религия», мы видим, что китайская мысль, культура и философия проникнуты различными «религиозными качествами». Невозможно игнорировать религиозную жизнь ханьцев и пытаться объяснить всю «китайскую культурную» традицию или реконструировать современную «духовную цивилизацию», не рассматривая религиозную жизнь крупной этнической группы Китая.

Ключевые слова: Китай, религия, конфуцианство, даосизм, буддизм, китайское общество.

ARE THERE NO RELIGIONS IN CHINA?

Balchinova Alena Yurevna

Ulan-Ude, Russia

Abstract. Are there any religions in China? This is an important question that we must address when examining Chinese religion. Summarizing and analyzing the assertions that "there is no religion in China" and that "Confucianism is not a religion," we see that Chinese thought, culture, and philosophy are permeated with various "religious qualities." It is impossible to ignore the religious life of the Han people and attempt to explain the entire "Chinese cultural" tradition or reconstruct the modern "spiritual civilization" without considering the religious life of this major ethnic group in China.

Keywords: China, religion, Confucianism, Taoism, Buddhism, Chinese society.

Китайские религии не столь значимы, как западные авраамические религии, с точки зрения доктрины и церковных форм, однако они превосходят западные авраамические религии в плане ритуалов, храмовых ярмарок и ритуальных собраний.

Со времён династий Тан и Сун (VII–XIII вв.) конфуцианство, даосизм и буддизм были наиболее влиятельными религиозными школами. Эти школы, иногда противостоящие друг другу, иногда дополняющие друг друга, а иногда и симбиотические, получили название «三教 san jiao три учения» — термин, широко используемый в философских и религиозных течениях китайской культуры.

После реформы года Усуй 1913 (戊戌变法) ученые быстро перешли от консервативной позиции к отрицанию традиционной религии. В разгар Ихэтуаньского восстания китайские ученые публиковали статьи с критикой китайских религий. Одни выступали против конфуцианства, другие подвергали жесткой критике буддизм и даосизм. Цянь Сюаньтун в своей статье описывал конфуцианство как метод правления высшего класса, суть которого — «деспотизм», а даосизм — как веру низших классов, характеризующуюся «невежеством» [1, С. 4–7]. Эта точка зрения быстро завоевала популярность среди китайского общества. Мы считаем, что характеризовать конфуцианство как доктрину авторитаризма высшего класса, а даосизм как невежественные практики низших классов весьма затруднительно, так как конфуцианские ритуалы глубоко проникли в низовые слои общества, превратившись в нечто гораздо большее, чем просто доктрину правления высшего класса. В то же время даосизм, несмотря на сложные теории, долгое время оставался без внимания.

Игнорирование позитивной роли конфуцианства в обществе и положительного влияния даосизма на мышление элиты, а также слепая критика привели к расколу между конфуцианской, даосской и буддийской традициями. Одна лишь «критика» не решает проблем. Отрицание конфуцианства, ограничение даосизма и запрет народных верований привели к гомогенизации современной идеологической системы Китая и дисбалансу в его социальной структуре. В качестве примера можно привести то, что участники различных движений, выступающих за «новую культуру» буддизм критиковали менее активно, нежели конфуцианство, даосизм и народные верования. Это стало причиной того, что буддизм благополучно закрепился в Шанхае, на Тайване и в материковом Китае, постепенно возрождаясь и становясь современной религией, значительно более успешной, чем пришедшие в упадок конфуцианство и даосизм. Отрицание традиционных религий (конфуцианства, буддизма, даосизма и народных верований) учёными XX в. связано с фанатичным

поведением Ихэтуаньского восстания. Это заставило современных интеллектуалов «порвать» с традиционной китайской религией.

Чжоу Шужэнь и Чжоу Цзожэнь, анализируя даосизм (который Чжоу Цзожэнь определял как «шаманизм»), утверждали, что именно даосизм, а не конфуцианство, представляет собой китайскую культурную традицию. Китайский писатель Лу Синь в своих записках отмечал: «В последнее время широко распространилась идея о том, что корни Китая целиком и полностью лежат в даосизме. Рассматривая историю с этой точки зрения, можно легко решить многие проблемы. Люди часто ненавидят монахов, монахинь, мусульман и христиан, но не даосов. Те, кто понимает это, понимают большую часть Китая». Чжоу Цзожэнь высказал схожую «теорию даосских корней» в работе «Ритуальные размышления о шаманизме»: «Говорят, что Китай — страна, основанная на ритуалах и конфуцианстве, почитающая самых святых учителей. Однако на самом деле мышление народа полностью шаманское (точнее, даосское)». В ответ на распространённое в пекинских академических кругах мнение о том, что «в Китае нет религии», он отметил: «Китай ни в коем случае не является страной без религии, хотя элементы магии и колдовства в сознании его жителей значительно преобладают над элементами религии. ... Чтобы изучать Китай, нужно изучать ритуалы; а чтобы понять ритуалы, нужно начать с даосизма» [2, с. 129–130].

Наряду с популярной идеей «корни Китая целиком и полностью лежат в даосизме» распространилось другое утверждение «В китайской культуре нет местных религий. Все религии чужды и занимают лишь второстепенное положение. Они также несовместимы с традиционным духом китайской культуры». Это выражение заставляло людей называть даосизм и народные верования «невежественными и отсталыми суевериями» и тем самым утверждать, что в Китае нет никакой религии, а если она есть, то это заимствованные конфессии из-за рубежа. Эта мысль стремилась утвердить «рациональный дух» китайской культуры посредством секуляризации.

Корни китайской религии действительно кроются в её народных верованиях; религиозность народной жизни, несомненно, повлияла на китайский национальный характер. Однако традиционная китайская религия способствовала «упадку и отсталости» империи Цин.

Китайские религии, будь то конфуцианство, даосизм, буддизм или народные религии, разделяют веру в «Небо» и поклонение ему.

Верования большинства народов мира содержат в себе слой взаимосвязи «бог – один». Другими словами, вера в «небо» и принятие «судьбы» — универсальное явление от Греции до Китая. Следы древней религиозной жизни, оставленные в этимологии, подтверждаются современной антропологией и археологией.

Говорить об «универсальности» в религиозной сфере — крайне сложное утверждение, не приемлемое для верующих и не признаваемое теологами. Разнообразие культурных традиций порождает разнообразные формы веры, так как верующие объединяются в многочисленные церкви. Различая религии по церковной традиции, богословской доктрине, жертвенным ритуалам или божествам, можно сказать, что разнообразие человеческой веры неисчислимо. Человеческая религия, несомненно, существует в мире во всём своём многообразии. В нашем современном культурном климате плюрализма мы не можем просто определить одну форму веры как религиозную, а другие — как «ересь» или «суеверие». Это поднимает более сложный вопрос «Существуют ли какие-либо универсалии в человеческой вере?». Хотя поиск религиозной универсальности — сложная задача. Поскольку мы согласны с тем, что разные религии содержат определённые базовые элементы, то, разбирая и анализируя эти элементы, мы можем обнаружить общие черты между различными конфессиями и «универсальность» межрелигиозного диалога.

Французский социолог Эмиль Дюркгейм определяет религию как единую систему верований и ритуалов, связанных со священными вещами, которые являются одновременно уникальными и неприкосновенными. Эти верования и ритуалы объединяют всех верующих в рамках морального сообщества, называемого «церковью». Здесь Дюркгейм определил «веру», «ритуал» и «церковь» как основные формы религии [3, с. 54].

На Всемирном парламенте религий в Чикаго в 1993 г. были представлены конфуцианство, даосизм и буддизм как три основные китайские религии и признаны религиями мирового уровня. Конфуцианство, даосизм и буддизм обладают трансцендентными верованиями. Согласно современным религиоведам, все «Три учения» обладают основными элементами «религии».

Как «религия», китайские «народные религии» имеют разную степень функционирования, проявляясь открыто или скрытно, в различных формах, но их фундаментальная форма сохраняется. Ки-

тайские религии также имеют сходство и универсальные черты с другими религиями различных этнических групп.

Обсуждая современную китайскую культуру, учёные обычно отводят китайской религии второстепенное место, сосредоточиваясь на «китайском гуманизме», который является важной чертой ранней западной синологии. Существует множество различных утверждений, например: 1) считать конфуцианство не религией, а лишь этической доктриной и политической системой; 2) интерпретировать теории сакральности буддизма и даосизма в соответствии с идеями «атеизма», «гуманизма» и даже «сциентизма»; 3) обесценивать религиозный энтузиазм, выражаемый народными религиями, называя его «суеверием». Благодаря такому анализу «современности» западная синология переосмыслила религиозную систему Китая. Впоследствии современные китайские учёные также интерпретировали собственные национальные религиозные традиции в соответствии со своим пониманием «современности». Если современные учёные ещё не исключили «религию» из китайской культурной системы, то по крайней мере отодвинули конфуцианство, даосизм, буддизм и народные религии на обочину китайской культурной системы. Со времён Возрождения и Просвещения, с ростом сциентизма и либерализма, современные западные учёные сознательно превозносили гуманизм и недооценивали социальный статус китайской религии. Они интерпретировали конфуцианство, даосизм и буддизм, а также народные верования в соответствии с западным рационализмом, восхваляя китайскую культуру через призму современности. Они утверждали, что «в Китае нет религии», что «китайская философия — это форма естественного богословия» и что «конфуцианство — не религия», часто занимая позитивную позицию в защиту китайской культуры. Маттео Риччи и другие пытались понять конфуцианство в контексте светской доктрины. Французские иезуиты даже просили императора Канси написать письмо, доказывающее, что конфуцианский принцип «почитания Неба и следования предкам» не является религиозной практикой. Современные китайские учёные, стремясь преодолеть разрыв между китайской и западной традициями, довольствуются однозначными суждениями. Обсуждая «религию», они часто говорят: «Китайская культура гуманистична» (подразумевая апатию) и «Западная культура — это фидеизм» (имея в виду христианство). Как ни странно, обсуждая философию в других местах, они переходят к фразам «за-

падная культура — это рационализм» и «китайская культура — это политеизм». По нашему мнению, они не вникали подробно в то, как «гуманистический» и «политеизм», «рационализм» и «фидеизм» определяются в китайской и западной культурных традициях или как они соотносятся друг с другом в разных контекстах.

Современные учёные склонны отрицать китайскую религию. Цянь Му в «Кратком обсуждении религии чжунъян» утверждал: «Китайская культура не создаёт собственной религии. Все религии чужды и занимают лишь второстепенное положение. Они также несовместимы с традиционным духом китайской культуры. Религии делают акцент на вере, и китайцы тоже делают акцент на вере» [4, с. 1–2]. Интеллектуалы до и после знали о глубине китайских народных верований. Дело не в том, что китайцы не ценят богов. Дело не в том, что китайцы не верят в душу. Цянь Му подчёркивал, что китайцы делают акцент на «вере» внутри себя, «вере в уверенность в себе, вере в себя и вере в своё сердце», поэтому в отличие от христианства «это учение для себя, учение сердца, учение человечности».

В заключении можно сказать, что современное китайское понимание «религии» претерпело радикальные изменения. В начале XX в. учёные, продолжая идеи реформаторского движения Усуй, всё ещё были погружены в теории «установления религии», направленные на трансформацию традиционной религии. Однако после Синьхайской революции ситуация резко ухудшилась. Интеллектуальное общество, решившее отрицать, критиковать и даже уничтожать религию, инициировало ряд общественных движений за «преобразование обычаев», «ломку суеверий» и «искоренение религии», что привело к утверждению, что «в Китае нет религии». За прошедшее столетие несмотря на то, что китайская интеллигенция выработала «научный» образ мышления, общество в целом не достигло цели «искоренить религию». Напротив, с 1980-х гг. религия как форма верований, обычаев и праздников быстро вернулась в повседневную жизнь китайцев, как в сельской местности, так и в городах, и даже в современных мегаполисах. От традиционных «трёх религий» — конфуцианства, буддизма и даосизма — до современных «пяти религий» — конфуцианства, буддизма, даосизма, ислама и христианства — прослеживается чёткая основополагающая тема «современности». Сравнивая китайские религии со строгими церковными формами и глубоко теологически осмысленными религиями, таки-

ми как ислам, католицизм и протестантизм, современные «конфуцианство», «буддизм» и «даосизм» уже не являются «конфуцианством», «буддизмом» или «даосизмом» в традиционном смысле.

Согласно современным, западным, теологическим, рациональным и церковным религиозным стандартам, «народные религии», лежащие в основе конфуцианства, даосизма и буддизма, в первую очередь отвергаются как «суеверные». Из множества верований были выбраны только те, которые делали акцент на научной деятельности, смогли войти в «современный» мир, обычно классифицируемые как «китайская философия».

Литература

1. 钱玄同: 《随感录》, 载《钱玄同文集》, 中国人民大学出版社 1999 年版, 第 11 页。Цянь Сюаньтун. Случайные мысли // Сборник сочинений Цянь Сюаньтуна / Издательство Китайского университета Жэньминь, 1999. 11 с.

2. 周作人: 《谈虎集·萨满教的礼教思想》, 北新书局 1936 年版, 第 342 页。Чжоу Цзюжэнь. Сборник рассуждений о тигре. Религиозные мысли шаманизма / издательство «Бэйсинь шуцзюй», 1936. 342 с.

3. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Классики мирового религиоведения. Москва, 2018. 706 с.

4. 钱穆: 《现代中国学术论衡》, 2005 年版, 第 272 页 Цянь Му. Современные китайские академические дискуссии. 2005. 272 с.

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ СМЕНЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

EDUCATION AND SPIRITUAL AND MORAL EDUCATION IN AN ERA OF CHANGING WORLDVIEW PARADIGMS

УДК 37.013

DOI 10.18101/978-5-9793-2062-5-100-107

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК РЕСУРСА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© *Баранова Наталья Сергеевна*

© *Истомина Ольга Борисовна*

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье представлен краткий обзор подходов к исследованию концепта «образовательное пространство», характеристике его регионального сегмента в условиях реализации стратегии повышения качества общего образования. Принципы формирования целостного мировоззрения теории В. А. Балханова определяются авторами как потенциальный базис преобразований в сфере отечественного образования. На основе анализа идей развития регионального образовательного пространства российских исследователей, сопоставления концептуальных документов в области оценки качества общего образования формулируются предложения по обеспеченности комплексности, системности, синхронности реализации процессов развития региональных систем образования.

Ключевые слова: образовательное пространство, региональное образовательное пространство, принципы формирования целостного мировоззрения, качество образования, оценка качества образования, низкие результаты обучения.

FORMING A REGIONAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A RESOURCE FOR ENHANCING GENERAL EDUCATION QUALITY

Baranova Natalia Sergeevna
Istomina Olga Borisovna

Irkutsk, Russia

Abstract. The article presents a brief review of methodological approaches to the study of “educational environment” concept. Authors focus on the characterization of its regional segments within the framework of implementing a strategy for enhancing the quality of general education. The principles of forming a holistic worldview by V. A. Balkhanov are defined as the potential foundational basis for transformations in the national educational system. Drawing upon an analysis of domestic researchers on the development of regional educational environment, comparison of conceptual documents in the field of assessing the quality of general education, the study formulates proposals to ensure comprehensive, systemically coherent, and synchronized implementation of regional education system development processes.

Keywords: educational environment, regional educational environment, principles of forming a holistic worldview, quality of education, education quality assessment, low learning results.

В современных условиях формирования в стране единого образовательного пространства в рамках суверенной системы образования⁸, предполагающего реализацию обучения по государственным стандартам, единым образовательным программам и учебникам, реализацию программы воспитания и календаря образовательных событий, единой модели профориентации и цифрового образовательного пространства, повышение качества общего образования по-прежнему рассматривается первостепенной целью субъектов федеральной системы образования. Актуально обеспечение доступности получения образования высокого качества вне влияния географических, этнокультурных, социально-экономических, социокультурных и иных факторов, что предполагает преобразование подходов к формированию образовательного, научно-

⁸ По материалам лекции министра просвещения Российской Федерации С. С. Кравцова «О развитии суверенной национальной системы образования» 25 декабря 2023 г. URL: <https://edu.gov.ru/press/6476/lekcija-ministra-prosvescheniya-rossiyskoy-federacii-sergeya-kravcova-o-razvitii-suverennoy-nacionalnoy-sistemy-obrazovaniya/> (дата обращения: 10.08.2025).

методического пространства, проектированию современных обучающих сред на основе принципов непрерывного, «бесшовного» обучения на протяжении всей жизни.

Гуманистической опорой трансформационных процессов современного общего образования в движении к суверенитету страны (технологическому, цифровому и пр.), основанных на преодолении влияния факторов снижения результатов обучения школьников, могут рассматриваться принципы формирования целостного мировоззрения, выделенные В. А. Балхановым: онтологический (учет ценностного контекста «в определении всякого понятийного аппарата»); гносеологический (дополнение гносеологической истины онтологической); диалектико-логический (преимущество «логики недвуальности», гармогенеза); методологический (принцип «органической системы, где части детерминированы целым») [1]. Полагаем, что ориентация на коэволюционную логику целостного мировоззрения, системный и синергетический подходы при формировании образовательного пространства способна обеспечить устойчивое развитие как системы образования, так и страны в целом.

Концепт «образовательное пространство» достаточно часто используется как современными учеными в области философии, педагогики, культурологии, социологии, так и педагогами, родителями, руководителями в сфере образования. Несмотря на распространенность термина, однозначность его понимания является несколько иллюзорной. Особую ценность исследование трактовки концепта «образовательное пространство», осознание его сложносочиненности приобретает при проектировании региональных программ повышения качества общего образования, разработке и реализации мер по снижению влияния факторов возникновения низких результатов обучения школьников.

Теоретическое осмысление понятия «образовательное пространство», подчеркивающего его интегративный характер, представлено в трудах многих отечественных авторов. Так, В. П. Борисенков, О. В. Гукаленко, А. Я. Данилюк, Г. Н. Филонов интерпретируют термин как «единство территориально-предметной и смыслопорождающей деятельности», созданное на основе «взаимодействия трёх элементов: горизонта районирования, мета-текста и места человека» [3; 9]. Многообразие спектра применения концепта, его компонентов отражено в работах Е. В. Головацкого, О. А. Леоновой, Д. А. Литошенко, Г. Н. Филонов, О. М. Шилова, Л. Л. Шпак и др.,

анализирующих понятие как метафору, интеграцию всех элементов системы образования, территориальную категорию во взаимосвязи с социальной практикой и масштабом явлений в образовании, а также как результат конструктивной деятельности [4; 5; 6; 11].

Весомый вклад в исследование многослойности, многомерности, многоаспектности понятия «образовательное пространство», специфики его формирования на региональном уровне внесли В. А. Балханов, И. А. Маланов. В призме философского, цивилизационного, феноменологического подходов ученые трактуют концепт как «форму существования социального опыта от поколения к поколению» на неинтенсифицированном, естественном уровне. Отмечается объективность и субъективность формирования представлений о содержании рассматриваемого концепта, правомерность рассмотрения понятия «с позиций различных масштабов», а также обусловленность реальными и потенциально возможными (виртуальными, мыслимыми) образовательными событиями. Авторы подчеркивают высокую степень абстрактности и эвристический потенциал термина, сравнивают его по уровню общности с рядом понятий (социальный институт образования, образовательный потенциал общества, образовательная среда, субъект образовательного процесса и др.), полагают, что термин «образовательное пространство» занимает доминирующую позицию. Образовательная инфраструктура общества определяется учеными как характеристика образовательного пространства, качественный и количественный состав элементов которой влияет на определение типологии образовательного пространства [8, с. 34–35].

Для сохранения региональной идентичности субъектов, учета регионально-национального контекста формирования целостного мировоззрения необходима интерпретация понятия «региональное образовательное пространство». С позиций цивилизационного подхода И. А. Маланов рассматривает данный концепт как «качественное своеобразие события субъектов социально-педагогической реальности, обусловленное их социальной активностью, детерминированной региональным образом жизни», социальную систему, сложно сконструированную, имеющую субъективный и объективный характер, обусловленный особенностями и традициями региона, его религиозной и национальной культурой, уровнем социально-экономического развития [7, с. 15].

В контексте педагогической регионалистики Ю. Е. Шабалин трактует концепт как «природно-социально-экономическую систему региона, взятую в ее отношении к образованию», «педагогические аспекты территориальной организации общества (его отношение к образованию)» [10]. Сопоставляя понятия «региональное образовательное пространство» и «региональная образовательная система», Г. С. Бережная определяет образовательную систему сложносоставным, нормативно закреплённым компонентом пространства, рефлексором специфики и взаимосвязей в образовании региона. Автор подчеркивает важность междисциплинарности, комплексности, интерпретации данных социально-экономической географии, региональной демографии, социальной философии и психологии при проведении исследований концепта [2, с. 22].

В настоящее время очевидна взаимосвязь вариативности условий субъектов РФ (природных, социальных, национальных, экономических, культурных и пр.) и своеобразия регионального образовательного пространства, его взаимообусловленность стратегическими задачами социально-экономического, социокультурного развития отдельного региона, федерального округа и страны в целом, особенно в условиях образовательного единства. Качество образования становится интегральным маркером благоприятности территориального, социального, экономического контекстов функционирования компонентов образовательного пространства региона, проявлением реализации принципа равного доступа к социокультурным, образовательным ресурсам, результативности мер по развитию и обеспечению преемственности подходов на каждом из уровней общего образования, показателем социального благополучия субъектов. Динамические изменения показателей качества образования призвана обеспечить оценка качества отечественного общего образования, которая предполагает ежегодное определение индекса качества общего образования — сложного показателя реализации образовательной деятельности, выражающегося в соответствии требованиям государства и потребностям граждан качества подготовки обучающихся и условия реализации образовательных программ⁹. Формирование индекса осуществляется в аспекте региона и

⁹Методология и показатели оценки качества общего образования в Российской Федерации (утв. Минпросвещения России, Рособназдором

страны по трем группам показателей (образовательные результаты, кадровый потенциал, образовательная среда), исследуемых на уровне каждой общеобразовательной организации. Об итогах оценки качества общего образования информируются представители органов исполнительной власти федерального, регионального, муниципального уровней; учреждения дополнительного профессионального образования; общеобразовательные организации; обучающиеся и их родители; экспертное сообщество и общественные организации; СМИ. Направления использования данных указанными группами определяются в соответствии со спецификой функционала в реализации управленческого цикла по повышению качества общего образования.

Сопоставление положений методологии, показателей оценки качества образования и методики идентификации общеобразовательных организаций, имеющих низкие результаты обучающихся¹⁰, свидетельствует о трансляции единства понимания ведущей роли школы в достижении высоких результатов, значимости системного подхода в анализе, интерпретации и принятии управленческих решений субъектами системы образования. «Образовательный потенциал субъекта РФ» в указанных документах фиксируется на основе данных оценочных процедур (ЕГЭ, ОГЭ, ВПР); инфраструктурной наполненности обучающей среды школы; обеспеченности кадрами; профессиональной компетентности педагогов и уровня их квалификации. На наш взгляд, указанный алгоритм не предполагает оценку специфики контекста функционирования общеобразовательных организаций и эффективности деятельности ее управленческой команды. При реализации единства подходов к оценке качества образования, на наш взгляд, не в полной мере учитываются своеобразие образовательного пространства регионов РФ, их неоднородность, географическая, социально-экономическая и социокультурная вариативность, уровень позитивного опыта.

22.12.2023). URL:<https://legalacts.ru/doc/metodologija-i-pokazateli-otsenki-kachestva-obshchego-obrazovaniya-v-rossiiskoi/> (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁰ Методика выявления общеобразовательных организаций, имеющих низкие образовательные результаты обучающихся, на основе комплексного анализа данных об образовательных организациях, в том числе данных о качестве образования. URL: https://fioco.ru/Media/Default/Documents/ШНОР/Методика%20выявления%20ШНОР_.pdf (дата обращения: 10.08.2025).

Полагаем, что при определении индекса качества общего образования важно учитывать подходы к развитию регионального образовательного пространства, принимать к сведению принципы формирования целостного мировоззрения, учитывать разнообразие образовательных организаций, реализующих программы общего образования (начальная школа-детский сад, основная, вечерняя (сменная), профессиональная) на территории субъекта РФ. Целесообразным считаем вовлечение субъектов региональной системы научно-методического сопровождения педагогов и руководителей (региональный методический актив, организации высшего и среднего профессионального образования, методические службы разных уровней и др.) в процесс интерпретации результатов оценки и проектирования мер снижения влияния факторов возникновения низких результатов обучения школьников. Комплексность и системность использования результатов оценки качества образования призвана обеспечить последовательность реализации проектов повышения качества образования на каждом из уровней образования, открытость и прозрачность перспектив их реализации на несколько лет вперед.

Успешность реализации предложенных позиций невозможна без «синхронизации» процессов развития сегментов системы образования и реализации программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации в единстве понимания значимости подходов к формированию целостного мировоззрения при развитии регионального образовательного пространства как ресурса повышения качества общего образования.

Литература

1. Балханов В. А. Встреча с прошлым и будущим (наука и фундаментализация образования в контексте целостного мировоззрения). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. 234 с.
2. Бережная Г. С. Региональное образовательное пространство и региональная система образования: соотношение понятий // Развитие образования. 2020. № 3(9). С. 21–24.
3. Борисенков В. П., Гукаленко О. В., Данилюк А. Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования / Российская акад. образования, Междунар. Славянская акад. образования им. Я. А. Коменского. Изд. 2-е. Москва: Педагогика, 2006. 458 с.

4. Головацкий Е. В., Шпак Л. Л. Социальные ресурсы в образовательном пространстве региона // Философия образования. 2009. № 4. С. 97–104.
5. Леонова О. А. Региональное образовательное пространство: принципы формирования и прогнозирования развития: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Волгоград, 2009. 43 с.
6. Литошенко Д. А. Региональное образовательное пространство: конструирование прагматической теории // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2014. № 3(30). С. 7–13.
7. Маланов И. А. Развитие регионального образовательного пространства в контексте цивилизационного подхода: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. Улан-Удэ, 2012. 47 с.
8. Маланов И. А., Балханов В. А. Особенности развития регионального образовательного пространства в современных социокультурных условиях // Вестник БГУ. 2012. № 1–2.
9. Филонов Г. Н. Теория поликультурного образовательного пространства // Педагогика. 2006. № 3. С. 102–105.
10. Шабалин Ю. Е. Образовательное пространство региона как фактор дифференциации образования. URL: <http://www.rcde.ru/method/995.html> (дата обращения: 10.08.2025).
11. Шилова О. М. Понятие и признаки регионального образовательного пространства // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика.

ДУХОВНОЕ ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

© *Кузьмина Анастасия Алексеевна*

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматривается трансформация современной образовательной парадигмы под влиянием социально-экономических и политических факторов. Анализируются ключевые тенденции, определяющие развитие системы образования: персонализация обучения, компетентный подход, гибкость и непрерывность образования, а также децентрализация традиционного образовательного процесса. Анализируется противоречие между традиционной школой, ориентированной на выполнение государственного заказа, и новыми образовательными практиками, акцентирующими развитие творческих способностей и практическое применение знаний. Изучена проблема духовно-нравственного воспитания в условиях новой образовательной реальности. Определяются методологические основы формирования ценностных ориентаций личности через диалог, рефлексию и эмпатию. Обосновывается необходимость интеграции традиционных культурных ценностей и общечеловеческих этических принципов в образовательный процесс. Особое внимание уделяется формированию духовного воспитания, которое базируется на четырех факторах, являющихся центральными в вопросах нравственности и способствующих выстраиванию индивидуальных образовательных траекторий в современной образовательной парадигме.

Ключевые слова: духовное воспитание, образовательная парадигма, нравственность, личность, персонализация обучения, система образования, культурные ценности.

SPIRITUAL EDUCATION OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF THE NEW EDUCATIONAL PARADIGM

Kuzmina Anastasia Alekseevna

Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the transformation of the modern educational paradigm under the influence of socio-economic and political factors. Key trends shaping the development of the education system are analyzed: personalization of learning, competence-based approach, flexibility and

continuity of education, as well as decentralization of the traditional educational process. The contradiction between traditional schools focused on fulfilling state requirements and new educational practices emphasizing the development of creative abilities and practical application of knowledge is explored. A separate section is devoted to the problem of spiritual and moral education in the context of the new educational reality. Methodological foundations for the formation of personal value orientations through dialogue, reflection, and empathy are defined. The necessity of integrating traditional cultural values and universal ethical principles into the educational process is substantiated. Special attention is paid to the formation of spiritual education, which is based on four factors central to issues of morality and contributing to the construction of individual educational trajectories within the modern educational paradigm.

Keywords: spiritual education, educational paradigm, morality, individual, personalized learning, education system, cultural values.

Современное образовательное пространство не стоит на месте, оно активно изменяется и совершенствуется под влиянием социально-экономических и политических факторов. В свою очередь, это позволяет говорить о создании новой образовательной парадигмы, которая основывается на нескольких показателях.

Во-первых, персонализация обучения. Данная педагогическая стратегия направлена на адаптацию содержания, методов, темпа и траектории обучения к индивидуальным особенностям обучающегося. В отличие от индивидуализации (учет особенностей группы) и дифференциации (разделение по уровням знаний и способностям) персонализация предполагает контроль самого учащегося над выбором своих целей и инструментов обучения, а также гибкость образовательной среды, которая позволяет использовать данные аналитики и диагностики для корректировки образовательного процесса. В данном случае необходимо учитывать как индивидуальные потребности участников образовательного процесса, так и темпы, и стиль обучения каждого отдельно взятого ученика.

Важно включить в персонализацию обучения использование адаптивных технологий для подбора образовательных траекторий [4, с. 117]. Данные цифровые системы используют искусственный интеллект и анализ больших данных для автоматизированного подбора и корректировки учебных маршрутов с учетом уровня знаний и навыков учащегося, когнитивных особенностей (темп усвоения, стиль обучения), эмоционального состояния и мотивации учащегося.

Данный показатель позволяет установить уровень учащегося по отдельно взятому предмету, так и в целом, установить уровень владения школьной программой. Выявить трудности до возникновения «хронического» отставания и выстроить ученический маршрут таким образом, чтобы устранить затруднения и отработать типовые задания без задержки на освоение новых тем на основе персонализации заданий по уровню подготовки обучающегося, что повышает эффективность обучения.

Во-вторых, компетентностный подход, ориентированный на формирование у обучающихся практико-ориентированных способностей и компетенций для решения реальных задач. В отличие от традиционного «знаниевого» подхода он акцентирует способность применять знания в изменяющихся бытовых условиях, интеграцию навыков, ценностей и опыта, а также результативность как критерий успешности обучения [2, с. 80].

Данный подход позволяет повысить практическую ценность образования и учитывать гибкость под изменяющиеся требования рынка труда. Необходимо учитывать, что имеется риск редукции фундаментальных знаний и сложность стандартизации оценки, что, в свою очередь, может привести к снижению учебной мотивации у обучающегося.

В-третьих, гибкость и непрерывность образования. Современное образовательное пространство сегодня все больше стремится создавать устойчивую взаимосвязь между содержанием, методами, организационными формами и темпами обучения, подстраиваясь и учитывая индивидуальные потребности обучающихся. Это, в свою очередь, является подтверждением гибкости современного образования.

Непрерывность образования — принцип, предполагающий постоянное обновление знаний и навыков на протяжении всей жизни, а также формирование преемственности между разными уровнями образования. В частности, можно говорить и об интеграции формального, неформального и информального обучения. Преимуществом такой системы образования будет являться повышение доступности образования для учащихся разных социальных групп, быстрая адаптация к регулярным изменениям рынка труда и учет индивидуальных особенностей обучающегося. Важно учитывать, что при этом может наблюдаться цифровое неравенство, проблемы

оценки качества и необходимость самоорганизации обучающегося [1, с. 47].

В-четвертых, децентрализация образования, которая наблюдается уже сегодня. С одной стороны, мы рассматриваем распространение альтернативных форм обучения, таких как хоумскулинг и анскулинг.

Хоумскулинг — форма получения образования вне образовательных учреждений, при которой родители или приглашенные преподаватели организуют учебный процесс, а ученик осваивает программу самостоятельно или с тьютором. Анскулинг, в свою очередь, — схожая форма, при которой изначально отсутствует заранее заданная учебная программа, а также расписание, оценки и деление на предметы, и процесс обучения строится на интересах ребенка через естественную жизнедеятельность.

Основными преимуществами выбора данных форм домашнего образования будут являться развитие критического мышления и самостоятельности у ребенка, отсутствие школьного стресса (депрессий, буллинга и др.) и гибкость для детей с «особенностями», например, нейроотличиями (СДВГ, аутизм) [5, с. 69]. Однако есть и ряд негативных последствий, с которыми можно столкнуться при использовании данной формы образования: родительское выгорание (нужна постоянная вовлеченность родителя в образовательный процесс), проблемы с легализацией знаний (в данном случае мы говорим об обязательной аттестации ОГЭ и ЕГЭ) и наличие социальных стереотипов, например, «без школы он ничего не добьется», а также общественное мнение, что домашнее образование не может являться полноценным образованием.

С другой стороны, школы стремятся выступать сегодня как центры коллективного творчества, а не трансляции знаний, что приводит к неоднозначным оценкам со стороны общества и самой системы образования. Современная школа стремится создать благоприятные условия для развития творчества, применения знаний в повседневной жизни, но при этом вынуждена соответствовать федеральным стандартам и государственному заказу, направленному на успешную сдачу итоговой аттестации, что, в свою очередь, противоречит друг другу. Современный ученик воспринимает чаще всего школу как принуждение к получению знаний, которые непонятно, где и когда пригодятся, и не видит ни творчества, ни дружеского взаимодействия с участниками образовательного процесса, при

этом перейти на домашнее образование является невозможным в связи с отсутствием самоорганизации, дисциплины и самоконтроля.

Отдельное место в новой образовательной парадигме занимает духовно-нравственное воспитание личности. Современное образование стремится сделать акцент на ценностях и точных действиях, учитывая индивидуальные духовные запросы конкретного индивида за счет гуманистической педагогики, используя основные методы, такие как диалог, рефлексия, эмпатия [3, с. 37].

Прививание духовно-нравственных ценностей возможно только при взаимодействии всех участников образовательного процесса, использующих общее направление. Во-первых, опора на традиционные ценности присуща русской культуре, как и общечеловеческие (добро, честность, справедливость, уважение и т.п.). Во-вторых, связь с реальными жизненными ситуациями, представляющими не только решение кейс-заданий, но и разбор конкретных ситуаций.

В-третьих, развитие осознанности через самоанализ. В данном случае мы говорим об умении анализировать собственные действия и поступки, выстраивая причинно-следственные связи, необходимые для понимания основы поступка (причины), действия (поступок) и результата (последствия поступка).

В-четвертых, обсуждение «вечных вопросов» без готовых ответов. Данное действие позволяет, с одной стороны, заниматься поиском новой информации и ее анализом. С другой стороны, стремится производить поиск ответов на «вечные» вопросы, предельно разграничивая нравственные аспекты.

Формирование духовно-нравственной личности в новой парадигме современного образования базируется на четырех положениях, указанных нами ранее, которые лежат в основе зарождения нравственности в человеке, и возможности ее дальнейшего развития посредством взаимодействия участников образовательного процесса и влияния государственной политики на социальные институты. Таким образом, мы можем говорить о том, что новая образовательная парадигма влияет на развитие и становление личности, все больше уделяя внимание духовно-нравственным аспектам.

Литература

1. Абрамов С. И. Духовно-нравственное воспитание в контексте цифровизации образования // Педагогика. 2023. № 4. С. 45–52.

2. Белова Е. А. Компетентностный подход и духовное развитие личности // Образовательная политика. 2022. № 3. С. 78–85.
3. Григорьев Д. В. Школа как центр духовно-нравственного развития: опыт регионов РФ // Народное образование. 2022. № 5. С. 34–41.
4. Корчагин А. В. Персонализация обучения как условие духовного самоопределения // Вопросы психологии. 2023. № 1. С. 112–120.
5. Лаврентьева И. Ю. Диалоговые технологии в духовном воспитании // Современная дидактика. 2023. № 2. С. 67–75.

РЕЛИГИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ: ЭВОЛЮЦИЯ АСПЕКТОВ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© *Алексеева Мария Сергеевна*

г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. В статье рассматривается эволюция отношений, аспектов взаимного влияния религии и образования, в рамках которой выделены периоды как союзничества, так и охлаждения, и конфронтации. Религия на протяжении столетий была фактором, формирующим образовательные стратегии. Пиковых значений роль религии в формировании мировоззрения и образовании достигают в средневековый период, как в системе европейской схоластики, так и в рамках арабской средневековой традиции калама. Изменение целей, содержания, методов и средств образования в контексте уменьшения религиозной доминанты мировоззрения, начинающегося с Нового времени, происходило не последовательно, периодически актуализируя религиозное влияние. Современная мировоззренческая повестка актуализирует религиозные институты как инструменты воспроизводства традиционных отношений полов, традиционной семьи, традиций многодетности, обычаев, патриотизма.

Ключевые слова: религия, образование, пайдеия, социальные поля, агенты влияния, символический капитал, кодифицированные нормы, статус механизма легитимации универсума повседневности.

RELIGION AND EDUCATION: FROM ALLIANCE TO CONFRONTATION

Alexeeva Maria Sergeevna

Ulan-Ude, Russia

Abstract. The article examines the evolution of relations, aspects of mutual influence of religion and education, within which periods are allocated, both alliances and cooling and confrontation. Religion for centuries has been a factor that shapes educational strategies. The religious and philosophical systems of classical civilizations, such as India, Egypt, Mesopotamia, and China, were closely intertwined with the practices of upbringing and education. The role of religion in shaping worldviews and education reached its peak during the Middle Ages, both in the European scholastic system and within the Arab

medieval tradition of kalam. The changing goals, content, methods, and means of education in the context of the decreasing religious dominance of worldviews, which began in the modern era, was not consistent, with religious influence periodically resurfacing.

The modern worldview agenda actualizes religious institutions as tools for reproducing traditional gender relations, traditional families, traditions of large families, customs, and patriotism

Keywords: religion, education, paideia, social fields, agents of influence, symbolic capital, codified norms, and the status of a mechanism for legitimizing the universe of everyday life.

Вплоть до эпохи Нового времени именно в религиозном поле конструировался смысловой универсум повседневности, используя различные механизмы и практики, в том числе и в первую очередь образовательные. В своём содержании и направленности, организации и методах первые учебные заведения были сопряжены с религиозными установками, задачами освоения религиозными ритуалами, подготовки к загробной жизни, а сами они функционировали при храмах. Воспитательно-образовательные идеи обосновывались религиозными предписаниями, а программа обучения состояла прежде всего в пересказах и комментировании священных писаний. В целом восточные образовательные практики были теснейшим образом связаны с религиозно-философскими системами и до сих пор остаются в значительной степени синкретичными.

Пророческие религии, зороастризм и иудаизм явили собой новый образовательный институт — институт пророчества, который стал фундаментом развития христианства и ислама. Теоретическая традиция учения, предлагаемого пророками, определяет Бога как учителя своего народа, который даёт наставления через своих посланников. Бог стремится не просто дать указания, но сообщить смысл предстоящих событий, объяснить их причины, объяснить через своих пророков-посланников, выполнявших функции учителей народа.

Человек, будучи создан по образу и подобию божьему свободным, должен прийти к Нему не только сердцем, но и «всем разумением». Уже в самой первой книге Бытия грехопадение связывается с плодом познания: дерево было вождено не только потому, что было пригодно для пищи и приятно для глаз, но «потому что даёт знание», знание добра и зла (Бытие, 3:5–6) [3].

Бог выступает как учитель во всех, в том числе самых обыденных, делах. Мудрость, достигаемая через обращение к Богу как источника знания, — главная ценность, о чем свидетельствует значительная часть Книги притч Соломона, ставшего нарицательным в этом аспекте. Невежество же рассматривается как корень зла: «...доколе, невежды, будете любить невежество? [3]. Собственно, в Период царства сложился ряд поучительных произведений в форме притч, основного инструмента воспитания.

В книгах Нового Завета, прежде всего в Евангелиях, можно увидеть немало примеров обращения к Иисусу как к учителю, в том числе с исконным еврейским звучанием этого слова (Ин. 1:38) [3]. Господь и сам называет себя учителем, давая пример служения ближним (Ин. 13: 13–14) [3]. Также можно вспомнить знаменитые слова евангелиста Матфея (Мф. 23, 8–10) [3]. При этом Иисус не раз противопоставлял свое учение учениям книжников и фарисеев, гордящихся своей учёностью и одновременно удивлявшихся Его знанию писаний.

Концепт Бога как Педагога, воспитывающего своих чад, в полной мере раскрыл в своих работах Климент Александрийский (Тит Флавий Климент, ок. 150 — ок. 215 гг.). Этот христианский богослов, апологет, проповедник и философ, пишет, что сам Бог даровал философию эллинам как инструмент богопознания. В главе 5 «Педагога» Климента раскрывается объект воспитательного воздействия — дети. «Дети» — отнюдь не обозначение возраста, а состояние ума и души, которое требует определённого воздействия. Климент пишет: «Дети — это мы». Через детский возраст обозначена, с одной стороны, простота души и непосредственность, чистота помыслов («Если не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное»), а с другой — детское несовершенство ума и необходимость постигать мудрость. Климент называет в качестве главной силы истинного и здравого учения образцы и примеры (это события, которыми «говорит» Бог).

Притчи как жанр поучительной словесности, несущий значительный педагогический посыл, как уже было отмечено, распространяется в период царств. В Новозаветной истории притчи также занимают важное место: Господь Иисус Христос поучал притчами (Мф. 13: 3) и разъяснял этот метод (Мф. 13: 13). Наряду с аллегориями притч, которые необходимо разъяснять, используются и приё-

мы прямых наставлений, пример которых — Нагорная проповедь [3].

Как греческая пайдейя представляла собой корпус греческой литературы, так христианская пайдейя основывается на текстах Библии. Прежде всего Евангелиях, в которых дан для воспитания образец Христа, явившего своим служением подлинную любовь. Ветхозаветные тексты также должны были, по мнению раннехристианских мыслителей, стать подлинным педагогическим инструментом. Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийский, стремился использовать псалмы как наиболее подходящие для этих целей.

Содержание процессов воспитания и образования в Средние века было преимущественно религиозным; разработка проблем воспитания и образования находилась в ведении мыслителей-богословов. Философско-педагогическая мысль европейского средневековья главную цель образования видела в спасении души, а носителями христианской педагогики были в первую очередь служители церкви.

В произведениях Августина формируются первые присущие средневековой системе образования принципы: разум человека должен способствовать познанию Божественной истины; так как в различных науках отражена истина о природе, чтобы постичь истину, нужно постигать науки. К изучению наук ведёт двоякий путь — авторитет и разум. По отношению ко времени первенствует авторитет, а по отношению к существу дела — разум [2, с. 129].

Воспитательные эффекты христианства пережили тысячелетия, оставаясь не просто убедительными для современного мира, но и камнем преткновения в осуществлении реформ, связанных с решением медицинских, демографических, этико-экологических проблем (абортов, добрачных сексуальных отношений, политической активности, эвтаназии и т.д.).

Проповеднической религией является и ислам. Аль-Газали много пишет о ценности полезного знания, характеризуя обучение ему как обязанность каждого мусульманина [1, с. 45–46]. Продолжая авраамоистические традиции, ислам рассматривает знание как божественный атрибут [1, с. 153]. Обладание знанием есть уникальное человеческое свойство, данное человеку самим Аллахом [9, 55:3–4]. Человек является человеком только потому, что он облагорожен знанием. Знание — одно из наследий человека, того, что составляет его след и его бессмертие [1, с. 79].

Так же, как и в Библии, в роли первых и важнейших учителей в Коране и в текстах, дающих его философское осмысление, выступают пророки и учёные, воспринявшие их наставления. На сложном пути овладения знанием требуется опыт распознавания истинного знания, чтобы отличить от вредного знания, на таком пути, как и в пустыне, нужны проводники, в процессе обучения их функции выполняют учителя, ближайшие наследники пророков [2, с. 43]. Роль примеров в процессах обучения и воспитания первостепенна [9, 21:7]. Еще одна параллель с библейскими текстами в педагогическом содержании текстов Корана – опора на притчи [9, 29: 43].

Членами организации «Братья чистоты»¹¹ конечной целью образования было названо искоренение пороков и совершенствование нравственности ради пребывания в вечном пристанище [5, с. 147]. В структуре наук ими были выделены как высшие науки богословские. Они бывают четырех видов: 1) наука познания творца; 2) наука о духовных началах; 3) наука о душевных началах; 4) наука об управлении.

Религиозные институты традиционных обществ играли роль хранителей и распространителей образованности, но с наступлением Нового времени сложнодифференцированными становились сами общества, в которых утверждались относительно автономные «миры». Взаимосвязь дифференциации общества и усложнения его практик отмечал еще Г. Спенсер. Усложнение способов и форм организации проявилось и в области образования.

Начинается период борьбы за монополию легитимной номинации, в которой агенты и институты вовлекают символический капитал, полученный ими в ходе предшествующего периода. Однако этот капитал церкви постепенно утрачивался по мере включения в конфликты, интриги, уменьшаясь в силу косности под религиозными стягами. Не только падение социального авторитета, но и изменение самого мировосприятия стало фактором снижения уровня легитимации действительности религиозными институтами. Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов, через кодифицированные правила, а они имеют в своей первооснове

¹¹Наиболее значимыми представителями были Абу Сулейман Мухаммад ибн Мушир аль-Бусти, Абу-ль-Хасан Али ибн Харун аз-Занджани, Мухаммад ибн Ахмад ан-Нахраджури, Абу-ль-Хасан аль-Ауфи и Зайд ибн Рифа'а.

практические схемы и практики. И потому как только транслируемые агентами и институциями в поле религии правила начали расходиться с реальными практиками, они начали утрачивать свою власть, «статус механизма легитимации универсума повседневности» (П. Бергер).

Постепенно города избавлялись от опеки церковников, отвоевывали себе право определять программу обучения, его содержание, самостоятельно назначать преподавателей. Программа городских школ по сравнению с программой церковных имела более светский, прикладной характер. Однако этот процесс встречал сопротивление, не был простым и быстрым. Даже Дж. Локк, разработавший систему воспитания джентльмена, построенную на прагматизме и рационализме, в его структуру, наряду с физическим, умственным, нравственным, трудовым, включил религиозное воспитание [10].

В России секуляризация образования началась с реформ Петра I, нацеленных на создание системы профессионального образования, подобной западноевропейской. Она наиболее последовательно реализовывалась при Екатерине II и Александре I. Однако уже к концу царствования Александра I усилились консервативные позиции, достигнув своих пиковых значений в рамках реформы образования К. П. Победоносцева.

Одним из первых мыслителей, заметивших логику интеллектуального развития человечества, был Г. В. Ф. Гегель, отмечавший, что образование человека требует повторения им в сжатой форме всего пути развития человеческой культуры [4]. Познавательная деятельность Творца, судя по истории его Творения (действительность есть ипостась Бога), принимает следующие формы: 1) интуиции, чувственного познания, сенсорной перцепции; 2) воображения, схематического схватывания в целом; 3) мышления. Эти три формы диалектически переходят друг в друга по спирали. Эта мысль в дальнейшем нашла свое развитие в теориях социальной динамики Сен-Симона и законе трёх стадий О. Конта, а также нашла отражение в определенных аспектах в концепции социальной динамики П. Сорокина [11, с. 425–505].

История взаимоотношений образования и религии показывает значительную их обусловленность социально-экономическим и политико-правовым контекстом исторических периодов, при этом религия есть фактор влияния и одновременно объект влияния. Если К. Маркс видел в религии часть надстройки, вторичное, то М. Вебер

видит в религиозном этосе главный фактор становления капитализма, соответствующих ему политико-экономических трансформаций.

Большевистский захват власти и смена строя в начале XX в. была сопряжена с отрицанием большинства норм «старого мира», включая борьбу с «религиозными пережитками», прежде всего в сфере образования. С 1940-х гг. в контексте патриотического вклада религиозных институтов в борьбу с фашизмом отношение изменилось, но очень выборочно. По-настоящему маятник в сторону религии и ее присутствия в системе образования качнулся вместе с разрушением СССР и формированием постсоветской России. Одним из знамён трансформации российского общества в этот период как раз было знамя торжества свободы вероисповедания, возрождения духовно-нравственных ценностей с опорой на вековые традиции народов России. Спрос на ранее запрещаемые, гонимые, но не забытые духовные практики возник в новом образовательном контексте рубежа XX и XXI вв.

Несмотря на оппозицию, которую представляет научная общественность по отношению к проникновению религиозного содержания в общее образование, сегодня признается, что качественное просвещение в этой сфере способно поставить заслон всевозможным торговцам «просветлением».

Государство, поддерживая и религию как хранительницу высших духовных идеалов, фактор национальной самобытности и образование как одну из составляющих инновационного развития современных обществ, включая эти институции в поле своих интересов и управленческих стратегий, определяет выгодный для себя баланс их символического влияния. Важнейшие качества и одновременно факторы воспроизводства символической власти религии — это сохранение этнонациональной самобытности, сохранение традиционной семьи, воспроизводство расширенной семьи, моральная регуляция поведения, духовное обоснование воинской славы и национальной безопасности. Все религиозные конфессии современной России успешны в той мере, в какой данные ценности поддерживают и распространяют.

Литература

1. Аль-Газали, Абу Хамид Муххамад. Адабы / перевод А. Антоновой, редактор Э. Юсубова. Стамбул, 2013. 88 с. URL: www.islamicpublishing.net

2. Антология педагогической мысли христианского средневековья: пособие для учащихся педагогических колледжей и студентов вузов: в 2 томах / составитель, вступительная статья и под общей редакцией В. Г. Безрогова, О. И. Варьяш. Москва: Аспект Пресс, 1994. Т. 1. 400 с.
3. Библия. Тексты Священного Писания // Православный портал «Азбука.ру». <https://azbyka.ru/biblia/>
4. Бим-Бад Б. М. Гегель как теоретик и практик образования // [bim-bad.ru>docs/hegel_vvedenie/hegel_vvedenie.pdf](http://bim-bad.ru/docs/hegel_vvedenie/hegel_vvedenie.pdf)
5. «Братья чистоты». Фрагменты из «Посланий // Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. / составители С. Н. Григорян, А. В. Сагадеев. Москва: Изд-во соц.-экон. литературы, 1961. С. 137–161.
6. Венигер Й. Раннее христианство и греческая пайдейя / перевод с нем. А. И. Любжина. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2014. Т. 3. 220 с.
7. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики: учебное пособие для вузов. Москва: ИНФРА-М, 1998. 272 с.
8. Климент Александрийский. Педагог / перевод с древнегреч., вступительная статья и комментарии А. Ю. Братухина. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2018. 344 с. https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Aleksandrijskij/pedagog/#source
9. Коран / Э. Р. Кулиев. Москва: УММА, 2007. 688 с.
10. Локк Дж. Мысли о воспитании // Локк Дж. Сочинения: в 3 томах / составитель, авт. примеч. А. Л. Субботин. Москва: Мысль, 1988. С. 408–610.
11. Сорокин П. А. Социокультурная динамика // Человек. Общество. Культура. Москва: Политиздат, 1992. С. 425–505.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ВИРТУАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ СЦЕНАРИЕВ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗОВАНИИ

© *Лян Чуньюй*

г. Шэньян, Китай

Аннотация. В условиях глобализации межкультурное языковое образование срочно нуждается в преодолении ограничений традиционного обучения, таких как отсутствие культурного контекста и недостаток практики. В данной работе рассматриваются виртуальные культурные сценарии как объект исследования. Результаты показывают, что благодаря иммерсивности и интерактивности виртуальные культурные сценарии способны повышать языковые коммуникативные компетенции обучающихся и их межкультурную эмпатию, однако есть и проблемы. В работе предлагается трёхмерная стратегия решения этих проблем, которая служит ориентиром для высококачественного применения виртуальных культурных сценариев.

Ключевые слова: виртуальные культурные сценарии, межкультурное языковое образование, иммерсивность и интерактивность.

RESEARCH ON THE APPLICATION OF VIRTUAL CULTURAL SCENARIOS IN INTERCULTURAL LANGUAGE EDUCATION

Liu Chunyu

Shenyang, China

Abstract. Against the backdrop of globalization, intercultural language education is in urgent need of overcoming the limitations of traditional teaching, such as the lack of cultural context and insufficient practice. This study takes virtual cultural scenarios as its research object. The results show that, due to their immersion and interactivity, virtual cultural scenarios can enhance learners' language communicative competence and intercultural empathy; however, they also face certain challenges. This study proposes a three-dimensional strategy to address these problems, which serves as a guide for the high-quality application of virtual cultural scenarios.

Keywords: virtual cultural scenarios, intercultural language education, immersion and interactivity

При нынешнем ускорении глобализации взаимодействие между странами мира в экономических, политических, культурных и других сферах становится все более тесным, а межкультурная коммуникация превратилась в обыденность. Язык как важный носитель культуры и инструмент коммуникации, его образование играет решающую роль в межкультурном взаимодействии. Межкультурное языковое образование направлено на то, чтобы обучающиеся не только освоили языкознательные знания и навыки на высоком уровне, но и приобрели способность понимать и уважать ценностные ориентиры, образы мышления и привычки коммуникации в различных культурных контекстах, тем самым обеспечивая эффективную межкультурную коммуникацию.

Содержание и характеристики виртуальных культурных сценариев

Виртуальные культурные сценарии представляют собой цифровые пространства, созданные с использованием передовых технологий, таких как виртуальная реальность (VR), дополненная реальность (AR), смешанная реальность (MR) и искусственный интеллект (ИИ). В этих пространствах с высокой степенью подобия воспроизводятся жизненные сценарии, исторические памятники, социальные окружения и другие элементы в различных культурных контекстах, предоставляя пользователям иммерсивный культурный опыт.

Цели и значение межкультурного языкового образования

Цели межкультурного языкового образования имеют двойственную природу: с одной стороны, это развитие языковых компетенций обучающихся, включая такие базовые навыки, как аудирование, говорение, чтение, письмо и перевод, чтобы обучающиеся могли свободно использовать целевой язык для коммуникации и выражения своих мыслей; с другой стороны, и это более важный аспект, — развитие межкультурной коммуникативной компетенции. Это требует от обучающихся понимания ценностных ориентиров, верований, обычаев и образов мышления различных культур, способности понимать и уважать культурные различия в межкультурном взаимодействии, избегать культурных конфликтов и обеспечить эффективную коммуникацию [1, с. 118].

Связь между виртуальными культурными сценариями и межкультурным языковым образованием

Виртуальные культурные сценарии обеспечивают межкультурному языковому образованию богатые и реалистичные контек-

сты. Традиционное языковое обучение часто ограничивается учебниками и аудиторией, поэтому трудно создать реальную языковую среду. В то время как виртуальные культурные сценарии могут воспроизводить повседневную жизнь, рабочие процессы, социальные взаимодействия и другие ситуации в различных культурных контекстах, позволяя обучающимся применять язык для коммуникации в практических ситуациях. Например, при изучении деловой культуры англоязычных стран обучающиеся могут попасть в виртуальный деловой конференц-зал, участвовать в деловых переговорах, изучать деловой этикет и применение профессиональной терминологии — такое обучение в реальных условиях значительно повышает способность обучающихся применять язык на практике.

Преимущества применения виртуальных культурных сценариев в межкультурном языковом образовании

Обеспечение иммерсивной среды для языкового обучения

С помощью передовых технологий виртуальной реальности виртуальные культурные сценарии способны создавать высококачественную реалистичную среду для языкового обучения, благодаря которой обучающиеся как бы оказываются в реальных жизненных ситуациях страны целевого языка, это обеспечивает иммерсивный опыт языкового обучения.

Стимулирование индивидуализированного обучения и адаптивного преподавания

Виртуальные культурные сценарии могут учитывать индивидуальные особенности обучающихся, такие как темп обучения, уровень знаний, интересы, стиль обучения и другие, и предоставлять им индивидуализированное содержание обучения и путь освоения материала, реализуя адаптивное преподавание [2, с. 74].

Усиление возможностей для практики межкультурной коммуникации

В традиционном межкультурном языковом образовании обучающимся часто не хватает возможностей для реального взаимодействия с людьми из других культурных окружений, что ограничивает развитие их межкультурной коммуникативной компетенции. Виртуальные культурные сценарии преодолевают ограничения времени и пространства, предоставляя обучающимся богатые возможности для практики межкультурной коммуникации.

Обогащение образовательных ресурсов и методов преподавания

Виртуальные культурные сценарии интегрируют разнообразные образовательные ресурсы, включая текст, изображения, аудио, видео, анимацию и другие форматы, что обеспечивает более всеобъемлющие и живые учебные материалы для межкультурного языкового образования.

Проблемы и стратегии применения виртуальных культурных сценариев в межкультурном языковом образовании

Технические проблемы и методы их решения

Виртуальные культурные сценарии зависят от передового технического оборудования, таких как VR-гарнитуры, высокопроизводительные компьютеры и другие устройства. Часто это оборудование имеет высокую стоимость — для некоторых образовательных учреждений, особенно для школ в экономически развитых регионах и небольших образовательных центров, затраты на приобретение и обслуживание слишком велики, в результате чего ограничивается массовое применение виртуальных культурных сценариев [3, с. 110].

Педагогические проблемы и меры их решения

Разработка педагогических проектов для виртуальных культурных сценариев требует тщательного учёта их особенностей и преимуществ, а также органического сочетания технологий с педагогическими целями и содержанием обучения. В настоящее время некоторые преподаватели при разработке педагогических проектов чрезмерно полагаются на технологии, игнорируя сущность педагогического процесса, это приводит к отрыву содержания обучения от виртуальных сценариев и не позволяет достичь ожидаемого педагогического эффекта.

Культурные проблемы и стратегии их решения

Из-за значительных различий между разными культурами обучающиеся могут допускать ошибки понимания некоторых культурных элементов в виртуальных культурных сценариях.

Перспективы будущих исследований

В области технологических инноваций должны быть усилены меры по дальнейшему углублению интеграции и инновационному развитию технологий, таких как виртуальная реальность, дополненная реальность и искусственный интеллект.

В сфере исследования педагогических моделей необходимо углубить изучение вопросов органического сочетания виртуальных культурных сценариев с различными педагогическими методами и

теориями, а также инновации в педагогических моделях. Необходимо организовывать педагогические мероприятия на основе проектного обучения, исследовательского обучения и кооперативного обучения: благодаря решению практических задач, самостоятельному исследованию и командной работе в виртуальных культурных сценариях обучающиеся смогут повысить свои языковые компетенции и межкультурную коммуникативную компетенцию. Кроме того, должна быть усилена интеграция виртуальных культурных сценариев со смешанным обучением (онлайн- и офлайн-формы), что позволит максимально использовать преимущества обогащённых онлайн-ресурсов и непосредственного взаимодействия в офлайн-формате, а также предоставить обучающимся более гибкий и разнообразный образовательный опыт [2, с. 75].

В области культурной интеграции следует уделять больше внимания выявлению и интеграции глобальных многокультурных ресурсов для обогащения содержания виртуальных культурных сценариев.

Благодаря постоянному исследованию и практике в рамках вышеупомянутых направлений в будущем можно ожидать дальнейшего повышения уровня применения виртуальных культурных сценариев в межкультурном языковом образовании, а также большего вклада в формирование высококвалифицированных специалистов с глобальным мировоззрением и развитой межкультурной коммуникативной компетенцией.

Литература

1. 陈波, 彭心睿. 虚拟文化空间场景维度及评价研究 [J]. 上海师范大学学报 (哲学社会科学版), 2022, 51 (02): 117–127.
2. 周玲, 潘柔, 黄静仪. 南华寺虚拟古建筑景观场景的设计与实现 [J]. 信息与电脑 (理论版), 2019 (24): 73–75.
3. 戴代新, 戴开宇. 历史文化景观再现中的虚拟现实技术运用研究 [J]. 湖南科技大学学报 (社会科学版), 2009, 12 (03): 107–112.
4. 迟若冰. 国内英语专业跨文化交际教材参考文献的内容分析 [J]. 中国外语教育, 2010, 3 (02): 70–74+81.

**ФЕНОМЕН МНОГОДЕТНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ И РАЗВИТИИ
ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ**

© Леденцов Дмитрий Сергеевич

г. Иркутск, Россия

Аннотация. В эпоху смены мировоззренческих парадигм особое значение приобретают проблемы семьи и семейных отношений, репродуктивных установок современного человека, что важно для стабильного развития общества. Процессы самовоспроизводства населения напрямую влияют на экономическое положение общества, его благосостояние и безопасность. В статье поднимается вопрос об отношении современного общества к феномену многодетности, рассмотрены установки студенчества к данному вопросу и обращается внимание на необходимость формирования положительного образа многодетной семьи при развитии целостного мировоззрения современных людей. Высказывается мысль о необходимости внедрения в самосознание человека понимания того обстоятельства, что семья и многодетность не только обеспечивают потребности самого человека, но и являются признаками его успешности, а также фактором благополучного развития всего общества.

Ключевые слова: мировоззрение, семья, репродуктивные установки, демография, благосостояние, престиж, статус.

THE PHENOMENON OF MULTIPLE CHILDHOOD
IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A HOLISTIC
WORLDVIEW OF THE NEW GENERATION

Ledenzov Dmitry Sergeevich

Irkutsk, Russia

Abstract. In the period of changing worldview paradigms the problems of the family and family relations as well as the reproductive attitudes of modern people have a particular importance for the stable development of society. The processes of population self-reproduction directly affect the economic situation of society, its welfare and its security. The article raises the issue of modern society's attitude towards the phenomenon of large families. It examines the attitudes of students towards this issue and highlights the need to create a positive large families image in order to form and develop a holistic worldview. The idea expresses that it is necessary to introduce into a person's self-

awareness the understanding that a family and large family size not only meet the needs of the individual but also is a factor in the successful development of society as a whole.

Keywords: worldview, family, reproductive attitudes, demographics, welfare, prestige, status.

Одной из наиболее острых проблем, стоящих перед любым обществом в процессе его исторического развития, является самовоспроизводство, воспроизводство его членов как носителей уникального целостного мировоззрения цивилизации. История не знает заповедников для культур и обществ. Общество, не способное к самовоспроизводству себя и своей ценностно-культурной системы, обречено на поражение в культурно-историческом соревновании цивилизаций, такое общество вынуждено ассимилироваться, раствориться в другом обществе, потеряв свою индивидуальность или погибнуть, что равнозначно растворению. Одним из ключевых факторов сохранения целостных общественных цивилизационных систем, к которым, несомненно, относится наше общество — русская цивилизация, является демография. В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию от 15.01.2020 г. отмечено, что «судьба России, её историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет, зависит от того, сколько детей родится в российских семьях через год, через пять, десять лет...» [4].

Одной из проблем демографического развития России сегодня является низкая рождаемость, уровень которой становится одной из причин депопуляции. По данным Росстата, среднее количество детей на одну женщину в России в 2022 г. составило примерно 1,42, а в 2025 г. этот показатель упал до 1,376, тогда как для простого воспроизводства населения, без прироста численности, необходим суммарный коэффициент рождаемости 2,11–2,15 [1; 3; 5]. Для обеспечения устойчивого прироста населения количество детей, рожденных одной женщиной, должно составлять не менее трех.

Тесную взаимосвязь между демографическими и экономическими показателями развития страны невозможно отрицать. В РФ наблюдается регрессивный тип возрастной структуры населения, проявляющийся в суженном типе воспроизводства, т.е. живущее население не воспроизводит себе замену и может повлечь за собой дефицит рабочей силы и увеличение бремени на пенсионную си-

стему, оказывая существенное влияние на экономический рост страны. В краткосрочной и среднесрочной перспективе рост численности населения, будь то превышение рождаемости над смертностью или миграция, способен оказывать сильное воздействие на экономическое развитие государства. Рост рождаемости, а в конечном итоге рост числа конечных потребителей приводит к экономическому подъему, а высокая смертность — к снижению. Высокие темпы естественного прироста населения стимулируют рост макроэкономических показателей развития государства, соответственно, его уменьшение негативно сказывается на экономике страны, поскольку приводит к сокращению трудоспособного населения, что оказывает негативное воздействие на развитие производства и инноваций. Кроме того, старение населения приводит к увеличению расходов на пенсионное обеспечение и здравоохранение [2, с. 197]. От количества населения напрямую зависит защита общества и оборона государства от внешних угроз (т.е. мобилизационного потенциала и количества индивидов, составляющих популяцию), поскольку демография в XXI в. — это наиболее мощное, хотя и не столь быстрое оружие, уничтожающее врага. Именно демографически одни страны к концу века победят, а другие потерпят сокрушительное поражение. Причем для этого пушкам стрелять будет не нужно, достаточно сделать так, чтобы у тебя рождалось много детей, а у твоих врагов нет, и этого в долгосрочной перспективе будет достаточно, чтобы победить. С этой точки зрения демография является вопросом национальной безопасности.

На протяжении длительного времени Россия сталкивается с демографической проблемой, связанной с низким уровнем рождаемости и высокой смертностью. Одним из аспектов и одновременно способом борьбы с депопуляцией является вопрос многодетности российских семей, а именно популяризация многодетности, анализ и пути решения проблем многодетных семей как способ такой популяризации.

Многодетные семьи представляют собой важный социальный институт, который в значительной степени влияет на демографическую ситуацию и социальное развитие общества. Статус многодетной семьи закреплён на федеральном уровне указом Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», где сказано, что многодетной семьей в Российской Федерации является семья, имеющая трех и более детей, статус которой

устанавливается бессрочно [7]. Как было сказано ранее, для обеспечения устойчивого прироста населения, а значит, и для обеспечения безопасности государства, увеличения экономики, роста благосостояния граждан количество детей, рожденных одной женщиной, должно составлять не менее трех. Таким образом, для решения этих задач, гарантирования выживания нашей цивилизации подавляющее число российских семей должно стать многодетным.

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению числа многодетных семей. Согласно данным реестра многодетных семей, сегодня в реестре 2,646 млн многодетных семей. На 1 января 2024 г. таких семей было 2,4 млн [1]. Наблюдается прирост числа многодетных семей, что, несомненно, является очень позитивной динамикой.

Однако увеличение числа многодетных семей ставит перед обществом и государством новые вызовы и задачи. В условиях современных экономических и социальных реалий многодетные семьи сталкиваются с множеством проблем, требующих комплексного анализа и поиска эффективных решений.

Очевидным является то обстоятельство, что для обеспечения жизни многодетной семьи требуется привлечение дополнительных ресурсов в объеме, прямо пропорциональном количеству рожденных в семье детей. И это не только и не столько чисто экономические материальные ресурсы, это эмоциональные и психологические нагрузки, это время и силы, которые родители вынуждены расходовать на воспитание и обеспечение своих детей всем необходимым, жертвуя при этом своим личным временем и пространством, это психологическое и социальное давление, которое они испытывают. Несомненно, что в условиях растущих цен на жилье, образование и медицинские услуги многодетные семьи часто оказываются в сложной финансовой ситуации, что негативно сказывается на их качестве жизни и воспитании детей, и всё это тянет за собой и шлейф социально-психологических проблем. Описанное приводит к негативной стигматизации многодетных семей как неуспешных, проблемных, неблагополучных.

Социальные, экономические и культурные трансформации влияют на восприятие брака и семьи, что, в свою очередь, может иметь серьезные последствия для стабильности общества. Таким образом, для решения задач, стоящих в настоящее время перед страной, важнейшим моментом в развитии целостного мировоззрения является

формирование положительного образа многодетной семьи. Из опросов, проводимых в студенческой среде Иркутского государственного аграрного университета, каждый пятый студент желает иметь многодетную семью, что, конечно, не мало, но недостаточно для решения задач, стоящих перед нашим обществом [8].

Конечно, формирование положительного образа многодетной семьи невозможно без решения, в первую очередь, их экономических и материальных затруднений — обеспечения таких семей достаточным уровнем средств к существованию, жильем и т.д. Повышение уровня их благосостояния уже приводит к повышению статуса таких семей в социальной иерархии и снимает ряд связанных с этим социально-психологических вопросов, однако этого будет недостаточно без повышения престижа многодетных семей. Иметь большую семью должно стать почетно, большое количество детей должно ассоциироваться в нашем обществе с успешностью индивида с его высоким уровнем благосостояния и образования, и, напротив, богатый и высокопоставленный, но малодетный член общества должен восприниматься как ущербный, имеющий проблемы с самоосознанием или репродуктивным здоровьем. Здесь большое значение будет иметь духовно-нравственное воспитание и образование подрастающего поколения, и основная нагрузка в формировании такого мировоззрения ложится на образовательные и религиозные институты общества, и, конечно, семью как первичного института социализации, поскольку именно они должны донести до подрастающего поколения убежденность в том, что семья вообще и многодетность в частности обеспечивает не только им лично высокий уровень благосостояния, эмоционально-психологическую защиту и поддержку, создают благоприятную среду для формирования самооценки и уверенности в себе, но и являются фактором успешного развития всего общества, развития экономики страны и обеспечения ее безопасности, что, в свою очередь, опять же гарантирует удовлетворение их личных потребностей, желаний и интересов.

Такая репродуктивно-ориентированная система ценностей соответствует особой природе современной многодетности, свойственной высокопроизводительному постиндустриальному обществу: несколько детей в семье рождается не из-за стремления получить как можно больше рабочих рук в индивидуальном хозяйстве, а из-за внутренней потребности родителей в детях [6].

Таким образом, одной из целей социальных институтов нашего общества, отвечающих за духовно-нравственное воспитание, при формировании целостного мировоззрения должно стать развитие у современного поколения репродуктивно-ориентированной системы ценностей путем осознания молодым поколением прямой зависимости их личного благосостояния от развития всего общества и количества рожденных ими детей.

Литература

1. Бюллетень Росстата: экономическое описание по естественному движению населения с приложениями. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 15.08.2025).

2. Мурашкина В. Ю. Статистический анализ естественного и механического прироста населения Российской Федерации как показателей экономического благосостояния // Прикладные аспекты анализа и моделирования социально-экономических процессов и управления: сборник научных трудов. 2024. Вып. 2. С. 196–201.

3. Население России: ежегодный демографический доклад / ответственный редактор С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 344 с.

4. Путин В. В. Послание президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Москва, 2020. URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/131280>.

5. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 18.08.2025).

6. Русанова Н. Е., Журавлева Е. К. Многодетность в Москве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogodetnost-v-moskve> (дата обращения 01.02.2024).

7. О мерах социальной поддержки многодетных семей: указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50259>

8. Хомич Н. В. Социологическое исследование: настоящая молодая семья глазами студентов // Климат, экология, сельское хозяйство Евразии: материалы XIII Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского». Молодежный, 2024. С. 617–622.

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО И СРЕДНЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛИИ**

© *Цедевсурэн Намсрай*

г. Улан-Батор, Монголия

Аннотация. Рассматривается модернизация системы образования в Монголии. Обращается внимание на традиции домашней школы до революции, религиозное обучение детей мужского пола в качестве учеников в храмах. Победа народной революции в 1921 г. создала социальную и политическую ситуацию для развития современного образования. Правительство успешно реализовало цели просвещения, повышения грамотности народа, предоставления начального и среднего образования. По примеру стран социалистического строя в 50–60-е гг. в стране была разработана современная система профессионального образования путем подготовки национальных специалистов в области народного хозяйства. Демократическая революция в Монголии в 1990 г. определила реформы системы образования с точки зрения концепций и содержания образования и методов. Дальнейшая модернизация образования связана с расширением возможности совершенствования процесса обучения, формированием основополагающих жизненных ценностей у подрастающего поколения.

Ключевые слова: Монголия, трудовые ритуалы, религиозное обучение, реформа образования, модернизация, демократическое общество, политехническое образование.

MODERNIZATION OF PRIMARY, SECONDARY,
AND VOCATIONAL EDUCATION SYSTEMS OF MONGOLIA

Tsedevsuren Namsrai

Ulan-Bator, Mongolia

Abstract. In this report, the issue of education reform in Mongolia was considered. We are paying attention to the pre-revolutionary training, which is home education, and the religious training that used to educate boys children in the church. The victory of the people's revolution in Mongolia in 1921 created the socio-economic conditions for the development of newest education. The government's implementation of the goal of enlightenment laid the foundation for the development of primary and secondary education and people becoming literate. The democratic revolution that took place in Mongolia in 1990 created

the conditions for reforming the concept, content and methods of education. Further reform of primary and secondary education is to equip the youth with national and global values.

Keywords: Mongolia, craftsmanship, religious education, education reform, modernization, democratic society, polytechnic education.

Монголы — один из традиционных народов, которые не только передают ценное наследие культуры и жизненный опыт своей молодёжи, но и рассматривают его как фундамент для образования и воспитания. Этот фундамент был связан с условиями жизни и обычаями монголов, которые во многом определялись особенностями природно-географического ландшафта. Для монголов основной средой для детского воспитания и обучения была не только семья, но и айлы, в традиционной культуре которых большую роль играли трудовые ритуалы. Монголы приучали детей с ранних лет к участию в трудовой деятельности, связанной с животноводством, с заботой о животных, изготовлением шерстяных, войлочных, кожаных изделий, приготовлением молочной пищи и др. Следует отметить, что в свое время в исследовании Л. Шагдарсурэн «Происхождение и развитие политехнических школ МНР» подчёркивалось, что «содержанием учебной деятельности монгольских детей является содержание домашнего и ремесленного труда» и обращалось внимание на то, что существовало множество его форм [1, с. 44].

В конце XIX в. в Монголии работали школы маньчжурской, китайской, монгольской письменности, школы переводчиков, начальные школы, религиозные школы при дацанах, было распространено домашнее образование. Согласно некоторым документам по истории развития образования, в Монголии в 1911 г. действовало 60 школ, в которых училось более 600 учеников. В 1921 г. в Монголии произошла народная революция, которая определила совершенно новый путь развития. В результате было сформировано новое правительство, поставлены совершенно новые социально-экономические, политические и духовные цели, в том числе цель воспитания и просвещения населения.

С 1921 г. началась модернизация системы образования. Этапы развития народного образования в Монголии представлены в таблице.

Таблица 1

Этапы модернизации образования в Монголии XX в.

Период	Специфика развития образования
1921–1940 годы	Время, когда школы и учебные заведения были восстановлены и укреплены по-новому
1941–1957	Период всеобщего начального образования
1958–1986	Реализация цели обеспечения неполного среднего образования для всех народов

Первая конституция МНР закрепила положение о развитии просвещения, образования и науки в стране. Соответствующие министерства были обязаны обучать грамоте взрослых и военнослужащих. Создание школы подготовки сотрудников для министерства связи положило начало подготовке специальных профессиональных кадров. Обучение грамоте взрослых было организовано в форме домашнего обучения, групп и временных школ. Традиционный метод домашнего обучения широко использовался для обучения грамоте молодых людей. Члены партий, союзов, женских организаций и воинских частей объединялись в группы обучения грамоте. В начальных и средних школах детей обучали монгольской грамоте, математике, истории. В резолюции состоявшегося в ноябре 1924 г. первого Государственного съезда и Министерства народного просвещения указывалось, что необходимо уделять большое внимание развитию государственного образования и отделить образование от религии.

В 50–60-е гг. XX в. по примеру стран социалистического строя стало уделяться внимание политехническому образованию в школе, были добавлены курсы агротехники и машиностроения. В техникумах была расширена связь обучения с производством, создана форма студенческого производственного отряда. В 90-е годы в содержание и методику общего образования Монголии были внесены следующие важные положения, направленные на предоставление молодёжи необходимых знаний и опыта для жизни в обществе:

- содержание всех предметов освободилось от идеологии,
- акцентировались ценности, созданные человечеством,
- подчёркивалась значимость развития способности критически мыслить,
- культивировалось стремление к знаниям,

– обращалось внимание на развитие способности критически мыслить, иметь свое мнение,

– одной из главных целей образования стало формирование основополагающих жизненных ценностей у подрастающего поколения [2, с. 26].

В 2002 г. были обновлены стандарты содержания школьного и среднего профессионального образования. Содержание образования и стандарты оценки были составлены с использованием системы, основанной на «Comprehensive Competence», что стало важным шагом в соответствии с международным уровнем и расширило возможности совершенствования процесса обучения. Одним из основных принципов этой программы стало продуктивное сотрудничество учителей и учащихся. Этот принцип основан на концепции, которая подчеркивает 4 основные цели современного обучения, предложенные ЮНЕСКО для модернизации образования:

- Учимся, чтобы знать (Learning to know)
- Учимся, чтобы создавать (Learning to do)
- Учимся, чтобы существовать (Learning to be)
- Учимся жить и работать вместе (Learning to live together)

В «Концепции развития образования в Монголии» (2015 г.) отмечалось, что образование открывает возможности для непрерывного развития интеллектуальных способностей людей [3, с. 6]. Оно признано катализатором социального развития общества. В «Законе об образовании Монголии» 2023 г. подчёркивалось, что одной из основ существования демократического общества является то, что объем и качество образования его граждан позволяют им определять и организовывать свои жизненные цели [4]. На образование влияют политическая система и уровень развития страны, что можно увидеть по тому, как государственная политика в области образования реализуется на национальном уровне. Следует отметить, что в Монголии в связи с глобализационными процессами усиление западных стандартов образования вызвало опасения уменьшения роли национального наследия и культуры [5, с. 72]. Но этого не произошло.

Заключение

Победа народной революции в Монголии в 1921 г. создала базовые условия для развития современного образования. Были созданы средние школы и специальные профессиональные средние школы для подготовки кадров национальной квалификации. В связи с

учреждением в 1942 г. Университета Монголии в 1938 г. были обновлены общеобразовательные учебные программы, что обусловило дальнейшее развитие образования. За успехи в движении за просвещение и всеобщую грамотность была получена премия ЮНЕСКО, которая является подтверждением быстрого развития современного образования в Монголии. Страна развивается в направлении гуманного и демократического общества, успешно реформируя управление содержанием и методологией на всех уровнях своей системы образования, стремится к мировому уровню. Уровень образования граждан Монголии относительно равномерен по социальным группам, что является результатом модернизации образования.

Литература

1. Шагдарсурэн Л. Происхождение и развитие политехнических школ МНР. Улан-Батор, 1976.
2. Цедевсурэн Н. Некоторые проблемы теорий и методики инновации обучения. Улан-Батор, 2005.
3. Концепция развития образования в Монголии. Улан-Батор, 2015.
4. Закон об образовании Монголии. 2023.
5. Цедевсурэн Н. Актуальные проблемы учебных средних общеобразовательных школ Монголии. Улан-Батор, 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Мария Сергеевна, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «БГУ», кандидат социологических наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аникина Екатерина Алексеевна, доцент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кандидат экономических наук, доцент, г. Томск, Россия

Бальчинова Алена Юрьевна, ведущий специалист отдела планирования и организации учебного процесса

Баранова Наталья Сергеевна, руководитель Центра непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Института развития образования Иркутской области, соискатель Иркутского государственного университета, г. Иркутск, Россия

Васёнкин Алексей Вадимович, доцент кафедры истории и философии ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кандидат философских наук, доцент, г. Иркутск, Россия

Гомбоева Янжина Зориктоевна, аспирант факультета философии ФГБОУ ВО «ЗабГУ», г. Чита, Россия

Дводненко Дилияра Надыровна, соискатель факультета философии ФГБОУ ВО «ЗабГУ», г. Чита, Россия

Жерносенко Ирина Александровна, зав. кафедрой музеологии и туризма Алтайского государственного института культуры; доктор философских наук, доцент, г. Барнаул, Россия

Иванкина Любовь Ивановна, эксперт РНФ, доктор философских наук, профессор; ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», г. Томск, Россия

Имixelова Светлана Степановна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «БГУ», доктор филологических наук, профессор, г. Улан-Удэ, Россия

Истомина Ольга Борисовна, заведующая кафедрой социально-экономических дисциплин Педагогического института Иркутского государственного университета, доктор философских наук, доцент

Калашникова Ксения Николаевна, научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства СО РАН/старший преподаватель кафедры социологии экономического факультета НГУ, г. Новосибирск, Россия

Коломыц Дмитрий Михайлович, доцент Казанского федерального университета, кандидат политических наук, доцент, г. Казань, Россия

Коломыц Ольга Григорьевна, доцент Казанского федерального университета, кандидат исторических наук, г. Казань, Россия

Кузьмина Анастасия Алексеевна, соискатель кафедры социально-экономических дисциплин, ФГБОУ ВО «ИГУ», г. Иркутск, Россия

Леденцов Дмитрий Сергеевич, доцент кафедры философии социологии и истории ФГБОУ ВО «Иркутский ГАУ», кандидат социологических наук, г. Иркутск, Россия

Лига Марина Борисовна, декан факультета социальных технологий и управления ФГБОУ ВО «ЗабГУ», доктор социологических наук, профессор, г. Чита, Россия

Мухидинов Магомед Госенгаджиевич, доцент кафедры математики ГАОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», кандидат педагогических наук, г. Махачкала, Россия

Намсрай Цедевсурэн, доктор(PhD), профессор Университета глобального управления, г. Улан-Батор, Монголия

Осинский Иван Иосифович, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «БГУ», доктор философских наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки Бурятской АССР, кавалер почётного знака г. Улан-Удэ «За заслуги перед городом», отличник народного образования Монголии, отличник народного просвещения РСФСР, г. Улан-Удэ, Россия

Соколов Сергей Макарович, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, история и культурология» ВСГУТУ, г. Улан-Удэ, Россия

Халиуллина Нурия Усмановна, доцент кафедры татарского языка и литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, кандидат филологических наук, доцент, г. Уфа, Россия

Хомич Наталья Викторовна, доцент кафедры философии, социологии и истории ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского», кандидат филологических наук, доцент, г. Иркутск, Россия

Хунминь Ван, аспирант факультета философии ФГБОУ ВО «ЗабГУ», г. Чита, Россия

Чагдурова Эржена Дондобовна, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «БГУ», кандидат философских наук, г. Улан-Удэ, Россия

Чебунин Александр Васильевич, профессор кафедры культуры и искусствоведения Восточно-Сибирского государственного института культуры, доктор философских наук, доцент, г. Улан-Удэ, Россия

Чуньюй Лян, аспирант, преподаватель русского языка ФГБОУ ВО «ЗабГУ», Шэньянский технологический институт, г. Шэньян, провинция Ляонин, КНР

Щеткина Ирина Анатольевна, доцент кафедры социальной работы ФГБОУ ВО «ЗабГУ», кандидат социологических наук, доцент, г. Чита, Россия

Ян Бай, аспирант Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия; государственный служащий Группы лесной промышленности Внутренней Монголии, КНР

Ян Ли, аспирант факультета философии ФГБОУ ВО «ЗабГУ», г. Чита, Россия

Содержание

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПАРАДИГМЫ ЦЕЛОСТНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Жерносенко И. А. Ноосферные константы формирования современной модели целостного мировоззрения	3
Иванкина Л. И., Аникина Е. А. Диалектический подход к феномену целостности	11
Бай Ян. Идеи естественной диалектики Ф. Энгельса	16
Хомич Н. В. <i>Условное</i> как явление через призму философии Аристотеля	22
Соколов С. М., Халиуллина Н. У. Картина мира: когнитивный и аксиологический аспекты	28
Чебунин А. В. Мировоззрение и его классификация	33
Коломыц Д. М., Коломыц О. Г. Роль символов в мифологическом восприятии мира	40
Имихелова С. С. Коммуникативная парадигма в целостном подходе к изучению текста	47
Чагдурова Э. Д., Мухидинов М. Г. Актуализация антропологических проблем в условиях цифровой трансформации общества	53
Ван Хунминь. Кризис человеческой субъектности в цифровую эпоху	59
Васёнкин А. В. Социально-философские и этические принципы развития информационных технологий	64
Калашникова К. Н. Парадокс аутентичности: анализ противоречивой ценности городского пространства	70
Щеткина И. А., Лига М. Б., Гомбоева Я. З. Гражданская и региональная идентичность: восприятие жителями Забайкалья	76
Дводненко Д. Н. Национализм в контексте управления этносоциальными процессами в КНР	81
Ли Ян. «Философия открытости и взаимовыручки» как фактор развития Китая и участия в построении системы глобального управления	88
Бальчинова А. Ю. К вопросу о статусе конфуцианства как религии в китайском обществе	93

ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ
В ЭПОХУ СМЕНЫ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ПАРАДИГМ

Истомина О. Б., Баранова Н. С. К вопросу о формировании регионального образовательного пространства как ресурса повышения качества общего образования	100
Кузьмина А. А. Духовное воспитание личности в свете но- вой образовательной парадигмы	108
Алексеева М. С. Религия и образование: эволюция аспек- тов взаимодействия	114
Лян Чуньюй. Исследование применения виртуальных куль- турных сценариев в межкультурном языковом образовании	122
Леденцов Д. С. Феномен многодетности в формировании и развитии целостного мировоззрения нового поколения	127
Цедесурэн Намсрай. Модернизация системы школьного и среднего профессионального образования в Монголии	133
Сведения об авторах	138

Научное издание

ЦЕЛОСТНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ:
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

*Сборник статей всероссийской научной конференции,
посвященной 80-летию со дня рождения доктора философских
наук профессора, заслуженного деятеля науки РФ и РБ
ВАЛЕРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БАЛХАНОВА*

(Улан-Удэ, 17 октября 2025 г.)

Редактор Ж. В. Галсанова
Компьютерная верстка Ж. В. Галсановой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 24.11.2025. Формат 60 x 84 1/16.

Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,19. Заказ 143.

Издательство Бурятского госуниверситета им. Д. Банзарова

670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 4

rio@bsu.ru